

Министерство образования и наука Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Кафедра «Социально-гуманитарных дисциплин»

ЮЗ
Н162

В.Я. Нагевичене

ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ

Учебное пособие

Монография

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2015

ББК Ю3(0) + Ю3(0)321
УДК 1(091)
Н162

*Одобрено
учебно-методической комиссией факультета экономики,
Управления, права
филиала ЮУрГУ в г. Миассе*

Рецензенты: Пивоваров Д.В., Мясникова Л.А.

Нагевичене В.Я.

Введение в философию. Учебное пособие. Монография. –
Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – 136 с.

Н162

В данном учебном пособии рассмотрены три вводных лекции по философии, читаемых для студентов всех специальностей очной и очно-заочной формы обучения филиала ЮУрГУ в г. Миассе. Особенно подробно раскрываются вопросы, связанные с проблемами возникновения философии. Рассматривается предфилософская картина мира, представленная первоисточником основных мировоззренческих концепций, лежащих в основе всех мифологических, религиозных и философских представлений различных народов мира, имеющих ведическую тождественную сущность концепций.

Данное учебное пособие выявляет тенденцию формирования мифотворчества и мифологическо-религиозных представлений ноуменального человека, процесс оформления данного мировоззрения в религиозные и философские концепции и их заимствование другими, соседствующими народами.

Учебное пособие предназначено в качестве лекционного курса для студентов 1 – 2 курсов обучения филиала ЮУрГУ в г. Миассе.

ББК Ю3(0) + Ю3(0)321

©Издательский центр ЮУрГУ, 2015

Лекция 1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА

Мировоззрение

Мировоззрение есть система наиболее общих представлений, взглядов, теорий о мире в целом, что было накоплено человечеством в процессе познания и освоения этого мира, а также отношение человека к окружающей его действительности. Мировоззрение имеет сложную структуру. Оно включает в себя *общественную* и *индивидуальную* форму мировоззрения. Каждый человек живет свою собственную жизнь и формирует свое индивидуальное мировоззрение, исходя из собственного жизненного опыта, который он приобретает в системе собственной **экзистенции** (экзистенция – существование). Экзистенциальный опыт человека – очень уникален и индивидуален и зависит от эссенциальности (**эссенциальность** – сущность) каждого индивида. Эта сущность – **эссе** – является основой неповторимости каждой индивидуальности.

Человек может воспринимать полностью то общественное сознание, в котором он живет, может лишь частично принимать эту форму общественного сознания, которая ему дана как *массовая, групповая или классовая* форма мировоззрения, а может отказаться от этого общественного сознания и составить свою собственную картину мира, которая его устраивает, т.е. соответствует его потребностям и интересам. Поэтому, если Вы очертите круг (массовое сознание или общественное мировоззрение), то точка в этом круге (**индивидуальное сознание или личностное мировоззрение**) может находиться в этом круге, или быть на окружности, или выйти за пределы круга. Человек в системе мировоззрения самостоятельно формирует ту позицию, которая максимально соответствует его эссенциальности и экзистенциальности, ибо каждый живет свою жизнь, исходя из своих собственных возможностей и желаний.

Если Вы представите мировоззрение в виде круга, то в центре его будет находиться меньший круг – философия, который представляет суть любого мировоззрения, как общественного, так и индивидуального.

Мировоззрение можно рассмотреть по горизонтали, где верхняя часть мировоззрения будет составлять **теоретическую** его часть, а нижняя – **практическую**, или верхняя часть будет представлять **идеологию**, а нижняя – **психологию**, или **научную** и **обыденную** части соответственно. Человеку в основном свойственно познание мира через обыденный, практический, психологический уровень мировоззрения. Научная форма познания мира становится доступна человеку тогда, когда он занимается профессионально наукой, или идеологией. Вспомните о событиях в Беслане, когда все мы переживали события, связанные с заложниками в школе, мы негодовали, плакали, помогали в

сборе денег и осуждали террористов. Но можем ли мы разобраться в идеологических проблемах отношения нашего государственного аппарата в отношении к террористам, почему у них самое современное оружие, почему плохо работают органы безопасности, почему было завезено оружие до террористического акта, почему некоторые жители Беслана были на стороне террористов и помогали им? Мы не можем с Вами ответить на вопросы, связанные с внешней и внутренней политикой нашего государства. Некоторые проблемы, которые мы не понимаем, для нас станут понятными лет через двадцать-тридцать, когда ряд материалов будет рассекречен, а некоторые не поймем никогда, потому что будет отсутствовать информация в силу идеологических барьеров.

Итак, **структура** общественного сознания или мировоззрения представлена *общественным и индивидуальным мировоззрением, идеологией и психологией, теоретическим и обыденным мировоззрением.*

Теперь рассмотрим **формы** общественного сознания или мировоззрения. Если Вы представите себе круг и разделите его по принципу «ромашки», то «лепестки» этой «ромашки» – *формы мировоззрения: экономика, политика, право, философия, религия, мораль, искусство, экология и т.д.*

Рассмотрим с Вами *экономику* как форму общественного сознания или мировоззрения. Наше познание об экономике носит обыденный уровень знания, все явления экономической жизни мы можем живо объяснять только на уровне нашего психологического восприятия тех или иных экономических проблем, с которыми мы встречались конкретно в нашей обыденной жизни, в нашей экзистенции. Но, если Вы стали изучать экономику как науку или уже работаете в определенной научной сфере экономики, то Вы будете эти явления и процессы экономической жизни излагать научно, категориальным аппаратом, как специалист и можете предложить свое собственное решение данной проблемы, исходя из своего собственного видения ее или в своих интересах, или в интересах общественного развития.

Точно так же можно рассмотреть и *религию*, как форму общественного сознания или мировоззрения. Массовая атеизация населения прошла вместе с идеологией коммунистической партии, идеологический вакуум заняла церковь, вставшая на путь массового оцерковления населения. Все приняли призыв, брошенный либеральными и левыми партиями о «возрождении» России, а также русской православной культуры. Стали восстанавливать церкви, строить новые, реанимировать монастыри, посещать церкви, проводить религиозные обряды и даже вводить религиозные праздники на уровень государственного признания. Вряд ли Вы знаете религиозные обряды, сущность религиозных праздников, необходимость крашение яиц на Пасху и свершения крестного хода вокруг церкви? Теоретически знание религии дано только теологам и

религиоведам. А идеологическое заигрывание государства и церкви Вам вряд ли понятно, просто государство не имеет социальной политики по отношению к народу, предало его на уровень самовыживания и терпения, отдало во власть церкви и Бога. У государства должна быть четко обозначена социальная, светская позиция в отношении к своему народу, а церковь может предлагать свою религиозную (конфессиональную) политику как дополнительную, но не определяющую. Однако наше государство с 1990 г. не имеет четкой социальной политики, а церковь с 2001г. ее приняла в отношении к народу. Но у нас многонациональное государство, оно много конфессионально. Как же быть другим конфессиям? Как поступать людям тех конфессий, которые государство вновь запрещает: свидетели братьев Иеговы, баптисты, «белое братство», буддисты, бахаи? Как поступать православным верующим, когда раздается призыв русской интеллигенции о необходимости слияния в единое христианство католицизма и православия. Особенно эти призывы раздались в траурные дни в Ватикане при прощании с папой – Иоанном Павлом II. Здесь Вы будете не большим специалистом и вряд ли поймете сложности отношений между церквями и священнослужителями. Бог – один, скажете Вы, но «мундиры» у священнослужителей разные: от православных до буддистов и т.п.

Каждая форма общественного сознания должна быть рассмотрена по его горизонтальной структуре, тогда Вы четко определите свою позицию по отношению к ней: специалист Вы или нет, и согласиться со своим обыденным (профанным) понятием в этой сфере.

Сущность философии

Сама философия есть мировоззрение, т.е. совокупность взглядов на мир в целом и на отношение человека к этому миру. В одном ряду с философией находятся другие формы мировоззрения: мифологическое, религиозное, художественное, натуралистическое, обыденное. Философия отличается от иных форм мировоззрения тем, что она относится, прежде всего, к научной сфере общественного сознания (хотя надо сразу отметить, не только к этой сфере), а внутри нее, в отличие от натуралистической формы мировоззрения (например, фрейдовского мировоззрения, тоже включенного в сферу науки), имеется специфический категориальный аппарат, опирающийся в своем развитии не на одну какую-либо научную дисциплину, а на весь совокупный опыт развития человечества.

Сущность философии – в размышлениях над всеобщими проблемами в системе «мир-человек».

Философия выступает в двух ипостасях: 1) как информация о мире в целом и отношении человека к этому миру и 2) как комплекс принципов познания, как всеобщий метод познавательной деятельности. На этом

основано разделение большого числа функций философии на две группы: мировоззренческие и методологические.

Структура философии

Онтология – учение о бытии.

Гносеология – учение о познании.

Логика – наука о правильных формах мышления.

Аксиология – наука о ценностях.

Праксиология – наука о формах поведения, адаптации человека.

Функции философии

На первом месте среди функций философии, в соответствии с приоритетной значимостью проблемы человека среди всех остальных проблем, стоит **гуманистическая функция**.

Нет на свете, наверное, ни одного человека, который не размышлял бы над вопросом о жизни и смерти, о неминуемости своего конца. Такие размышления нередко действуют угнетающе. Вот что писал по этому поводу известный русский философ Н.А. Бердяев: «Будущее всегда в конце концов приносит смерть, и это не может не вызывать тоски». Тоска, в сущности, всегда есть тоска по вечности, невозможности примириться со временем. Тоска направлена к высшему миру и сопровождается чувством ничтожества, пустоты, тленности этого мира. Тоска обращена к трансцендентному, вместе с тем она означает неслиянность с ним, тоска по трансцендентному, по иному, чем этот мир, по переходящему за границы этого мира. Но она говорит об одиночестве перед лицом трансцендентного. Потеря высших мировоззренческих ориентиров в жизни может вести к самоубийствам, наркомании, алкоголизму, преступлениям [1, с. 47].

Сокровища непосредственной жизни имеют цену лишь тогда, указывал В.С. Соловьев, когда за ними таится безусловное содержание, когда над ними стоит безусловная цель. В.С. Соловьев приходит к выводу о том, что «безусловно необходимы для жизни человеческой убеждения и воззрения высшего порядка, т.е. такие, что разрешали бы существенные вопросы ума, вопросы об истине сущего, о смысле или разуме явлений, и вместе с тем удовлетворяли бы высшим требованиям воли, ставя безусловную цель для хотения, определяя верховную норму деятельности, давая внутреннее содержание всей жизни... Такие общие воззрения существовали и существуют, и притом в двух формах: религии и философии» [2, с. 16 – 17].

На протяжении многих веков, начиная с эпохи рабовладения, значительная часть человечества пребывает в отчуждении от собственности, от власти, от продуктов своей деятельности. Человек оказывается поработанным и физически и духовно. В.С. Соловьев

убежден, что философия освобождала человеческую личность от внешнего насилия и давала ей внутреннее содержание. Она низвергала всех ложных чужих богов и развивала в человеке внутреннюю форму для откровений истинного Божества. Философия, осуществляя собственно человеческое начало в человеке, тем самым служит и божественному, и материальному началу, вводя и то, и другое в *форму свободной человечности* [3, с. 23].

К проблеме отчуждения человека и роли философии в преодолении отчуждения обращались многие философы XX века.

Следующей мировоззренческой функцией философии является **социально-аксиологическая**. Она расчленена на ряд подфункций, среди которых важнейшими являются конструктивно-ценностная, интерпретаторская и критическая подфункции. Содержание первой из них заключается в разработке представлений о ценностях, таких, как Добро, Справедливость, Правда, Красота; сюда же относится и формирование мировоззрения о социальном, общественном идеале. Коснемся одного момента – общественного идеала. Вопрос об общественном идеале оказывается связанным с вопросом о характере взаимоотношений философии и политического режима. На первый взгляд, кажется, будто здесь имеются однозначные отношения: философия есть причина, а политическая идея и политических режим – следствие. Действительно, в философских концепциях прошлого, начиная с Платона и Аристотеля, вплоть до Фихте, Гегеля, Маркса, и в концепциях многих современных философов, мы находим в качестве составной части систему взглядов на государственное устройство с довольно-таки подробными рекомендациями для практических политических действий (так Платон рекомендовал упразднить частную собственность и семью; Фихте призывал, в целях достижения социальной гармонии и социального равновесия, осуществить систему широко организованного и бдительного полицейского надзора). Но это могут решить только конкретные науки о государстве: юриспруденция, социология, политология.

Человечество всегда стремилось к созданию общественного идеала. Как писал П.И. Новгородцев: «Здесь нет картины законченного счастья, нет осуществленной гармонии душ, но зато даны вечные предуказания, намечающие путь для бесконечных стремлений. Это – идеал не только демократический, но и вселенский, идеал общечеловеческого объединения и всемирного равенства и гражданства» [4, с. 113].

С конструктивно-ценностными задачами философии переплетаются и составляют единство задачи по интерпретации социальной действительности и по критике ее структур, состояний, тех или иных социальных действий. Интерпретация и критик связаны с ориентациями на ценности, общественные идеалы, с оценкой социальной действительности под ответствующим углом зрения. Философ

постоянно сталкивается с расхождением социальной действительности с идеалами, что нередко приводит к критике данной действительности.

Философия критична по своему существу. Рожденная противоречиями действительности, стремясь теоретическим путем вскрыть, разрушить эти противоречия, философия всегда несет в себе критический заряд. Даже тогда, когда (Спиноза, Гегель) говорят о разумности мира и призывают к примирению с действительностью, даже тогда, когда (Шопенгауэр или буддисты) стремятся уйти от земных тревог и проповедует нирвану, человек непрестанно исходит из своего понимания истины и пути к ней, непременно, начинает с критики – с опровержения иных, на его взгляд, неверных представлений, господствующих среди людей и приобретающих силу предрассудка. Основой и сущностью критической работы философа является обнаружение и раскрытие противоречий, несоответствий между принятой системой понятий и ценностей и тем содержанием, которое в них вносится новым этапом развития мировой истории,

Одной из функций философии является **культурно-воспитательная функция.** Знание философии, кроме того, требования к познанию, способствуют формированию у человека важных качеств культурной личности – ориентации на истину, правду, доброту. Философия способна оградить человека от поверхностных и узких рамок обыденного типа мышления, она динамизирует теоретические и эмпирические понятия частных наук с целью максимально адекватного отражения противоречивой, изменяющейся сущности явлений. Одним из показателей высокой культуры мышления является способность субъекта не обходить познавательные противоречия, а стремиться их разрешить, преодолеть, актуализируя имеющуюся научную информацию и философские категории, проявить самостоятельность, нестандартность мышления. Диалектически развитое мышление, не допуская формально-логических противоречий, всегда стремится к решению реальных противоречий объекта и на таком пути выявляет свой теоретический, антидогматический характер.

Догматизм и скепсис – две взаимно провоцирующие позиции, две мертвые и нежизнеспособные части, на которые неверным воспитанием разрезается человеческое мышление. Отношение к противоречиям является точным критерием культуры ума. Для подлинного культурного, в логическом отношении, ума появление противоречия – сигнал появления проблемы, неразрешимый с помощью строго заштампованных интеллектуальных действий, сигнал для включения мышления – самостоятельного рассмотрения вещи, в понимании которой возникла антиномия (противоречие). Ум надо воспитывать для решения противоречий, а не для истерик и психологических конвульсий. Одновременно у культурной личности будут формироваться критичность, самокритичность, сомнение. Сомнение является активным средством научного поиска. Философия дает

прочное общеметодологическое и гносеологическое обоснование для последовательного саморазвития сомнения в научную уверенность, для гармонического сочетания его с верой в преодоление ошибок, заблуждений, и получение более полных, глубоких, объективных истин.

Философия выступает одним из важных факторов, содействующих устранению «барьеров коммуникации», порождаемых узостью специализации.

Философия имеет и **объяснительно-информационную функцию**. Одна из главных задач философии – разработка мировоззрения, соответствующего современному уровню науки, исторической практики и интеллектуальной деятельности человека. В этой функции модифицировано основное назначение специализированного знания: адекватно отражать свой объект, выявлять его существенные элементы, структурные связи, закономерности; накапливать и углублять знания, служить источником достоверной информации. Подобно науке, философия есть сложное динамическое и информационное соединение, созданное для сбора, анализа и переработки информации с целью получения новой информации. Такая информация концентрируется в философские понятия (категории), в общих принципах и законах, образующих сложную систему. Внутри этой системы выделяются разделы: **философская онтология** (учение о бытии), **теория познания**, **диалектика** как всеобщий метод развития, **социальная философия**, **общая этика**, **теоретическая эстетика**, **философские проблемы частных наук**, **философия религии**, **история философии**, **«философия философии»** (теория философского знания).

Таковы основные мировоззренческие функции философии: гуманистическая, социально-аксиологическая, культурно-воспитательная и отражательно-информационная.

Теперь рассмотрим **методологические функции философии: эвристическую, координирующую, интегрирующую и логико-гносеологическую**.

Сущность **эвристической функции** состоит в содействии приросту научных знаний, в том числе в создании предпосылок для научных открытий. Философский метод, применяемый в единстве с формально-логическим, обеспечивает приращение знаний, конечно, в собственно философской сфере. Результатом этого является экстенсивное и интенсивное изменение системы всеобщих категорий. Новая информация может существовать в виде прогноза.

Философский метод, будучи примененным в комплексе с другими методами, способен помогать им в решении сложных теоретических, фундаментальных проблем, «участвовать» в их предвидении. Важное значение имеет участие философии в создании гипотез и теорий. Ни одна естественнонаучная теория, скорее всего, не обошлась без использования философских представлений – о причинности,

пространстве, времени... Здесь проявляется **конструирующая функция** философии.

Фрагментарность воздействия философии на формирование гипотез и теорий в частных науках имеет одним из своих следствий своеобразный характер натуралистического мировоззрения.

Существо **координирующей функции** состоит в координировании методов в процессе научного исследования. Может быть господствующим аналитический метод исследования, а не синтетический, индукция, а не дедукция. В современной науке преобладающим стало соотношение: один предмет – несколько методов, несколько разных предметов – один метод. Прогресс познания привел к устранению резких граней между науками, что выразилось, например, в возникновении пограничных наук, в «предметно-методологическом» вхождении одной науки в другие (физики и химии – в биологию, химии в физику и т.п.). Возникли астрофизика, геохимия, экспериментальная морфология, эволюционная генетика и другие дисциплины, внешне будто бы нарушающие положение о соответствии метода своему предмету. Положение о соответствии метода своему предмету, таким образом, не отменяется, но реализуется применительно к прогрессирующему процессу детализации представлений о предмете, к его различным сторонам и уровням структурной организации, многосложным связям с предметами других наук.

Потребность в координации частных методов возникает на фоне значительно усложнившихся соотношений предмета и метода в силу, прежде всего, необходимости иметь противовес негативным последствиям, связанным с углубляющейся специализацией ученых. Такая специализация приводит к тому, что происходит разделение между учеными по методам и методикам работы; отдельные исследователи оказываются неизбежно ограниченными в реализации методологических возможностей науки.

Философско-методологические принципы (движения познания от явления к сущности, единства количества и качества, конкретности истины, всесторонности рассмотрения) способны быть координирующим началом в общей системе методов науки. Координирующая функция в сфере частнонаучного исследования сводится к диалектизации оперирования методами.

Интегрирующий метод философии.

Термин «интеграция» (восстановление, восполнение) означает объединение в целом каких-либо частей. Он применяется во многих науках и практике, и уже утвердился в статусе общенаучного понятия: некоторые из философов полагают, что по своей всеобщности это понятие приблизилось к классу философских категорий.

Применительно к функциям философии термин «интегрирующий» связан с представлением об объединяющей роли философского знания

по отношению к какому-либо множеству элементов, составляющих систему или способных образовать целостность. Здесь учитывается также определение и устранение дезинтегрирующих факторов, ведущих к разобщенности системы, к чрезвычайному росту относительной самостоятельности элементов (или частей) в ее составе, выявление недостающих звеньев (элементов или связей), активное включение которых в функционирование системы придает ей гармоничность и оптимальность. Противоположное понятию «интеграция» применяется термин «дезинтеграция».

Взаимное размежевание наук, дифференциация изоляционистского типа являлась ведущей тенденцией в сфере науки вплоть до XIX века. И, несмотря на большие успехи, достигнутые наукой на пути прогрессирующей специализации, происходил рост рассогласования научных дисциплин. Появился кризис науки.

Диалектический подход к науке оказался способным устранять разграничительные рубежи между научными дисциплинами и выявить естественные их связи.

В основе решения проблемы интеграции знания лежит, прежде всего, философский **принцип единства мира**. Поскольку мир един, постольку и его адекватное отражение должно представлять единство; системный, целостный характер природы обуславливает целостность естественнонаучного знания. В природе нет абсолютных разграничительных линий, а есть относительно самостоятельные формы движения материи, переходящие друг в друга, составляющие звенья единой цепи движения и развития; отсюда и науки, изучающие их, могут обладать не абсолютной, а только относительной самостоятельностью; и переходы между формами движения материи должны найти выражение в «переходных» науках. Такие пограничные науки могут быть сложносоставными, характеризующимися не только свойствами других наук, но и свойствами трех и более научных дисциплин. По своим философским основаниям они оказываются диалектическими науками, ибо выражают в своем содержании структурную связь между ранее разорванными элементами науки в целом, демонстрируя единство «обособленности» (прерывность) и «взаимопроникновения» (непрерывность); они двойственны в том отношении, что, будучи объединяющим, интегрирующим фактором в системе науки, знаменуют новый шаг по пути специализации и представляют собой единство противоположных тенденций (дезинтегративной и интегративной).

В настоящее время в науке действует множество интегрирующих факторов, которые позволяют утверждать, что она стала целостным системным образованием; в этом отношении наука вышла из кризисного состояния, и проблема состоит теперь в том, чтобы достичь еще большей ее организованности, упорядоченности.

В современных условиях процесс дифференциации наук не только не приводит к их дальнейшему разобщению, а, наоборот, – к их взаимному цементированию.

Однако разобщение наук далеко не преодолено, а на отдельных участках научного знания оно иногда даже усиливается. И, несмотря на это, тенденция к интеграции, к синтезу наук становится не только все более заметной в наше время, но и доминирующей.

На уровне науки в целом философия выступает в качестве одного из необходимых факторов интеграции научного знания.

Научная философия выполняет свою функцию: с одной стороны, непосредственно (путем диалектизации частнонаучного мышления, введение философских категорий во все науки, выработки у ученых наиболее общего представления о единстве природы и т.п.), а с другой стороны – опосредованно, через серию интеграторов разной степени общности (благодаря участию в создании связующих, синтетических, проблемных наук, частнонаучных картин мира и т.п.). Философия выступает самым общим интегратором.

Логико-гносеологическая функция философии.

Она заключается в разработке самого философского метода, его нормативных принципов, а также в логико-гносеологическом обосновании тех или иных понятийных и теоретических структур научного знания.

Выработка информации, необходимой для совершенствования элементов всеобщего метода, сочетается с применением ее для развития общенаучных методов познания, например, системного подхода, метода моделирования. Будучи примененными к построению научных теорий, принципы диалектики как логики включаются в состав их логических (или гносеологических) оснований. Частные науки специально не изучают формы мышления, его законы и логические категории. Вместе с тем, они постоянно сталкиваются с необходимостью выработки логико-методологических средств, которые позволяли бы, «отходя на время от объекта», в конечном счете, «приходить» к нему, обогащая свое истинное о нем представление. Частные науки нуждаются в логике, гносеологии, всеобщей методологии познания. Эту функцию выполняет диалектика как логика.

Если общая методология убеждает в возможности и необходимости адекватного научного познания объекта, то диалектика как логика (вместе с формальной логикой) призвана обеспечить достижение этой адекватности. Она разрабатывает средства наиболее полного, точного отражения развивающейся, непрерывно изменяющейся сущности объекта.

Диалектика создает общие ориентиры познавательной деятельности в различных областях теоретического естествознания, а разработка диалектико-логических принципов познания, проводимая в тесном контакте с обобщением новейших достижений методологии

естественных наук, придаст практическую значимость общеметодологической функции философии.

Основной вопрос философии

Основной вопрос философии – это вопрос о сущности природы мира. Основной вопрос философии имеет две стороны: о сущности, основе мира и о познаваемости мира.

Первая сторона основного вопроса философии отвечает на вопрос – что первично: материя или сознание? Те философы, которые считают, что в основе сущности мира лежит материя называются **материалистами**, те философы, которые за основу сущности мира берут сознание, принадлежат к **идеалистам**.

Материалистические школы делятся на: **диалектическую, метафизическую, механистическую, философию французского Просвещения, вульгарную и марксистскую**.

Идеалистические направления в философии делятся на **объективный и субъективный идеализм**.

Диалектическая школа – стихийный наивный материализм Древней Греции: Милетская школа – Фалес, Анаксимен, Анаксимандр, Гераклит Эфесский, Демокрит и его учитель Левкипп – создатели атомистической теории строения вещества, Эмпедокл.

Метафизическая школа – Аристотель.

Механистическая школа – Френсис Бэкон и другие представители философии Нового времени, ориентирующиеся на научное мировоззрение: «знание – сила».

Философия французского Просвещения – Вольтер, Ламетри, Руссо, Дидро, Гольбах, Кондильяк, Монтескье и др.

Вульгарный материализм – философия Германии XIX века: Фогт, Бюхнер, Молешотт.

Марксистский материализм – Ф. Энгельс, К. Маркс, В. Ленин.

Те философы, которые в основе сущности мира видят абсолютный разум, абсолютную идею, абсолютную волю принадлежат к **объективным идеалистам (Платон, Сократ, Гегель)**. Те из философов, которые за основу сущности мира берут индивидуальное сознание, мышление, принадлежат к **субъективному идеализму (большая часть философов и почти все мыслящие люди)**.

Если философы в основе мира видят одно начало, то они представляют **монистическое направление, монизм** (моно – один), а если считают, что мир состоит из материального и идеального, то они составляют **дуалистическое направление, дуализм** (диа – два).

Некоторые философы стоят на непоследовательных позициях, выбирая в вопросах естествознания материалистическое направление, а в вопросах о душе, жизни и смерти идеалистическое объективное или субъективное направление, то они принадлежат к

непоследовательному философскому направлению – эклектизму или плюрализму.

Вторая сторона основного вопроса философии – о познаваемости мира. Многие философы считают, что мир познаваем, но некоторые отрицают познание мира, они называются **агностиками** (а – не, гносис – знание, т.е. незнание по-гречески), **агностицизм** иногда не столько отрицает познание мира, сколько считает, что мир познается не истиной в последней инстанции, о путем перехода от одной относительной истины к другой и так далее, до бесконечности, а вещь может оставаться до конца непознанной. Так считал Иммануил Кант, составивший свою теорию познания и считавший, что вещь остается до конца непознанной – «вещь-в-себе».

Основной вопрос философии был впервые поставлен Ф. Энгельсом в работе «Диалектика природы» и развит В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Скорее всего, это было необходимо классикам марксизма для четкого деления идеологических позиций в условиях классовой борьбы и ее оправдания.

Познание в философии осуществляется **гностическим** или **эпистемологическим** методом или опытом.

Дефиниция **«опыт»** рассматривалась центральным понятием в историко-философском становлении теории познания, ибо опыт включает всю совокупность всего того, что происходит с человеком в его жизни, его осмыслении места в этом мире, с «познанием самого себя», в своих дарованиях и недостатках, образе своего мышления. Человек осмысливает свой внутренний и внешний опыт через свою жизнедеятельность.

К опыту сводятся все науки, претендующие на достоверность своего знания. В философии опыт есть основа всего непонятного знания о действительности, он является еще и продуктом нашего рассудка, с которого начинается познание. Однако сам опыт является результатом деятельности духа, предполагая известные «формы рассудка», которые только и делают возможным опыт. Лишь благодаря опыту или возможному опыту понятия получают свою реальность.

Гносеология (от греч. *gnosis* – познание и *logos* – учение) – учение о познании, является метафизической частью познания. Свое формирование гносеология получает в философии Сократа и Платона и в дальнейшем представлена через всю историю философии с различными модификациями неоплатонизма. В основе гносеологии лежит понятие **гносиса** – метода познания, связанного с проникновением в мир сверхчувственного для созерцания Бога. Гностиками в древности, античности и в средние века называли тех философов или теологов, которые в своих философских или теологических концепциях описывали свой «духовный опыт», благодать, откровение, дар «обращения», приведший их к Богу, пониманию всего сущего и сверхсущего, к утверждению в своем

мировоззрении нравственно-этических понятий, таких как: Добро, Красота, Истина.

В древности и античности гностики пользовались мистериями как средством активизации своего божественного дара для общения с Богом. Гностицизм расцветает ярким цветом в системе личностного познания, как средство обретения своей самостоятельности во взглядах на мир, бытие и самого себя, поэтому он соответствует людям, большей частью, обладающим харизматическими способностями или создающим новые теории в любой сфере знания (религии, философии, науки). Личностный опыт познания всегда уникален, своеобразен, он не может входить в какой-либо систематизированный процесс познания, отсюда вытекает многообразие его в виде мистического, религиозного, духовного и т.д. Когда ставка в познавательном процессе идет на гения, всегда область гносеологии становится актуальной в любой период исторического развития общества.

Одновременно с гносеологией в платоновский период развития философии происходит формирование аристотелевской *эпистемологии* (от греч. *episteme* – знание и *logos* – учение) – теории познания. *Эпистемологический* – теоретико-познавательный метод основан на логике, на попытке рационального объяснения мира, бытия, человека. Чаще всего этим методом пользуются для формирования научных теорий и гипотез, которые могут быть доказаны логическим путем.

Гносеология и эпистемология как два альтернативных метода в теории познания прошли через всю историко-философскую картину мира, принимая различные виды противостояния в разные эпохи: номинализм – реализм; эмпиризм – рационализм; материализм – идеализм; наука – паранаука.

Эти противостояния методов познания проявили себя не только в области познания философских проблем, но и во всех сферах познания, в том числе, и в религии, и в искусстве, и в науке.

Разнообразие гностического метода познания всегда привлекало к себе внимание ярких, нестандартных, мистических, харизматических личностей, которые описывают многообразие своего индивидуального опыта познания в системе имманентности или трансцендентности.

Метод познания может быть имманентный, трансцендентальный и трансцендентный. Эти методы познания были разработаны И. Кантом.

Имманентный метод – метод внутреннего сосредоточения, когда необходимо в начальный период своего познания сосредоточиться на данном явлении или процессе познания. Вы выключаете радио, перестаете слушать музыку и углубляетесь в *предмет* Вашего познания.

Трансцендентальный метод – метод выхода за границу области познания (транцензус – граница). Это – метод образного мышления. Представьте себе, что Вы находитесь на берегу озера Тургояк в

купальнике, при ярком солнце, когда за окном трещит мороз. А можете себе вообразить, что Вы на берегу Красного моря или возле сфинкса в Египте? Кто это видел, тому не стоит труда оказаться там своим сознанием, но кто не видел этого, тот с трудом будет что-то пытаться вспомнить из картин и фильмов, в которых Вы раньше встречали фотографии сфинкса.

Трансцендентный метод – метод выхождения за пределы возможного, путешествие вне тела. Когда Ю. Гагарин полетел в космос, то потом задал такой вопрос: «Почему М.Ю. Лермонтов написал, что «спит Земля в сиянье голубом»? Откуда он мог узнать, что вокруг Земли голубое сияние, если я – единственный, который видел Землю со стороны и знаю, что она спит в сиянье голубом»?

Трансцендентный метод присущ людям, обладающим высоким духовным опытом познания и способным путешествовать вне пространства и времени (гении, пророки, прозорливцы...).

Средства познания философии

До сих пор еще нет сколько-нибудь широкого систематизированного освещения вопроса о средствах философского исследования. Отдельные же экскурсы в эту сферу могут приводить и порой приводят (особенно тех, кто лишь начинает приобщаться к философии) к мнению, будто среди философов имеются принципиальные разногласия в отношении средств исследования в философии [5]. Сопоставим, к примеру, несколько положений.

Так, некоторые философы утверждают, что для получения общих принципов в философии нет другого пути, кроме движения от частного к общему, ибо никаких, более общих принципов, чем философских не существуют. **Дедуктивный** метод, с успехом применяющийся в математике, непригоден для выведения основных принципов философии. Другие философы указывают на то, что понятия об объективной реальности могут быть получены путем **индуктивного** обобщения; ибо они образуются как универсальные умозрительные принципы с помощью концептуальной интуиции исследователя. Третье направление философов отмечает, что общий характер движения мысли в процессе систематизации категорий подчиняется **гипотетико-дедуктивному** методу; посредством дедукции из исходного минимума категорий выводятся затем остальные категории философии.

Несмотря на то, что в последнем случае не отбрасывается индукция, а в первом – дедукция (во втором обращается внимание также на рефлекссию и умозрение), все же создается впечатление взаимоисключаемости установок, принятых в этих мнениях.

Однако более строгий учет разноаспектности, применяемых в философии средств исследования и системный подход к ним, способны снять такую альтернативность.

Рассмотрим более внимательно проблему *средств исследования* в философии.

В любой науке специфика познавательных средств выявляется, во-первых, выделением собственного, ведущего средства, неразрывно связанного со спецификой проблем и предметного их основания, и, во-вторых, установлением особой организации остальных средств, выхода на передний план отдельных элементов из всего их комплекса,

Собственный метод детерминирован природой изучаемого объекта, соответствующей системой предметного знания. Так, исследование происхождения видов и факта целесообразности живых организмов привело к созданию эволюционной теории, которая, в свою очередь, обусловила разработку эволюционного, *историко-биологического метода*.

В этом плане и обнаруживается зависимость философского метода от философского мировоззрения. Методом философского исследования является *диалектика*. *Диалектический метод* формировался постепенно, пройдя фазы субъективно-операционалистской определенности и объективно-идеалистической трактовки; в дальнейшем была установлена *связь субъективной и объективной диалектики*,

В арсенале философских средств познания диалектика немислима без логики формальной, без ее правил и законов. Немалую роль при этом играет *индукция*, (пример — формирование представления об основных законах развития). Однако движение мысли от *частного к общему* не всегда возможно, а иногда приводит к ошибкам. Так, еще встречается точка зрения, будто понятие материи образуется в результате обобщения признаков различных материальных объектов. Если следовать этому, то представление о материи не будет выведено за пределы физической науки и будет тождественно совокупности видов физической материи (веществу и полю).

Большую роль в философском исследовании играет *формально-логическая дедукция*: выведение *частного из общего* и общего из общего. О том, например, что движущей силой развития могут выступать и внутренние, и внешние противоречия, говорит уже эмпирический опыт (индуктивные заключения), однако в силу необходимости положение о единстве этих противоречий во всяком процессе развития обретает силу лишь после его выведения из положения о всеобщей системности мира, включающей представление о наличии у каждой системы связи с внешней средой, о ее вхождении в более широкую систему.

В философии широко применяются формально-логические определения — через *родовое* и *видовое* отличие (например, определение понятий «субъективный идеализм», «прогресс» и т.п.). Распространенными являются определения через противоположность (пример — понятие «качество»).

Поскольку философское мировоззрение призвано дать картину мира в целом, исходя из неизбежно ограниченных для каждого этапа общества знаний о мире, создавать и совершенствовать такую (неизбежно ограниченную) картину мира можно лишь посредством использования

экстраполяции, идеализации, мысленных экспериментов и других аналогичных средств познания.

Экстраполяции опираются на индукцию, дедукцию, формально-логический закон непротиворечивости суждений. Например, сформулированы положения: 1) «природа в земных условиях находится в развитии»; 2) «природные явления на Земле материальны». Они получены посредством индуктивного обобщения. На основе только этого средства познания мы не можем сделать строго определенного вывода, касающегося мира в целом. В этом случае прибегают к экстраполяции и формулируют положения: «Мир (или «все в мире») развивается» и «Мир в целом материален». Эти положения полностью не подтверждаемы в опыте, поскольку мир в целом вечен и бесконечен. По своему характеру они проблематичны. Но их достоверность усиливается, и они получают статус истинных при рассуждении, контролируемом законом непротиворечивости мышления. Принимая одно из них за истинное, и совмещая его с положением, противоположным по содержанию другому, мы в итоге приходим к противоречивому в формально-логическом плане философскому построению. В результате доказывается единство принципа материального единства мира и принципа развития.

Важным средством философского исследования, вплетенным в логику познания, является *мысленный эксперимент*. Философ конструирует какую-либо идеальную модель, используя идеализацию, например, модель «мир в целом», модель «сеть причинения», модель «индивидуальное сознание» и т.п., а затем в мышлении «экспериментирует» с этими идеальными объектами, ставя их (мысленно) в разные ситуации и выводя соответствующие следствия (пример — включение «мира в целом» в условия возрастания энтропии).

«Теоретическое рассуждение в *мысленном эксперименте* строится в соответствии с методикой реального эксперимента. Первостепенную важность здесь приобретает механизм воображения, умение оперировать пространственными образами, способность наглядного представления различных экспериментальных ситуаций. Ученый должен уметь ярко и живо представить себе в уме все так, как если бы оно происходило в действительности. Вопрос: «Что должно произойти, если...» является тем рычагом, который переводит субъекта из реальной действительности в плоскость воображения, но «воображения, регулируемого знанием объективно действующих законов». Наличие в мысленном эксперименте воображения как специфического эвристического компонента, не сводимого к дискурсивному фактору [6, с. 278 – 279] позволяет выделить мысленный эксперимент в качестве относительно самостоятельного средства исследования философов.

Еще одной стороной философского познания является *герменевтическая интерпретация*. Как и мысленный эксперимент, герменевтическая интерпретация тесно связана со средствами логического мышления,

базируется на них, но к ним не сводится, как не сводится, скажем, понимание к знанию, хотя понимание и невозможно без знания.

С античных времен философия считалась не только знанием, но и мудростью. Само слово «философия» довольно точно выражает специфику философского знания, достижение этого знания посредством философствования, размышления, понимания через посредство «любви к мудрости».

В гуманитарном знании имеется понятие *«герменевтика»* (его не следует смешивать с герменевтикой как специфической философской доктриной), которое означает искусство понимания, метод, теорию понимания. Этот метод нацелен на раскрытие различных текстов, их внутреннего смысла. Через текст выявляются цели, замысел автора, его внутренний духовный мир, чувства, отношение к окружающему миру, мир его жизни, культурный и исторический фон его деятельности и т.п. Понимание связано с раскрытием уникальности событий и учетом специфики человеческой деятельности. Для философов такой способ познания не ограничен литературными текстами, взятыми из истории философии, он охватывает все, во что вложены человеческие действия, мысль и чувства; жизненный опыт самого философа и других людей, осмысливаемый философом, тоже осваивается посредством герменевтики.

Применительно к явлениям природы понимание связано с выявлением значения тех или иных явлений в общей системе природы, для человека и человеческой цивилизации, их мировоззренческой значимости. За ними не стоит деятельность человека или какого-то иного духа, подлежащая расшифровке. В данном случае *понимание есть истолкование, интерпретация.*

Понятие «понимание» соотносительно с понятием «смысл»; они не могут рассматриваться в отрыве друг от друга; смысла так же нет вне понимания, как и понимание всегда есть усвоение некоторого смысла. Понимание – это процедура осмысления, выявления смысла, значения. *Понимание есть результат и процесс применения герменевтики и интерпретации.*

Составное название этого средства освоения действительности не является безусловным, оно отражает переходность от традиционного противопоставления герменевтики и интерпретации к их единству. В то же время оно включает в себя специфичность того и другого способа, ориентирующую на превалирование отношения «текст – автор» в гуманитарном познании и на отношение «субъект – объект» в трактовке явлений природы.

Герменевтико-интерпретаторский метод опирается на средства логического познания действительности, однако выходит за их рамки. Здесь оказываются вовлеченными все духовные способности человека. Понимание требует интенсивного эмоционального настроя, вчувствования, соотнесенности с деятельностью человека, с ценностями человеческого бытия; это осмысление, задаваемое нормативно-ценностными стандартами деятельности человека, специалиста.

При наличии одинаковой (в принципе) информации, подлежащей осмысливанию, разные философы могут иметь различное ее понимание. Это может быть следствием как неидентичных идеологических позиций, так и разных исходных жизненных установок, разного стиля мышления, разного мироощущения.

Наряду с герменевтикой важную роль в познании-постижении объектов философии играет трансцендирующий способ, включающий в себя: *медитацию, элементы мистики и философскую веру.*

Большое место в творческом процессе философов занимает *интуиция*. Ее, однако, не всегда признают в качестве способа достижения новых результатов, представляя себе движение мысли к этому результату в виде непрерывного развертывания цепи умозаключений и доказательства. Такое мнение касается не только философии. М. Бунге пишет: «В науке широко распространен миф, будто ученые располагают двумя независимыми, хорошо отработанными и стандартизированными методами, опираясь на которые они в состоянии братья за любую научную проблему. Эти методы – дедуктивный и индуктивный – позволяют якобы ученому действовать без оглядок, без проб, а, пожалуй, и без таланта... Трудно придумать что-нибудь нелепее и смешнее этой карикатуры на научную работу, одна логика никого не способна привести к новым идеям, как одна грамматика никого не способна вдохновить на создание поэмы, а теория гармонии – на создание симфоний. Логика, грамматика и теория музыки дают нам возможность обнаруживать формальные ошибки и подходящие мысли, а также развивать последние, но они не поставляют нам «субстанции» – счастливые идеи, новые точки зрения» [7, с. 92 – 93].

Такие идеи дает *интеллектуальная интуиция*. Науке известны многие ученые, сделавшие открытия посредством интуиции (Архимед, Ньютон, Броун, Кекуле, Менделеев и др.). Богата такими фактами и история философии.

Вот, к примеру, свидетельство Ж.-Ж. Руссо: «Я шел к Дидро,... я захватил с собой номер «Mercure de France» и просматривал его дорогой. Глаза мои скользнули по столбцам газеты и вдруг остановились на теме, предложенной Дижонской Академией наук для соискания премии. Если когда-либо мир видел внезапное наитие, то это было душевное движение, охватившее меня в ту минуту. В моем уме как бы сразу сверкнул свет, все озаривший. Масса идей, ярких и живых, представилась мне вдруг с такою силою и в таком количестве, что смущение и трепет охватили мою душу. Я как бы опьянел от наплыва мыслей и чувств... Все, что я мог удержать в памяти из этой массы великих истин, озаривших меня в течение 1/4 часа... я поместил в трех главных моих сочинениях – в моей первой диссертации, в книге о неравенстве и в книге о воспитании» [8, с. 606].

Еще один факт, который мы приведем, связан с открытием Ф. Энгельсом форм движения материи. В письме К. Марксу 30 мая 1873 г. он писал: «Сегодня утром в постели мне пришли в голову следующие диалектические мысли по поводу естественных наук. Предмет естествознания – движущаяся

материя, тела. Тела неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. Поэтому естествознание познает тела только, рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познание различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания» [9, с. 67 – 68]. Далее Ф. Энгельс излагает мысли, возникшие у него в отношении того, какие существуют отдельные формы движения материи и как они связаны друг с другом, *метод экстраполяции*. В своем письме Ф. Энгельс просил К. Маркса не разглашать его идею, пока он не разовьет ее сам. На разработку данной идеи у него ушло более десяти лет (подробнее об этом открытии см.: Кедров Б.М. «Классификация наук»).

Таким образом, основные интрасубъективные средства философского исследования следующие:

- 1) средства логики, диалектической и формальной;
- 2) интеллектуальная интуиция;
- 3) герменевтическая интерпретация;
- 4) экстраполяция;
- 5) мысленный эксперимент;
- 6) трансцендирование.

Имеются и другие, не менее важные, средства (например, обращение к *практике как критерию истинности*, *дискуссия* как форма развития философской теории и т.п.), однако они носят несколько иной характер, чем только что рассмотренные, и требуют специального освещения.

Значительную роль в философском творчестве играет *сомнение*. Под сомнением принято понимать расшатывание той или иной предполагаемой истины. Сомневаться, это — колебаться, не решаться, думать на двоих, не доверять, не верить. Многие философы прошлого (М. Монтень, Ф. Бэкон, Р. Декарт, Д. Юм и др.) считали сомнение одним из главных средств исследования философа, полагая, что философствовать — это значит сомневаться. Сомнение, по их представлениям, способно оградить философское размышление от догматизма и ненаучных наслоений. «Мы, — писал М. Монтень, — умеем сказать с важным видом: "Так говорит Цицерон", или "Таково учение Платона о нравственности", или "Вот подлинные слова Аристотеля". Ну, а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог бы сказать и попугай» [10, с. 176].

М. Монтень призывал высоко ценить самостоятельность размышлений и не идти слепо за авторитетами. Иначе философствование будет пустым, не дающим новых результатов. Глубокий смысл в этой связи заложен в его замечании: «Мы опираемся на чужие руки с такой силой, что, в конце концов, обессиливаем».

В любой науке невозможно достичь нового знания, не сомневаясь. Это обусловлено характером научного поиска, постоянным выдвиганием

предположений, стремлением их опровергнуть. То же самое, если не в большей мере, относится к философии: в ней, помимо того, постоянно приходится иметь дело с *экстраполяциями* предельного масштаба, с вероятностными утверждениями, с субъективной уверенностью, верой в правильность сформулированных положений, касающихся мира в целом или жизни человека в ее предельных основаниях. Через опровержение одних предположений возможно доказательство истинности других.

На пути философских, как и частнонаучных, поисков, могут стоять интересы и точки зрения, далекие от подлинной науки. И ученому для работы помимо рациональных средств исследования и профессиональных знаний требуется сомнение, принципиальность, твердость характера, мужество.

Сомнение является не только компонентом психологии творчества, но и методологической установкой подлинно творческой личности.

Абсолютизация скептицизма, конечно, способна противостоять научному поиску и обратиться своим острием не против заблуждений, а против самой истины. Но не следует отрывать скептицизм от истины; мера скептицизма определяется тем, насколько он помогает решению проблем науки, проблем исторически-позитивной практики. Такая ориентация философов, как показал опыт истории, единственно верна и особенно значима сейчас.

Как видим, средства исследования в области философии многообразны и неравнозначны по своему характеру; но все они необходимы в научно-философском анализе проблем.

В философии нет стандартной установки на то, чтобы всегда и везде применять лишь одно из средств философского познания. Как и во всякой науке, возможен выбор любых познавательных средств, в любой их комбинации – лишь бы было достигнуто решение проблемы или обеспечено продвижение в ее разработке. Поэтому, естественно, что для проблем мировоззрения, философы в первую очередь прибегают к герменевтике, вчувствованию, пониманию, при разработке законов развития материальных систем – преимущественно к *индукции*, обобщению материала физики, химии, космологии, биологии, при систематизации категории – главным образом к *дедукции*, во всех этих случаях – к *диалектике* как методу с его нацеленностью на разрешение противоречий познания.

Использование рассмотренных средств философского исследования не исключает применения в философии каких-либо общенаучных или иных средств. Между тем некоторые философы полагают, что свои проблемы она, т.е. философия, должна решать лишь собственными средствами.

Не принимая неопозитивистскую подмену всеобщего философского общенаучным, реалистическая философия в то же время чужда цехового методологического высокомерия и не содержит в себе запрета на использование методов других наук в решении частных задач философского познания или при главенстве специфически философских средств исследования.

Встает вопрос: каков ведущий элемент в общем комплексе средств философского исследования?

На этот вопрос в разных философских концепциях можно встретить разные ответы.

Данное положение вело к выводу о том, что философские построения сугубо индивидуальны, общезначимое философское мировоззрение фактически недостижимо. Аналогичный взгляд встречается и в современной экзистенциальной герменевтике, абсолютизирующей герменевтическое чувство.

Общезначимость философского миропонимания действительно недостижима при ориентации только на интуицию, воображение, темперамент философа или герменевтику. Они различны у разных философов; и даже при одинаковом, в общем-то, арсенале средств они не могут быть абсолютно тождественными при конкретном их применении, зависимом и от индивидуальности субъекта познания, и от разнообразия выдвигаемых задач. Общезначимость обуславливается, прежде всего, научностью содержания философии, выражаемого в истинности главных ее положений, доказательностью строго логического мышления, проверкой положений на практике. Если система философского знания адекватна ее предмету (на том или ином его уровне или срезе), то такая система открыта для принятия любым непредубежденным индивидуальным сознанием и становится (или способна стать) общезначимой системой знания! В основе логического мышления, ведущего к истинным результатам, лежит самая «упрямая» логика — логика самого материального бытия.

Эта зависимость от логики бытия не абсолютна: философу нужен свободный пробег мысли на пути решения своих проблем.

В этом положении, хорошо оттеняющем свободу философского мышления, фиксирована и относительность этой свободы, ее заземленность опытом человека в исходном своем пункте. Но чтобы сохранить и дальше нацеленность на истину, а не трансформироваться в схоластику, свободное движение философского мышления должно периодически контролироваться обращением к действительности. Для философии важно не допускать принципиального отрыва от опыта, реальной действительности, а иметь твердую ориентацию на связь логического мышления с опытом, с многообразной практикой индивида и человечества.

Историческая практика выработала средства, позволяющие мышлению достигать истины при минимуме непосредственных контактов с объективной действительностью. Эти средства – *законы и правила логики*. Если субъект познания исходит из верных посылок и строго следует логическим правилам, то он должен приходить и к верным выводам.

Логическое мышление ведет к приращению философской информации. Но роль логики не ограничивается этим. Она способна служить преградой эмпирическому релятивизму, представляющему собой абсолютизацию роли частных наук в развитии философского знания, т.е. такую установку, при которой считается, что чем больше частных наук знает философ, тем это

якобы лучше для его профессиональной деятельности. Такая установка, сама по себе небесполезная, в идеале не реализуема, а потому способна репрессивно воздействовать на процесс познания. Глубокое же осмысление философских проблем одной какой-либо науки, равно как и проблем социальной действительности, для пытливого философского ума может дать значительно больше, чем поверхностные знания большого количества эмпирического материала. Главное – умение увидеть новую задачу или новый поворот старой, традиционной проблемы, способность на основе логики двигаться к новому философскому заключению.

Библиографический список

1. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) / Н.А. Бердяев. – М.: Международные отношения, 1990. – 336 с.
2. Соловьев, В.С. Несколько слов о настоящей задаче философии // Сочинения: В 2т. / В.С. Соловьев. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 681с.
3. Соловьев, В.С. Исторические дела в философском освобождении / В.С. Соловьев // Вопросы философии, 1988. – № 8. – С. 24 – 39.
4. Новгородцев, П.И. Об Общественном идеале / П.И. Новгородцев. – М.: Пресса, 1991. – 362 с.
5. Алексеев, П.В. Философия: учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Проспект, 2009. – 608 с.
6. Славин, А.В. Проблема возникновения нового знания / А.В. Славин. – М.: Наука, 1976. – 294 с.
7. Бунге, М. Интуиция и наука / М. Бунге. – М.: Прогресс, 1967. – 187 с.
8. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. – 710 с.
9. Энгельс, Ф. Письмо К. Марксу 30 мая 1873 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 33. – С. 63 – 69.
10. **Монтень**, М. Опыты / М. Монтень. – М.: Голос, 1992. – Т. 1. – 384 с.

Лекция 2

ФИЛОСОФИЯ КАК ВИД ЗНАНИЯ

Философия – наука

Философские учения впервые зародились на территории Индии, Китая, Египта и достигли своего классического расцвета в Древней Греции. Философия возникла из *мифологии*, которая разделилась на две части: *религию* – попытка иррационального объяснения мира и *философию* – попытка рационального объяснения мира. Осмысление принципиально новой ориентации субъектов познания вело к возникновению в структуре мировоззрения познавательных субъектно-объектных отношений, а рост естественнонаучной информации о природе приводил к вызреванию всеобщих научных идей о мире, постепенно вытеснявших мифологическую картину мира. Со временем основной вопрос мировоззрения (вопрос о мире в целом и об отношении человека к этому миру) и ответ на него, как и на множество с ним связанных вопросов, обрел научную форму, а новое по своему содержанию мировоззрение оказалось относительно самостоятельным, отъединенным и от мифологии и от религии.

История развития философии свидетельствует о неразрывной связи философии и науки, философия с ее онтологической и гносеологической стороны развивалась путем, аналогичным пути развития естественных наук.

Философия постоянно получает и обрабатывает информацию, имеющуюся в разных областях познания, в том числе, и в науках о природе. Эта информация поступает по многим каналам связи: концептуальной, мезотеоретической, операциональной и др. На этой базе формируется и развивается универсальная картина мира, разрабатываются философские представления о системности бытия, о пространстве, детерминизме, о познавательных субъектно-объектных отношениях, о всеобщих принципах и методах познания.

В структурном плане, со стороны собственно философских понятий и средств познания, философия тоже имеет немало моментов, доказывающих ее *научность*, т.е. принадлежность к сфере *науки*.

Каковы же характерные черты научного знания?

Познание обычно сравнивают с практической и ценностно-оценочной деятельностью. *Познание – это деятельность по получению, хранению, переработке и систематизации осознанных конкретно-чувственных и понятийных образов действительности. Знание – это результат познания.*

Та или иная система знания считается научной, или относящейся к сфере науки, если она отвечает определенным критериям.

Для мифологии и религии характерна вера в сверхъестественное, сверхприродное. В науке превалирует проверенное знание, хотя можно говорить о научной и философской вере в еще не доказанную теорию, но существующую на уровне еще гипотезы.

Критерии научности:

Объективность, или принцип объективности. Научное знание связано с раскрытием природных объектов, взятых как «вещь-в-себе». При этом происходит отвлечение и от интересов индивида, и от сверхприродного. Природу следует понимать, исходя из нее самой, без привнесения в нее чего-либо субъективного или сверхприродного.

Рациональность, рационалистическая обоснованность, доказательность. Как отмечают некоторые исследователи, обыденное знание носит ссылочный характер, опирается на «мнения», «авторитет». Научные знания приводят необходимые основания, выражающие истинность данного содержания. Действует **принцип достаточного основания**, который гласит: «Ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение – справедливым без достаточного основания» [1]. В вопросах истины судьей становится разум, а способом ее достижения – **критичность** и рациональные принципы познания.

Эссенциалистская направленность, т.е. нацеленность на воспроизведение сущности, закономерностей объекта, отражение повторяющихся, но несущественных свойств объекта тоже подчинено этой цели.

Системность знания – не просто упорядоченность, как в обыденном знании, а упорядоченность по основным принципам; упорядоченность в форме теории и развернутого теоретического понятия.

Проверяемость – это и обращение к научному эксперименту, наблюдению, испытание логикой. Проверяемость научных истин идет через практику, которая придает им общезначимость («интерсубъективность»). Общезначимость сама по себе не есть критерий истинности, истинность требует общезначимости и обеспечивает ее [1].

Отмеченные критерии научности применимы к части содержания философского знания, особенно к онтологии (философии природы), гносеологии (эпистемологии) и методологии научного познания.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что философия входит в состав научной сферы знания, по крайней мере, частью своего содержания и, в этом отношении, **философия есть наука, вид научного знания**. Ее предметная специфика как вида научного знания – в предельной обобщенности информации с точки зрения основного вопроса мировоззрения.

Философия как наука выступает как естественная и обществоведческая наука. Она изучает общество, коллективное (общественное) сознание и общественное бытие, специфику

социального познания и т.п. Философия тесно связана с частными общественными науками: правоведением, экономической наукой, политологией и др. Предметно-содержательное проникновение философии и общественных наук позволяет считать философию также и обществоведческим знанием.

Но, философия также обществоведческая, как и естественная наука, более того, она не сводима ни к первому, ни ко второму видам научного познания.

Философия – идеология

Как обществоведческая наука философия тесно связана с идеологией. Все общественные науки – идеологичны, хотя и в разной степени.

Идеология определяется как отражение общественного бытия сквозь призму социально-групповых или классовых интересов. Цель идеологии состоит в выработке систем ценностей этого социального мира. Идеология, в отличие от науки «заземлена» не столько на объекте познания, сколько на интересах «субъекта», взятого на социально-групповом уровне. Ценность идеологии тем выше, чем полнее и глубже она выражает интересы отдельных социальных групп. *Партийность* – это определенность социальной позиции субъекта. Партийность – это не формальное членство в какой-либо партии. «Партийность», сливающаяся с объективностью, с интересами субъекта познания, может совпадать с интересами «родового» субъекта. Философия как обществоведческое знание и как система идей о мире (в целом) вовлечена в классовом обществе в идеологический диалог и политические столкновения.

Воздействие идеологии на философию имеет одним из следствий усиление конфронтации между отдельными философскими направлениями. *Партийность в философии* – это объективно-закономерная и исторически определенная социальная, в классовом обществе – *классовая, направленность мировоззрения*, как по его предметному содержанию, так и по реальной роли в противоречивом процессе общественного развития.

Поскольку философия оказывается связанной с идеологией, постольку в ее содержании имеется идеологическая сторона, а философию можно считать относящейся (в данном случае) к *идеологии*.

Относясь к числу наук (так сказать «по горизонтали»), философия в то же время принадлежит к числу видов идеологии (которые можно представить расположенными «по вертикали»). Она находится в точке пересечения «вертикального» и «горизонтального» срезов духовной жизни общества. Специфика философии в горизонтальном ряду не только в ее предметном своеобразии, но и в том, что она идеологична (отграничиваясь предметно от естественных наук, она отличается от них своим идеологизмом). Специфика ее в вертикальном ряду

духовных феноменов – в способах отражения действительности субъектом, в том, что *она является видом научного знания. Итак, философия есть одновременно и идеология, и наука.*

Философия стремится к научному познанию мира и в то же время к максимальному выражению субъекта (класса). Во взаимодействии двух этих тенденций в истории философии нередко одна из них вытесняла другую, однако это обстоятельство не отменяет ни направленности философии на достижение истины, ни возможностей полного или частичного совпадения этой направленности с интересами социального субъекта.

Философия – гуманитарное знание

В содержании философского знания можно вычленил также части, или стороны, относящиеся к гуманитарным наукам.

Объектом гуманитарных наук является индивид, точнее, его духовный, внутренний мир, и связанный с ним мир человеческих взаимоотношений, и мир духовной культуры общества. К гуманитарным наукам относятся: психология (психология личности, психология эмоций, социальная психология), гражданская история (здесь гуманитарное знание сочетается с обществоведческим), литературоведение, лингвистика и др. *Они изучают духовный мир человека через текст.* Дух (и свой и чужой) не может быть дан как вещь, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого и для других. *Потенциальным текстом является поступок* (М.М. Бахтин).

В гуманитарном познании ученый сталкивается с живым человеческим духом. Жизнь человека наполнена мыслями и переживаниями, ее определяют проекты, планы, ожидания и надежды, успехи и неудачи в их осуществлении. Жизнь личности как бы определяется в точке не совпадения человека с самим собой, на грани, которая отделяет то, что он есть, от того, чем он хочет быть, и которая постоянно преодолевается личностью. *Человеческое бытие (как объект гуманитарного познания) никогда не совпадает с самим собой, оно одновременно существует «в категориях еще-не-бытия, в категориях цели и смысла».* Специфическим для гуманитарных наук способом исследования человека, позволяющим проникнуть в его внутренний духовный мир, является **понимание**. Понимание связано с погружением в «мир мыслей» другого индивида, с постижением и истолкованием его мыслей и переживаний. На этот процесс влияют ценностно-мировоззренческие установки исследователя. В понимании познавательное отношение неотделимо от ценностного. Текст и его понимание – специфическая особенность гуманитарного знания, которое неотделимо от герменевтики как искусства истолкования

текстов, как искусства постижения чужой индивидуальности. С этим связана *диалогичность* гуманитарного знания.

Рост гуманитарного знания, его новизна, неустранимая плюралистичность обеспечиваются интерпретационной природой философского знания. Интерпретация предполагает диалогическое отношение познающего субъекта с особым предметом, выделяемым из исторического, культурного, бытийного и со-бытийного контекстов с учетом специфики последних. Философская рефлексия всегда стремится, интерпретируя, понимать, что, в свою очередь «окрашивает» философское знание в герменевтические тона. Герменевтика – один из методов, при помощи которых возможно понимание – соединяется с природными свойствами философского знания. *Герменевтика – искусство интерпретации, постижения смысла диалогических отношений* – «сплетается» с философскими методами исследования, обогащает их, и сама выводится на рациональный уровень, приобретает *философский статус*.

Философия – искусство

Философии присуща познавательная деятельность, связанная с художественным освоением действительности, т.е. с искусством. В искусстве личностный характер познания настолько глубокий, что личностно-эмоциональный компонент входит составным элементом в «объект отражения». Если в естественных науках такой компонент вообще элиминирует, а в идеологии и гуманитарном знании он проявляется в некоторой степени, уступая место рационализму, то в художественном творчестве он выдвигается на первый план.

Природа искусства. Философия искусства – ***отражательно-выражательная.***

Имеются и другие особенности искусства, если сравнивать его, например, с наукой. *Искусство – образное освоение действительности*, здесь превалирует индивидуальное, единичное; в нем преобладают обобщения разных уровней генерализации знания, в том числе в виде законов. *Искусство тоже отображает общее, но оно представлено в виде индивидуальных образов. Искусство направлено на постижение эстетического в самой действительности.*

В искусстве сильно синтетическое начало, т.е. происходит *целостность постижения объектов* – сознательная, неизменная установка художника. В силу особенностей восприятия мира художников, у которых преобладает синтетическое начало, оно от природы оказывается целостным; результатом их творчества оказываются синтетические, целостные и, в идеале, эстетически ценные произведения.

Философские произведения тоже оказываются личностными, выражающими личность и переживания философа, его отношение к

действительности. Поскольку переживания у разных философов различны, различны их отношения, постольку и понимания этого мира в философии множество. Результаты философствования тесно связаны, как и в искусстве, с индивидуальностью. В философии личность отражается не только на процессе познания, но и на самих результатах познания.

Вхождение в содержание философского знания и в творческий процесс философского познания таких компонентов, которые специфичны для искусства, можно проследить по множеству линий, начиная от собственно эстетических представлений, составляющих, кстати, весьма значительную часть философского знания, вплоть до так называемой «картины мира» предполагает у философов чувство красоты, сопричастности к миру. *Общая философская «картина мира» содержит в себе также человеческое, эмоциональное отношение к миру, его оценку с точки зрения судеб индивида и человечества.* Родственность философии и искусства и их взаимопроникновение вплоть до слияния демонстрируется еще тем фактом, что, несомненно, философские труды обрели форму художественных произведений (к примеру – у Платона, Ф. Ницше, А. Камю), а многие выдающиеся поэты и писатели (А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой) были философами-мыслителями [1, с. 84].

Философия – трансцендирующее постижение объекта

Философия в теории познания может обладать трансцендирующим характером.

«Трансцендентный» – понимается как выходящий за границы возможного опыта, лежащий за пределами этого опыта, выходящий за пределы человеческого сознания. *Этому понятию противоположно «имманентное».* В «Философском энциклопедическом словаре» данное слово поясняется так: «Трансцендентный – термин, возникший в схоластической философии и характеризующий все то, что выходит за пределы чувственного опыта, эмпирического познания мира; предмет религиозного и метафизического познания. Схоластика различала имманентные и трансцендентные причины и действия; первые имеют место в самих объектах, вторые – находятся за пределами их наличного бытия. Кант пытался закрепить различие между понятиями трансцендентальный и трансцендентный, понимая под последним также и то, что недоступно познанию, но является предметом веры (Бог, душа, бессмертие)» [2, с. 375]. Как видно из этого объяснения трансцендентного, оно входит в религиозное познание и в философию («метафизика» – «философия»).

Здесь признается то обстоятельство, что философия есть род трансцендирующего познания. Метод трансцендирования связан с методом постижения чего-то: выход «за пределы» связан с

самоуглублением, с наличием определенного «тайнства», «непостижимости для разума», и в этом смысле, сверхчеловечности, постигаемости трансрационально (чувственная и интеллектуальная интуиция, постижение в целостном переживании и т.д.).

Как утверждал С.Л. Франк, человек, как бы не развивался его интеллект, и основанная на нем рационализированная наука, всегда будет окружен непостижимым; мы постигаем лишь некоторую частицу окружающего нас мира и собственного, внутреннего мира; как внешний, так и внутренний мир до конца непознаваемы, и в этом, кстати, признание их бесконечного многообразия. Но там, где разум обнаруживает свою ограниченность, способно помочь трансрациональное. Посредством его мы доходим до первоосновы мира, а также нашей души. Трансцендирование, хотя и не дает точного знания, как научная рациональность, тем не менее, оно способно улавливать глубинные свойства постигаемого бытия («ведающее неведение»). Подлинную Правду нам открывает лишь философия – установка, в которой рациональность, направляясь на самое себя, тем самым трансцендирует через саму себя и опирается на общее и вечное откровение реальности как Трансрационального, Непостижимого [3. с. 199 – 528].

Постижение богатства первоосновы мира, как это отмечают многие философы, происходит также благодаря *медитации*. Углубляясь в себя, человек через себя постигает мир в его первооснове, а, углубляясь в эту первооснову, человек постигает все более самого себя. Медитация – умственное действие, направленное на приведении психики человека в состояние углубленной сосредоточенности.

В психологическом аспекте медитация предполагает устранение крайних эмоциональных проявлений и значительное понижение реактивности. Соматическое состояние медитирующего характеризуется при этом расслабленностью, а его умонастроение – приподнятостью и некоторой отрешенностью (от внешних объектов и отдельных внутренних переживаний). Методики медитации различаются наборами технических приемов и последовательностью ступеней достижения уравновешенности ума и нереактивной психики. *Медитация, по-видимому, входит составной частью в общий философский метод трансцендирования.*

Трансцендирование тесно связано с *мистикой*, если под ней (тайнственный) понимать «нечто загадочное, непонятное, необъяснимое», «веру в сверхъестественное, божественное, таинственное». Мистика – это религиозно-идеалистический взгляд на действительность [2, с. 220]. Сама по себе мистика или, иначе, мистическое знание, не есть еще идеализм, хотя, надо заметить, и идеализм, подобно религии, не должен быть никаким пугалом. Мистическое знание в том смысле, в каком оно только что обозначено, может быть связано и с материализмом. Любое философствование,

доходящее до границ с непостижимым и до представлений о первооснове мира, его свойствах, не может, с нашей точки зрения, не касаться областей «сверхъестественных» (т.е. сверх-физическо-природных), «таинственных», «загадочных». *Чаще всего мистику связывают с внутренним мистическим, духовным опытом, который дает нам соприкосновение с духовным, Божественным миром, а также и внутреннее (а не внешнее только) постижение нашего природного мира.* Возможность мистики предполагает для себя наличие у человека особой способности непосредственного, сверхразумного и сверхчувственного, интуитивного постижения. *Мистический опыт имеет объективный характер*, он предполагает выхождение из себя, духовное касание или встречу с Богом. Православное богослужение обращается, прежде всего, к мистическому чувству, к нему обращается и его воспитывает.

Н.А. Бердяев тоже указывает на неоднозначную связь мистики с религией. Он выделяет *два типа мистики*: один есть *духовный опыт*, второй – *умозрение, познание*. Если в первом типе описывается драма между душой и Богом и восхождение индивидуальной души к Богу, то во втором типе мистики описывается космическая драма; человеческая драма превращается в космическую драму. Мистиков постоянно обвиняли в имманентизме т.е. в признании имманентности Бога и божественного в душе. Мистика, действительно, способна преодолеть трансцендентную бездну между Богом и человеком. Официальная теология почитала себя объективной и противопоставляла свою объективность субъективности мистики. ***В мистическом опыте трансцендентное становится имманентным.*** Столкновения между мистикой и теологией неизбежны и вечны. Н.А. Бердяев писал о том, что подлинная мистика и есть реализм, она обращена к первореальностям, к тайне существования, в то же время как ортодоксальная теология имеет дело лишь с символами, как бы «откровение откровения», раскрытие реальностей за символами. Настоящие мистики были реалистами [4, с. 428].

Результатом философского трансцендирования с включенными элементами – медитацией и мистикой – является ***философская вера***. Это вообще уже не наука, а психологическая установка индивида, принимающего что-то необоснованное, должным образом, за реально существующее. Специфика этой веры – в ее предмете, каковыми оказываются первоосновы мира и бытие человека.

Путь мыслящего человека – это жизнь в философствовании. Человек не может выразить себя в наличном бытии как таковом. Он прорывает всю как будто завершенную в мире действительность наличного бытия. Он действительно знает себя как человека только тогда, когда открыт для бытия в целом, живет внутри мира в присутствии трансценденции. Принимая свое наличное бытие, он все же стремится к бытию. Он переступает пределы своего наличного бытия и мира, достигая их

основ. Подлинное отличие философии от предметно познающего мышления, применяемого в науках, состоит в том, что философии, и только ей, присуще трансцендирующее мышление.

«Трансцендирующее мышление» (медитирующий характер, элементы мистики, философская вера), близко подводит философское знание к религии и мистицизму и позволяют утверждать, что отдельными сторонами, как и отдельными философскими концепциями, философия подобна этим видам знания.

Философия – любовь к мудрости

Философия внутренне связана с неспециализированным, обыденным знанием.

Философские категории формируются в развитии культуры и воплощаются в структурах обыденного языка. Философия эксплицирует, систематизирует, углубляет смысл своих понятий, но не устраняет их и общий, обыденный смысл.

Содержание философского знания включает в себя установку здравого смысла с его ориентацией на познание ближайших причин явлений, их познание и использование в повседневной практике.

Именно в обыденном знании, в его глубинах происходит кристаллизация того драгоценного феномена соборной человеческой жизни, проявляющейся не столь уж редко, который называется **«мудростью»**. Специализированному знанию о природе этот феномен не свойственен: говоря «знающий специалист», мы можем не сказать «мудрый человек», ибо последнее касается отношения человека к жизни. Философские размышления, свойственные индивидам, не являющимися профессионалами-философами, формируют то, что принято называть мудростью. С другой стороны, специалисты-философы, размышляя над проблемами своей области знания, способны (конечно, далеко не все) достигать такого уровня отношения к бытию, который соотносится с понятием мудрость.

Мудрость – это глубокий ум, опирающийся на жизненный опыт.
Мудрость – это соединение истины и блага, высшая правда, слияние любви и истины, высшее состояние умственного и нравственного совершенства

Любовь к мудрости у древних греков понималась как «стремление к пониманию», «стремление к знанию», «жажду знания» (Фукидид, Сократ). *Пифагор* считал, что сама мудрость (как знание) дана лишь богам, а человек должен удовлетвориться только стремлением к мудрости (к знанию). Поэтому *Пифагор* назвал себя не мудрецом (софистом), а любителем мудрости (*философом*). Хотя область знания под названием «*философия*» впервые употребил *Платон*. В философии как любви к мудрости отражен определенный этап становления самой философии как научного знания, которое ассимилировало и

сохранилось в некоторой определенной модификации. Философские знания близки к жизненному, обыденному опыту человека, соответствуют его обыденным повседневным знаниям, включают мудрость как определенного, ценностного отношения к бытию. Можно даже поставить вопрос: а не является ли мудрое философствование той осью координат, на которой «завязаны» все другие разновидности философских размышлений?

Каждый человек стремится стать философом, т.е. познать этот мир и найти свое место в нем.

Библиографический список

1. Алексеев, П.В. Философия / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – М.: Проспект, 2009. – 608 с.
2. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1988. – 665 с.
3. Франк, С.Л. Непостижимое // Сочинения / С.Л. Франк. М.: Правда, 1990. – 607 с.
4. Бердяев, Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. М.: Республика, 1994. – 480 с.

Лекция 3

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

ГЛАВА I. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Идея целостности человека и мира, вечного его существования на Земле и единого корня всего человечества, первоистока, всегда жила в мыслях мудрейших людей. Многие «совпадения» мифологического, философского, исторического и культурологического материала говорят о существовании некогда единого корня, от которого берут начало культуры различных народов в современных цивилизациях. Но в официальной научной и идеологической среде эта идея всегда вызывала настороженное отношение и скепсис. И, тем не менее, «одиночки-оригиналы» из числа замечательных ученых, богословов, мистиков и философов, оставившие свой след в изучении древней истории и мифологии, разделяют мнение о едином корне или первоистоке всего происходящего на Земле.

Пифагор и Сократ, а также его ученик Платон, Балгангадхар Тилак, Рене Генон, Елена Блаватская, Николай Рерих, Дмитрий Мережковский, Даниил Андреев, Эрнест Мулдашев... Таковы лишь некоторые имена мыслителей, разделяемых эпохами и географическими границами, но единых во мнении: некогда на Земле существовала могущественная цивилизация, много превосходившая нынешнюю в области материальной и, главное, духовной культуры.

Конец XX столетия оказался богат открытиями, имеющими прямое отношение к этому многовековому спору. Обнаружены развалины древних городов на дне Атлантического океана. Открыты многочисленные мегалитические сооружения в землях Крайнего Севера, в том числе и в России, на территории Южного Урала, выполненные, возможно, по единому плану, охватывающему все Северное полушарие...

Эти и другие факты заставляют с большим доверием отнестись к знанию, представленному той областью человеческой культуры, которую принято именовать *Традиция*. Как правило, это знание принадлежит области *герменевтического, сокровенного знания*. Традиция передается в узком кругу из поколения к поколению и переживает, таким образом, тысячелетия. Это живая нить, связывающая нас с глубочайшим прошлым. Возможно, это есть «нить Ариадны» для современного человечества, мечущегося в лабиринте идеологических кризисов и безуспешно пытающегося возвратиться к истокам, обрести корни. По крайней мере, имеет смысл более серьезно отнестись к древним символическим мифам, к «фантазиям» о существовании Земли и ее народонаселении, о Небе и Вселенной, если уж они начинают на наших глазах подтверждаться фактами.

Такие авторы как: Дмитрий Логинов, Ярослав Астахов, Кирилл Фатьянов, Лада Виольева, рассматривающие гиперборейскую веру руссов,

считают, что она является тем самым первоисточком, который раскрывает суть единого истока происхождения народов и их культур. Сами авторы принадлежат к числу традиционалистов «узкого круга». Их мировоззрение определяет Северная Традиция, которая хранит учение и предания легендарного праатлантического континента Полюса – Гипербореи (Арктиды). Этой же традиции, связанной с гиперборейским корнем возникновения культуры арий, заимствованной у атлантов, придерживался Н. Рерих, а также современный исследователь, искатель мудрости, переданной от атлантов ариям, – Э. Мулдашев.

1. Миф об Атлантиде как идея первоисточка

Лада Виольева и Дмитрий Логинов в книге «Гиперборейская вера Русов» попытались представить своеобразный планетарный миф. Они считают, что все эзотерические системы, стоящие такого названия, есть вариации на одну тему. Серьезный исследователь мистического наследия человечества наверняка согласится с этим. Спорят в настоящее время только о том, какая из вариаций представляет первоисточник всех прочих. Но и на этом ристалище тоже постепенно перестают ломать копья. Многие представители эзотерических учений начинают осознавать, что ни один из них не годится на роль «отца» другим «братьям».

Похоже, менталитет землян готов просто перемешать все существующие учения в некоторое одно, чтобы никому не было обидно, или же в считанные исторические мгновения сочинить нечто новое. То и другое окончательно похоронит надежду прозреть Исток. Такой финал был бы весьма печален. В мистических учениях за два последних тысячелетия проделан большой путь от помрачения к ясности. Этого не сказать, правда, о понимании глубинной сути систем разными народами. Большинство человечества остается прохладным к усилиям Великих Посвященных. А меньшинство – сторонники этих усилий – наоборот, сверх меры усердны в проведении в жизнь истин, не до конца понятых ими самими. Будь иначе, на рубеже третьего тысячелетия мы приблизились бы уже к тому, чтобы перед нами предстал, в изначальном виде, Первоначальный Свет.

Лада Виольева и Дмитрий Логинов убеждены, что Первоначальный Свет – был и есть. Они в этом не могут сомневаться хотя бы уже потому, что, по их мнению, имеется ключ, благодаря которому можно абсолютно ясно прочитывать скрытый смысл *всякого эзотерического писания*, независимо от того, в какие времена и представителем какой школы и какой мировоззренческой системы был текст написан. Этот универсальный ключ они получили благодаря посвящению в Астрософию – первую ступень учения *Замкнутого Креста*, именуемого иначе *Северная Традиция*. Принцип действия этого двенадцатирядного ключа и примеры его применения они описывают в книге «Обруч Перерождений» [1, с. 7]. Если универсальный ключ есть, следовательно, в истории Земли должен существовать и некоторый Праисток... изначальный Логос, который в настоящее время

скрыт, но, так сказать, «заложен глубоко в подсознание» всякой бывшей или современной школы. Если один и тот же ключ подходит к любым замкам, *значит, имелся их прототип*, и поэтому в конструкции всех замков есть нечто принципиально общее. Разумеется, это соображение не является непосредственным доказательством бытия Праистока, но делает предположение о его существовании обоснованным.

Было бы заманчиво получить непосредственное доказательство этой гипотезы. Многие наболевшие вопросы оказались бы разрешимы в случае, если бы было достоверное знание о Системе, которая дала начало всему прочему.

Таким образом, различные традиции доброй воли прекратили бы, наконец, выяснение отношений друг с другом и получили бы для своего сплочения на ментальном уровне *исторически естественный Центр*.

Да, было бы желательно получить непосредственное доказательство. Но беда в том, что от Истока и до нынешних дней прошло «космически» много времени! Когда заходит речь о *десятках тысячелетий*, вряд ли кто-либо из историков рискнет употребить не то что слово «доказательство», но даже и слово «факт». Как правило, все, что находится за чертою тысячелетий (конечно, если это не какие-нибудь вполне осязаемые глиняные черепки), историк предпочитает обозначать словом «миф». Поэтому адепты Традиций, которые уходят глубоко в прошлое, могут лишь «рассказывать миф». И для непосвященного их слова будут всего лишь сказкой.

Язык мифа позволяет объять большее, нежели язык «фактов», каждый из которых все равно есть только *фрагмент*. Можно «накопать» сколько угодно фактов и забавляться, рекомбинируя их то этим, то иным образом. А вот какая мозаика *была* составлена из фрагментов – это все равно не известно в точности никому.

2. Гиперборея, Ортополис

Несмотря на склонность человеческой расы замечать вокруг только проявления своей собственной жизнедеятельности, одна из цивилизаций Космоса, достигшая истинной поверхности Земли, все-таки оставила существенный след в памяти людей и в истории человечества. Это – *альвы*. Истинное название этой расы труднопроизносимо на человеческом языке. Пожалуй, самое распространенное из имен, которое давали люди, принадлежащим к ней существам, это – *гипербореи*.

Не удивительно, что прижилось такое название. Для любого народа, населявшего планету десятки тысячелетий до Рождества Христова, родина, или, точнее сказать, штаб-квартира представителей этой расы, на поверхности Земли находилась именно «за северным ветром» (*Некоторые историки полагают: поскольку слово «Гиперборея» греческое, то речь может идти всего лишь о какой-то стране, которая располагалась «за северным ветром» греков. Подозрение таких исследователей падает на Аратту – индоевропейское царство, существовавшее в античные времена в*

междуречья Днестра и Днепра. Но древние мифы Греции называют столицей Гипербореи Ортополис. Дословно это название переводится: как «город Вертикали», «город Земной Оси». Можно посчитать, разумеется, что это искаженный «Ортополис». Однако и предания наиболее северных народов – скандинавские мифы – говорят о «сверхсеверной» стране Оси, «Стране Оз», и о ее столице, «городе Оси» – Асгарде.

Другое дело, что и Аратта, и Аркаим (кромлех и город магов юга Урала), и Аркадия (легендарная «страна блаженных») содержат корень, указывающий на АРКТИДУ. Вполне возможно, все это – следы гиперборейских колоний. Белое море напрямую связывало земли Евразии с легендарным теперь Континентом Полюса во времена, когда последний еще не ушел на морское дно.

Корень «арк» или «арт» присутствует в большинстве слов, обозначающих сакральное или древнее. Аркан (тайна, название карты Таро), арт (искусство, магия), архонт (арконт, маг, властитель), архаика (древность), арий (благородный), аристократия (власть благородных)... Древними прообразами таких слов могли быть рунические начертания. По крайней мере, в звучании их угадывается праславянская руна Ар. Это

Вертикаль, Ось, поддерживаемая справа. Для посвященных начертание Ар – одно из обозначений древнего, дохристианского православия Севера (Правь, Явь, Навь).

То есть метрополией альвов на Земле был материк Арктида, полностью поглощенный в наше время водами Океана, теперь к тому же еще и покрытый сейчас ледяным панцирем. С какой точки планеты, как ни посмотри, такое местопребывание находилось севернее, чем всякий северный ветер.

Столица Гипербореи располагалась непосредственно около точки географического полюса Земли. Город именовался Пола («Покой»). Возможно, этому имени обязаны возникновением слова полис (город) и Полюс. В древнейших греческих мифах стольный город Арктиды называется Ортополис. Дословный перевод: город Вертикали, город Земной Оси.

Пола не представлял собой город в современном смысле этого слова. Он был единой системой двадцати четырех малых и больших замков по берегам внутреннего моря Арктиды – Великого Вращающегося Озера. Спланированные в соответствии с магическими законами, стены не контрастировали с окружающей их природой. Не сразу можно было заметить мощные, покрытые скупой резьбой башни посреди оснеженных скал, располагающиеся так, что лишь ближайšie две из них находились в пределах видимости [2, с. 222].

Чем объяснялось именно такое местоположение метрополии? Ответ прост. Это расположение создавало условия, позволяющие гиперборейцам иметь наиболее благоприятное сообщение с точкой Альва, то есть со всей Вселенной.

«Для странствия по Глубинам необходим Покой», – говорят Книги Древних. Великий символ Покоя на любой планете есть ее ось. Она представляет собой луч максимума физического покоя – такую область, где всякая конкретная точка, от самой планетарной поверхности и до Альва, имеет угловую скорость равной нулю. Она – Небытие Непокоя. Она – Ключевой Покой, источник любого истинного Движения.

2. Люди оси

Раса гипербореев утвердилась на Земле в начале минувшей эры Водолея.

Нас, таким образом, отделяет от этого момента времени один Платоновский Год. (Один Платоновский Год включает все двенадцать зодиакальных эпох. Каждая из них продолжается 2145 лет.) Наружность представителей расы пришельцев не слишком отличалась от внешнего вида коренного населения Земли, и люди называли гипербореев также людьми, но «людьми Оси» – *асами* (в отличие от «людей поверхности».) Такое имя сохранилось во многих мифах. Но мало кто способен теперь сказать, что оно означает. В некоторых эзотерических школах существует приветствие «Ос!», «Осе!». Оно является и выражением пиетета, и как бы опознавательным знаком принадлежности к Посвящению, например, им пользуются адепты элитных школ боевых искусств севера Японии. Десятки тысячелетий назад это восклицание означало: «О, я вижу, передо мной человек Оси!».

Отличие во внешности состояло в том, что чистокровные альвы не имели бород. Поэтому древними греками бог Аполлон (раннее имя – Полон), покровитель Пола и всего Севера, изображался без бороды, в отличие от Зевса и большинства других мужчин-олимпийцев. Поэтому и волхвы русов, наследовавшие сокровенное знание Полярного континента, бороды не носили (исключение – жрецы Чернобога). Волхвы, веды, кудесники на древних славянских миниатюрах отличаются от иных людей, в обществе которых они изображены, отсутствием растительности на лице. Этот обычай адептов Северной Традиции – не носить бороды и усов – сохранился и до времен князя Владимира, и, далее, до Петра I. Правда, последний, в пылу реформ уничтожил бороды вообще у всех мужчин и отличие между людьми сделалось незаметным.

Одним из главных занятий людей Оси было странствование по Мирам Вселенной. Для большинства своих жителей город Пола представлял только базу, место их регулярных встреч. Каждое Полнолуние или хотя бы каждое Равноденствие странники собирались вместе, чтобы рассказать друг другу об увиденном и для совершения мистических таинств. Гиперборейские праздники приходились именно на эти дни.

Все остальное время большинство альвов проводили в исследованиях иных миров – как Мира планеты Земля, так и других Миров Солнечной системы и за ее пределами. Магическое искусство странствий «в обход материи» было делом опасным. Обыкновенно существа миров меньших

радиусов испытывают ко всему, что появляется в их жизненном пространстве свыше, жгучую неприязнь. Поэтому желающий обрести свободу в масштабах всего Творения, желающий сделать для себя доступными все Миры, которые сотворил Бог, не может рассчитывать на успех.

Искусство позволяет лишь сократить время, в течение которого приходится дышать адским воздухом. Здесь многое зависит от стабильности – потоков особой тонкой субстанции, первопричины материи и энергии, благодаря которой вообще возможен «обход» материи. Потоки эти постоянно меняются синхронно с расположением планет в небе. Но все-таки они наиболее стабильны и управляемы в пространстве Покоя, которое и представляет собою Ось.

Магия гипербореев позволила постепенно создать практически совершенно *стабильный поток тонкой субстанции – Осевой Туннель*, который начинался прямо над полюсом планеты и заканчивался в точке Альва. Это был путь, тысячелетиями обеспечивавший сообщение с Глубинами двенадцати основных тел Солнечной системы, а также и с Глубинами Звезд – двенадцати основных созвездий, оказывающих влияние на события на Земле. *(Марс, Нептун, Сатурн, Меркурий, Венера, Юпитер, Прозерпина, Хирон, Солнце, Луна, Плутон, Уран. Миры перечислены в такой последовательности, которая была принята Древними. Науку гипербореев о небесных Мирах и влиянии их на Мир Земли точнее всего передаст используемый в Северной Традиции термин астрософия. Ее начала изложены в книге «Обруч перерождений»).*

Самое вещество планеты, пронизываемое из века в век энергиями взаимодействия Глубин миров, подверглось изменениям в этом месте. Стихия земли претерпела некоторое разряжение у поверхности, тогда как воздух над полюсом, наоборот, оказался несколько уплотнен. Огонь мог в этих местах рождаться как бы из ничего и излучал свет намного более яркий, чем это было свойственно пламени в других широтах. Водная стихия постепенно, вытеснила земную. Образовалось внутреннее море Арктиды и в его центре – яма, затягивающая воды Мирового Океана в лабиринт планетарных недр. (То было время формирования нескольких подземных морей. Эти акватории существуют и до сих пор, хотя сегодня о них вряд ли известно кому-либо вне Традиции. В северных землях нашего континента несколько веков назад можно было еще услышать легенды про «вращающееся озеро» – родителя «морей тьмы».) Потоки вод, все время поглощаемых лабиринтом гигантских сообщающихся пещер, нашли в нескольких точках земной поверхности обратный путь и поступали снова в Мировой океан, неся уже на себе след огненного дыхания ядра планеты. (Теперь эта циркуляция выродилась, но до сих пор еще сказывается на расположении опоясывающих земной шар теплых течений.)

Четыре основных протока проложил Океан к внутреннему морю Арктиды. Сам континент принял форму, составленную как бы из четырех огромных островов, и напоминал пространство, которое ограничивается

крестом, заключенным в круг. Геометрическим центром этого континента был гигантский водоворот в середине небольшого внутреннего моря, расположением точно соответствующий точке Полюса.

Форма континента Гипербореи, по-видимому, предопределила начертание знака *Древо Мирав*. (Знак *Замкнутого Креста* был известен древним славянам как *Кресень-Коло*. Смысл этого начертания многопланов. Он может быть прочитан как *Древо Жизни* в окружении *Чаши* из *Трех Крестов*. Для посвященных оно суммирует основные «вехи» Учения гипербореев и предсказания, сделанные Традицией. Одно из прочтений *Замкнутого Креста*: *Древо Жизни*, а по сторонам его – *Три Креста* и *Чаша*.

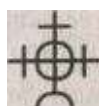

Рис. 1.

Сразу вспоминается одна из наиболее известных древних икон – «Троица» Андрея Рублева: *Три Ангела, Чаша, Древо...* Это вовсе не произвольное сопоставление, как покажется некоторым. *Замкнутый Крест* был известен не только древнему славянскому Православию (*Правь, Явь, Навь*), но также раннему христианскому Православию.

То же можно сказать и о начертании знака *Замкнутый Крест* – символа эзотерического учения посвященных Полюса. Это – составной символ. Он представляет собой умножение и комбинацию различных частей знака *Земной Оси*.

Рис. 2.

Хотя в результате деятельности альвов преобразались целые континенты, насилия над Природой не было. Мистические знания давали гипербореев возможность беседовать с *душами стихий* – *Стихиялями* (по терминологии нашего современника Даниила Андреева) [3, с. 190 – 227]. То, что служило целям людей *Оси*, способствовало так же и благу этих вечных существ, и между ними был заключен союз. Поэтому преобразующее действие Храма *Странствий* не только не нарушило естественную гармонию жизни планетарных *Сил*, но и приостановило разрушительный планетарный процесс, на современном языке именуемый *литосферной катастрофой*.

3. Храм странствия по мирам

Точно над самым Полюсом, над жерлом Великой Впадины располагался Храм *Странствия по Мирав*. Он был средоточием духовной силы Арктиды. Благодаря магическому искусству зодчих, его каменное тело

висело в воздухе. Шли века, а Черная огромная тень парящего Здания все так же падала на неподвижно мчащиеся у стен воды чудовищного водоворота. Тень эта имела форму креста. И она множилась и мерцала, отбрасываемая каждый раз чуть иначе сполохами небесного огня, не прекращающимися над горизонтом внутреннего моря Арктиды. (До наших времен дошел знак – Вращающийся Крест – *Коловрат*. Во времена Гипербореи он означал принадлежность городу Ортополису. Точное начальное значение Коловрата – Вращающееся Озеро, а над ним Храм-Крест).

Рис. 3

Сознание представителя любой расы, вступающего под своды храма, претерпевало временные изменения. Всякое движение внутри храма представлялось ему замедленным, пропадало желание говорить, как будто бы у него вдруг отнимался дар речи.

Самым же чудесным было то, что Храм Странствий не представлял собой трехмерное тело, как всякие вещи мира. Он был *четырёхмерен*. Поэтому его внутреннее пространство представало всем, кто не обладал мудростью высшего Посвящения, как бесконечной сложности лабиринт. В этом пространстве можно было поставить *четыре жезла перпендикулярно* друг другу, так, что они образовывали невозможный в неизменном пространстве объёмный *правильный восьмиконечный крест* и как бы теряли вес... Таковую именно форму имел сам Храм. С этих праисторических времен Восьмиконечный Крест представляет знак высшего посвящения.

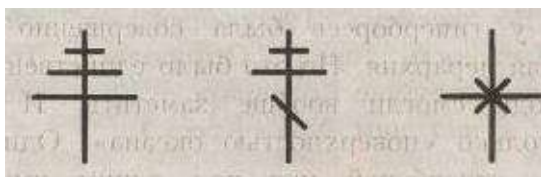

Рис. 4

4. Государственное устройство

Учение Замкнутого Креста приняло свое название и тот вид, в котором оно до сих пор тайно сохраняется на Земле, в результате идеологического, а затем и военного конфликта между метрополией гипербореев и их колониями, образованными в более поздние времена. Чтобы стало ясно, каким образом одно могло произойти в результате другого, необходимо хотя бы в общих чертах описать общественное и государственное устройство Гипербореи.

Жизнь и государственный строй гипербореев были настолько стабильны, что люди воспринимали эту расу как бессмертных богов, решивших основать на Земле свой город. Предание говорит об *империи*

гипербореев. Однако это не точно. «Империя» – это лишь наименее неподходящий термин из всех, какие можно было применить к описанию их государственного устройства. Приемы государственного строительства этой расы принципиально отличались от таковых у людей.

Да, у гипербореев была совершенно незыблемая иерархия. Но это было единственное, что люди смогли вообще заметить. И это было только «поверхностью океана». Один и тот же гиперборей мог под одним именем быть известен как князь, а под другим – как слуга раба. Сословные привилегии у гипербореев различались чрезвычайно. Однако достоинство личности, как это видно хотя бы уже из сказанного выше, в принципе не могло быть как-либо связано с социально-иерархическим статусом. Тем более что технология и магическое искусство, высоко были развитыми в Полярном царстве, практически исключали необходимость тяжелого, отупляющего физического труда.

Люди Оси с трудом смогли бы понять такие человеческие устремления, как жажда славы или же власти. По-видимому, они достаточно наигрались в эти игрушки в Море, откуда пришли. Но и у большинства из них существовала некая жажда, желание овладеть «силой ясного чувствования Бога». Так можно было бы приблизительно перевести стремление, врожденное этой расе, на понятный язык людей. Альвы обозначали это стремление одним словом – *Тиу*. Возможно, слово «тиурийя» – просветление, термин эзотерического христианства, – находится в каком-то соотношении с ним.

5. Статус и передача имени

Жажда обрести Тиу была источником энергии для большинства видов деятельности гипербореев. Сама их приверженность к странничеству, возможно, имела этот исток. Она же заставляла их принимать на себя ту или иную должность, тот или иной статус в обществе. Гиперборей связывал себя обязательствами или обеспечивал себе привилегии лишь в том случае, если верил, что сообщает своей душе, таким образом, некий исходный материал, с помощью которого она сможет построить «лестницу к Тиу». Если же для «ступеней лестницы» требовался новый материал, гиперборей расставался со своим социальным статусом и обретал новый.

Это не создавало хаоса в жизни государства и общества. Как и в человеческих государствах, имя и титул были связаны неразрывно. Они наследовались, и вместе с ними наследовались и большинство должностей, обеспечивая неукоснительную преемственность. Но у гипербореев существовал особенный мистический ритуал – *передача имени*. Передающий и принимающий должны были перейти навстречу друг другу глубокий ледяной поток. Один и тот же гиперборей мог одновременно иметь и два, и три имени.

Душа и статус не были жестко связаны. Передаваемое имя служило и разделяющим и связывающим звеном. У гиперборей-мистика, желавшего

обрести Тиу, не было даже особой необходимости уходить от мира, как это делают подвижники из людей (схимонахи). Должности Полярного царства как бы исполняли сами себя, а души его граждан жили, в основном, внутренней жизнью. При определенных условиях гиперборей мог даже и не передать, а просто *освободить* имя. Тогда он переходил поток в одиночестве. И это тоже не вызывало хаоса в государстве. «Громкие» имена Полярного царства недолго оставались свободными, а высокоразвитые магия и технология позволяли варьировать в широких пределах числом второстепенных имен, задействованных в социальной сфере.

6. Культура тайны

Рассказ о государственном укладе такого рода люди бы восприняли как утопию, особенно – люди нескольких последних веков. «Такого просто не могло быть!» И привели бы примеры экономического, политического и, главное, психологического характера. Интриги, зависть, подсиживание... Однако человек здесь едва ли может выступить в роли квалифицированного судьи. Было нечто, принципиально отличающее Гиперборею от любой из человеческих культур, от цивилизации людей в целом. Суть этого отличия можно обозначить двумя словами – *культура Тайны*. Она была атмосферой, делающей возможным живое дыхание всех чудес Полярного Континента.

Дела двоих не могут касаться третьего. Этот афоризм был краеугольным камнем гиперборейской культуры. Он воспринимался людьми Оси как сама собой разумеющаяся аксиома. Нам с вами представляется вполне естественным знать о своих знакомых все или почти все. Но представителю Полярной цивилизации знать о своем ближнем хоть что-либо, что не касается непосредственно его отношений с ним, казалось абсолютно противоестественным. Вся информация такого рода виделась ему чем-то наподобие *инфекции*, распространяющейся за счет отвлечения у души сил необходимых, чтобы обрести Тиу.

Как отвечаем мы на вопрос: что представляет собой N.? Отец таких-то детей, муж такой-то женщины, начальник над такими-то подчиненными... Но гиперборей мог бы ответить на такой вопрос лишь одно: это человек, с которым у меня такие-то и такие-то отношения.

Для представителя современной цивилизации Земли жизнь в условиях такой тотальной не информированности была бы просто невыносима. Мы не доверяем людям, имеющим какие-то тайны. «Честному человеку нечего скрывать» и т.п. Мы требуем от своих ближних максимальной информационной прозрачности, даже не замечая этого, по привычке. Культура Тайны есть что-то нам совершенно чуждое.

Но, нас иногда раздражает, что в нашем обществе рассказать что-либо одному, это почти всегда то же самое, что и рассказать всем. Наиболее тонкие, наиболее глубокие движения души мы все-таки хотели бы хранить в Тайне. Мы чувствуем: эти-то сокровенные движения и представляют собой истинную нашу жизнь «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»

(Евангелие от Иоанна, 1:5). Истинный Свет являет себя во *тьме*, нимало не страдая от этого в своем качестве, такая мысль обнаруживается в текстах любой серьезной Традиции. Это нашло свое применение у монахов-схимников. Практика монахов-молчальников, помимо более глубоких аспектов, представляет собой также и попытку «смоделировать» эту светоносную «тьму», противодействовать постоянно длящейся «освещенности», диктуемой современной цивилизацией.

7. Свершение справедливости

Культура Тайны обеспечивала стабильность государства гипербореев. Любые отношения между личностями были тайной для общества, и тайна эта была священна, в таких условиях в принципе не могли сложиться какие бы то ни было *кланы*: ни сословные, ни семейные. Известный бич государств – внутрисполитические проблемы, или, говоря проще, межклановые разборки – Гиперборее были неведомы.

Поэтому неведома была Полярному царству и обратная сторона той же самой медали – тоталитаризм. В условиях, когда не существовало ни политических партий, ни даже просто интригующих группировок, у государства вообще не имелось предлогов для организации любого рода «спецслужб».

Полярное царство и не стремилось к этому. В нем не существовало проблемы «личность и государство», «личность и общество». Межличностные же проблемы – «учитель и ученик», «слуга и господин», «мужчина и женщина» – разрешались, если они возникали, *освобождением имени*.

Пожалуй, культура Тайны из всех возможных общественных и государственных проблем не устраняла условия только для одного их вида, а именно – для проблем уголовных. Более того, «прятать концы в воду» преступникам в обстановке тотальной не информированности было намного легче. Тем более что в государстве Оси не существовало ни тюрем, ни специальных судов. Воин Закона – это была не должность, а именной титул, чтимый весьма высоко, – был обязан определить преступника силой своего разума и искусства. И все, что мог он предпринять далее, – это принудить обличаемого к поединку. Этот поединок проходил при особенных, строго определенных условиях. И считалось, что победить в этом единоборстве насмерть не может тот, кто не прав: ни преступник, если обличение справедливо, ни Воин, если бы он вздумал возвести обвинение в каких-то своекорыстных целях.

Быть может, какое-то время сохранявшиеся обычаи выявления виновных магическими (или псевдомагическими) методами, а также обычай «поля» («суд Божий» – виновность или ее отсутствие – окончательно определяет исход поединка) были отдаленными отголосками тех времен.

8. Хранители круга внутреннего

Однако, несмотря на все это, убийства и грабежи были в Гиперборее событием весьма редким. Причина этого в следующем. Как было сказано выше, средний гиперборей стремился обрести Тиу примерно с таким усердием, с каким современный человек стремится обрести богатство, славу или же власть. Слово «обретших Тиу» – «свершивших построение Лестницы» – было в Гиперборее значимым. А эти обретшие говорили: кто причиняет обиду более слабому, кто нарушает правила поединка, кто распоряжается не принадлежащим ему – тот никогда не завершит Лестницу.

Для современного человека невероятно, чтобы серьезным фактором, влияющим на обстановку в обществе, были «просто слова». Но это лишь потому, что мы практически не знакомы с тем, какую большую силу имеет слово, если говорящий убежден в истинности его полностью и всецело. Давайте спросим себя, часто ли нам случается ясно и до конца осознать *истинность* того, что мы говорим, – и *почему именно* это есть истина?

Гораздо чаще мы автоматически повторяем «истины» с чужих слов. Еще чаще – просто говорим что-либо, что «вроде бы правильно», только ради того, чтобы вызвать этим интересующее нас поведение партнера в той или иной конкретной жизненной ситуации. Мы разучились задумываться о том, что же есть истина. И мы настолько отвыкли вглядываться в ее лицо, что мало чем отличаемся от Пилата, задавшего *риторический* вопрос «что есть истина», когда перед ним стояла Сама Истина во плоти!

Однако описываемое нами было за десятки тысячелетий до Христа и Пилата. Культура Тайны способствовала внутренней концентрации, не распылению внимания вовне, а отношению людей той культуры к истине, к поиску путей к ней, было совсем иное. Хранители Круга Внутреннего – так именовали обретших Тиу – очень хорошо знали, *что* они говорили. Они не произносили, ни одного слова, пусть даже абсолютно благого, но из чисто морализаторских побуждений, они всегда могли *доказать* – по крайней мере, тому, у кого достаточно умственных способностей для восприятия доказательства, – то, *что* они говорят, есть так и всецело так.

Их доказательства не все могли воспринять, но большинство их современников способны были ощутить как бы *дыхание истины*, сопутствующее Хранителям. Отсюда было два круга учеников – Круг Внутренний и Круг Внешний. (С тех времен и до сих пор всякое мистическое учение подразделяется на эзотеризм и экзотеризм.)

Высшего посвящения удостоивались далеко не все. Многие и не стремились к нему, справедливо полагая, что каждому отмеривается по его мере и в этом смысле никто не ниже, никто не выше. Дела искусства, науки, ремесла или управления государством ничем не хуже перед лицом Единого в деятельности Хранителей Истины. Но некоторые из тех, которым было отказано в посвящении в Высшую ступень, рассуждали не так. Глубоко уязвленное самолюбие заставляло их создавать некое альтернативное учение, пусть несостоятельное по Истине, однако позволяющее представить себе и миру в лестной интерпретации свое не вхождение во Внутренний Круг. Так

формировалась духовная оппозиция учению Замкнутого Креста. Это привело в конечном итоге к созданию *Экваториального царства*.

9. Война гипербореи и Атлантиды

В эпоху Водолея Арктида переживала расцвет. Слово духовенства было весомо, граждане учились отрешенному созерцанию, и это сообщало им такую внутреннюю устойчивость, которая обеспечивала успех любых дел.

Но души некоторых противились общей настроенности на Вышнее. Такие боготворили *бездну*, первоначальный хаос, и не желали кланяться Небесам. Их было не так уж мало. Кумиром их, в противоположность *покою* и *созерцанию*, были *безотчетный порыв* и *тьма*. Такое настроение духа разделяли и несколько влиятельных деятелей государства. За это получили они прозвище – *темные князья*, а позднее – *темные короли*.

Духовное бунтарство их вызрело к началу эпохи Козерога. Оно проявилось в том, что темные альвы порвали со своей родиной и ушли в добровольное изгнание. Никто и никаким образом их к этому не побуждал.

Отвергнувшие своих родичей, они основали город на побережье большого острова близ Экватора. То был не случайный выбор. И обосновывался он не одними только соображениями рассудка. Тропический пояс есть область максимальной угловой скорости вращающейся планеты. Место *максимального не покоя*, метафора *экзальтации*... Порвавшие с Учением предков, с Покоем Полюса, намеренно призывали к себе покровительство *противоположных* сил.

Туземные племена противились утверждению альвов на их земле. Блеснула череда войн – быстрых, победоносных. Эти скоротечные стычки не столько походили на бой, сколько на триумфальную демонстрацию невиданного оружия. Завоеватели проявляли сдержанность в применении силы, это если судить по меркам нашего времени. Однако светлые альвы, их современники, считали дело отпавших родичей жестоким и неразумным.

Тогда же были заключены некоторые союзы, давшие начало династиям. И древнее население острова, и пришельцы расценивали их как успех. Местные аристократы искали родства с «могущественными белыми». Эти же последние привечали черных колдунов и царей, желая «воспринять непосредственность и освежить кровь»...

Бывшие гипербореи *не покоряли* новую землю. Они лишь завоевывали жизненное пространство. Они добились того, что бы на их безопасность не посягал никто, опасаясь губительного возмездия. И думали остановиться на этом. Однако племена острова постепенно сами склонились под их державу. Местные вожди рассчитывали, таким образом, победить в давних междоусобицах. Иные даже *покупали* подданство.

Новая империя окончательно сложилась в последние века *Инку*. Так именовался в давние тысячелетия Индрик, то есть *Козерог*. Остров, когда он перешел весь под владычество темных альвов, начал называться *От-Лен*. Позднее – Ат-Лант. Это означало *Отпавшая Земля* или – Земля Отпавших.

Столицей темной империи сделался Посейдонис. (Древнейшее название его было Нор или Нарал-Нор.) Об этом городе говорится подробно в диалогах Платона, «Тимей» и «Критий» [4]. Стены и каналы его образовывали фигуру, напоминающую очертаниями гиперборейский знак Ось, Альва, Древо Миров. В геометрическом центре города возвышался храм Посейдона – бога переменчивой беспокойной морской стихии. Это было главное место магических операций атлантов.

Гигантский иероглиф Оси, нанесенный на поверхность планеты *вблизи Экватора*, означал *перпендикуляр* к древнему Осевому Туннелю гипербореев. Отпавшие противопоставляли искусству родичей свое собственное искусство странствия по мирам. Ключом, отпирающим двери в иные сферы бытия, было для них экстатическое исступление. Но им оказались доступны лишь сферы меньшего радиуса, миры нисходящего ряда Мира Земли. Добраться до точки Альва атлантам было практически невозможно. Дороги темных и светлых альвов расходились навек.

В первые века эпохи Стрельца два царства – Гиперборея и Атлантида – практически сравнялись в могуществе. Экваториальное положение представляло собой, по происхождению, колонию Полярной страны, но колониальной зависимости народ атлантов, конечно же, никогда не знал. Между государствами существовало лишь тонкое взаимоотношение на духовном уровне. Так связаны противоположные аксиомы. Соотнесенность такого рода ускользает от поверхностного рассудка, но сила ее проявляется властно, неумолимо.

Пример тому, геометр Евклид утверждает: параллельные прямые *не пересекаются*. Возникает система, где это утверждение делается краеугольным камнем. Но всякое аксиоматическое (основополагающее) утверждение рождает и противоположную аксиому уже самим бытием своим. Рано или поздно появляется Лобачевский, который провозглашает: параллельные прямые *пересекаются* в бесконечности. Системы: Лобачевского и Евклида будут сосуществовать не соприкосновенно, потому мирно. Более того, в результате этого соседства каждая прямая окажется очерченной более выразительно, более рельефно, ибо оттенена другой.

Идеологически Гиперборея и Атлантида и представляли собой такие «противоположные геометрии». В центре внимания той и другой цивилизации была *магия*. Лучшие умы посвящали жизнь исследованиям *скрытой энергии бытия* – более фундаментальной Силы, чем те, которые принято в наше время именовать «естественными». Северу и Югу был хорошо известен Закон магического: *когда сознание организует работу свою иначе, нежели диктуют повседневные обстоятельства, то тогда человеку открываются новые возможности. Отбрось ориентацию на обыденное и ум окажется чуток на не замечаемые ранее закономерности бытия*.

В этом соглашались адепты Полюса и Экватора. Но далее расходились непримиримо.

Обыденное не позволяет сознанию видеть сокровенное жизни, констатировали иерофанты Севера. И делали такой вывод: необходимо

подняться выше уровня повседневности; нужно *возвысить ум и ему откроется смысл всего*.

Утилитарная злоба Дня сковывает сознание, соглашались Посвященные Юга. Однако предлагали решение прямо противоположное. Следует, говорили они, безоглядно броситься в бездну своей души, лежащую много глубже поверхностности обыденного.

Атланты приводили в пример дерево и его корни, уходящие вниз. Гиперборейцы же возражали: дерево сокровенного – истинное Древо Жизни – тем и отличается от растений; видимых очами физическими, что корни у него погружены в Вышнее. И потому щиты рыцарей Полярного ордена, посвященных в Тайное, часто украшались изображением дуба, выросшего корнями вверх.

Горние пути открывают совершенный Покой. Он даруется оставлением страстей и характеризуется предельно ясным, развеивающим любую тень *осознанием*. Здесь и пролегает граница. Наследующие Южное посвящение преимущественно почитают нижний мир, Таинственное Преисподнее Царство. (Современный вариант – подсознание). Дорога к обладанию мощью нижнего мира пробивается взрывами экстатической экзальтации, напряжением нервов, *отказом осознавать*.

Вот это и есть исконные два пути: вниз и вверх. Каждый идущий открывает игру таких сил, о существовании которых не может даже и подозревать. (Весь круг явлений «естественных» – это лишь панорама, обозреваемая из положения полусознанности, практически – неподвижности).

Так окончательно оформились идеологически и географически две великие параллели:

Вышнее – Трезвение Ума и Покой – Север.

Низлежащее – Страстное Исступление и Экстаз – Юг.

Ими предопределено многое в истории всей Земли.

На географических картах всех стран Северный полюс и до сего времени изображается сверху.

10. Противостояние

Обе империи представляли силу могущественную и непреклонную. То был уже зародыш конфликта. И, тем не менее, еще два тысячелетия на Земле был мир. Сама идея планетарной войны казалась чем-то невероятным, бредом безумия. Небесный Кентавр – Стрелец – покровительствует не воле к взаимоуничтожению противоположно направленных систем, а своеобразному их взаиморазвитию. (Почему? Ответ на этот вопрос дает книга «Обруч перерождений». Она излагает основы традиционной гиперборейской *астрологии Глубин* – астрософии.)

Каждая сторона находила в существовании рядом духовно противоположного мира как бы *точку опоры*. Такое было возможно, поскольку сферы влияния Севера и Юга граничили, но не пересекались. Эти

«антимир» были, фактически, не соприкосновенны. Каждый представлял для другого чем-то лишь наподобие «страшной сказки», однако вполне реальной и потому еще более впечатляющей.

Преобладающим цветом Полярного континента был белый. Не только благодаря снегам. Эта земля называлась также и Страной Белых Вод. Именно такими казались ее многочисленные ручьи, реки и озера под не прекращающимся практически никогда матовым свечением воздуха, индуцируемым потоками тонкоматериальной субстанции, пронизывающими Осевой Туннель. Эти особенности Полярного континента естественно привели к тому, что магия царства Севера – магия Осознания и Покоя – стала именоваться *белой*.

Кроме того, белый был цветом *Боры* – гиперборейского божества Единства. Бора почитался в Арктиде более остальных богов, точнее – более остальных одиннадцати *проявлений* Бога Единого. Бора представлял некий *Таинственный родник* – Род, из коего проистекал и он сам (он именовался Самоисток) и все остальные боги. Но наряду с этим, Бора был и как *сакральная скважина* – возвратный Водоворот, Порог, Великий Предел, который, втягивал вновь все внешние проявления в предвечную стихию Единого. Эту мистическую традицию переняли прямые потомки гипербореев – боруски – и, далее, русы, славяне, русские [5].

Остров же Атлантида, напротив, имел характерную почву, цветом напоминавшую чернозем. Предание о зловещей силе *черной земли* бытует и до нашего времени. В последние века его связывают с Египтом (и с *тьмой египетской*), хотя в земле дельты Нила гораздо менее выражена эта черная примесь. На самом деле предание потому прижилось на родине Пирамид, что цивилизация фараонов (как и цивилизация доколумбовой Америки) наследовала атлантам в области тайных знаний.

Черный означает, кроме того, иносказательное имя Кариса, бога *разрушения* в пантеоне Гипербореи. Атланты почитали его как одно из двух первоверховных божеств. Вторым кумиром их был Фарон, или, точнее, Фа-Ро – Дикий, или же Темный Ро. Этот последний противопоставлялся Светлому Ро из пантеона Арктиды. Светлые альвы, то есть гипербореи, поклонялись Ро – Мудрости, приводящей, в конечном счете, к полному осознанию бытия, к Свету. Экваториальная же модификация привела к поклонению некой Мудрости-Без-Сознания – Темному Ро. (Некоторые жрецы Фарона, однако, склонялись к поиску компромисса с исконным учением Полярного континента.)

Такой исток имеют эти два понятия: «белая магия» и «черная магия». Человечество пользуется этими понятиями бесчисленные века, давно утратив представление о том, как они сложились.

Это исток и самого противопоставления: *белое*, как обозначение Блага, – *черное*, как обозначение Зла. Десятки тысячелетий использует человечество такую метафору. Поэтому никто уже и представить себе не может, чтобы, для иносказательного именованья Блага и Зла, были употреблены не эти, а какие либо иные цвета.

Недавно еще встречалось выражение «белая кость» и «черная кость». Раньше разумели под этим благородство происхождения. Как десять последних веков критерием его служила кровь Рюриков, так, в течение гораздо более долгого предшествующего периода времени, в этом же смысле произносили: «от белой кости». То есть плоть от плоти поклонников Боры – *белых*. Принадлежащих к аристократии на Руси люди из народа называли «барин». Это имеет первоистоким забытое слово *борин* – волхв (брамин), служитель Боры [5].

Итак, противоположно ориентированные системы делались все более совершенными, как бы созерцая друг друга на почтительном удалении. И черное колдовство атлантов, и белая магия Гипербореи достигли в эпоху Небесного Кентавра могущества, какого они не знали ни до, ни после. Власть мысли над веществом и энергией была, без малого, абсолютной.

Века текли... Скипер (Скорпион) сменил на небосводе Стрельца. Идея использовать магию в качестве орудия разрушения, представлявшаяся дикой еще недавно, все более овладевала умами исподволь. «Война – это настоящий ужас и безысходность, – вещали мрачные мудрецы Юга. – Какие бездны откроет в себе душа, брошенная в непрестанный кошмар?»

Но спровоцировать Гиперборею на такую войну – войну на уничтожение – было практически невозможно. Противостоящие воины-маги встречались в воздухе и на море. Как правило, битвы не получалось. Машины уничтожения попадали в наведенный туман и отклонялись от цели. Капитаны подводных кораблей дремали, уронив голову на руль, а субмарины двигались по гигантскому кругу над морским дном, замороженные экипажи наблюдали во сне захватывающие перипетии сражений.

Лишь *поединки* признавались рыцарями Полярного континента. Схватка поединщиков (ратоборцев) перед битвой, а иногда *вместо* нее – обычай чисто гиперборейский. В родившей его земле это вообще был единственный вид какого-либо военного столкновения.

Так и протекло несколько первых веков этой почти тысячелетней кампании – странной, как это посчитали бы сейчас, войны, напоминавшей больше какой-то непрерывный турнир. Тогда и зародились на Земле рыцарские ордена и школы единоборств, некоторые из них и до сего времени сохранили явный оттенок магии.

Это была единственная, быть может, за все времена Земли, *воистину эпоха героев*, противостояние *личностей*, а не толп. Успех или неудача битвы определялись дуэлью между Мастерами. По-разному оборачивалась воинская судьба. То богатырям Света выпадало торжествовать, то рыцари Мрака праздновали победу. Противостояние государств не затрагивало, кроме непосредственно поединщиков, практически никого.

Однако и такая война приносила свои горькие плоды. С обеих сторон гибли *лучшие*. Медленно, но неуклонно уменьшалось число людей, чье слово на советах было наиболее мудрым, и чьи решения были выверены. Ведь настоящей смелости сопутствует в большинстве случаев и такая мудрость как отвага ума.

11. Война на уничтожение

По-видимому, именно благодаря этому постепенному обескровливанию Разума с обеих сторон, оказалась возможной, в конечном счете, война на уничтожение. Атланты жаждали противостояния с предельным напряжением сил. В этой борьбе мерещился им источник какого-то не виданного еще экстаза. Для достижения данной сверхэкзальтации война должна была стать вопросом жизни и смерти для всего Острова и всего Континента.

Полнос никогда не стал бы стремиться разрушить Остров. Мистики Экватора понимали это. Единственным способом, повысить ставки в игре, была для них попытка *заставить* Гиперборею пойти на крайние меры.

Поклонники экстаза безумно жаждали прогуляться по лезвию ножа. Для этого им нужно было наглядно показать Полярному царству, как это бы сказали сейчас, «тикающую под ним бомбу». Неведомо, какие силы ада их вдохновляли, но экзальтированные маги тьмы отыскивали действенное решение.

Чтобы описать хотя бы в общих чертах дьявольскую машину, запущенную ими в ход, необходимо сделать краткое отступление. Всякое тело космоса, подобно человеческому телу, имеет на своей поверхности области, более других чувствительные к воздействиям, способным разбудить глубинные силы. Для действия на организм человека медициной выработан метод акупунктуры. Поверхность любой планеты также содержит своего рода «активные точки». Чаще всего такие образования располагаются относительно друг друга наподобие точек окончания лучей правильных пятиконечных или шестиконечных звезд. В этих местах иногда нарушается обыкновенный порядок действия «естественных законов», что можно наблюдать вполне явно. Если в такой зоне произойдет, к примеру, атомный взрыв – последствия действительно будут непредсказуемыми для всей планеты.

Если же в каких-либо из пяти таких точек – вершинах лучей правильной звезды – будут расположены большие массы особого, очень редкого минерала, который на языке Древних именовался кан («странник»), то сильный колдовской орден сможет по своей воле изменять огромные географические объекты в любых областях планеты, используя раскаленное и сверхплотное ее ядро, как своего рода «линзу», фокусирующую поток воздействия.

Элитой магов атланты были возведены из огромных каменных блоков башни гексагональной формы. Они могли двигаться, хотя не имели ни колес, ни моторов. Медленное и безостановочное течение по земной поверхности определялось самим их материалом. То было одно из непостижимых свойств минерала кан.

Это перемещение каменных исполинов могло быть, конечно же, ускоряемо, направляемо или приостанавливаемо по воле их архитекторов.

Иссиня-черные устрашающие громады отправились искать центры активных зон.

Странные изменения стали наблюдаться на континенте Полюса, когда пять башен атлантов заняли предназначенное им место. Стихия земли начала перерождаться в стихию воды по всему пространству Арктиды – медленно, подобно тому, как плавится воск под огнем свечи.

Полярный континент постепенно исчезал с лица Земли. Клубящийся туман покрыл его весь. Перерождение шло особенно быстро на побережьях. Крупные строения городов рушились под собственной тяжестью, утрачивая опору. Дико разлились озера и реки. Бешено ускоряясь, чудовищные потоки несли кружащиеся обломки и уцелевших людей в страшный водоворот внутреннего моря Гипербореи.

Апологеты иступленного экстаза достигли того, чего хотели. Воздушный флот Континента постоянно сбрасывал десанты на Остров, целью которых было захватить, уничтожить башни. Атланты оказывали этим отрядам стойкое, заранее спланированное сопротивление. С той и другой стороны стремительно росло число жертв. *(Исследователь древнерусской истории Ю.П. Миролюбов среди прочих легенд, рассказанных ему в конце прошлого века «старыми людьми» (т.е. хранителями ведических знаний в русских деревнях), излагает следующую.*

В позадавние «времена Двух Царей» началась «война между двумя концами земли». «Стали люди сначала камнями кидаться, стрелами, мечами... Пришел из-под споду дух нечистый, гнилой... У Царя Панька стала земля тонка, носом копнешь – воду пьешь! Стала по земле Мара ходить, а где Мара с Мороком, там и люди помирают». Однако этот «нечистый дух» был «на кусочки разбит и в камни запечатан, и он с тех пор в них живет».

Конечно, Ю.П. Миролюбов далек от отождествления «Двух Царей» Земли с Гипербореей и Атлантидой. Однако сам он так комментирует записанное им предание: «Конечно, имена этих Двух Царей легендарны... Но все равно даже и в этом случае упоминание про них и войну, ими затеянную, есть отражение действительной войны... Мы не считаем эти слова лишь одной фантазией, а считаем их традицией, ибо рассказ... был передачей традиции, а не сказкой» [6].

Впрочем, сила экстаза, так или иначе, и раньше истощаемая адептами Юга, начинала сдавать. Сыны Грома (наиболее славный рыцарский орден Гипербореи) сумели взять приступом и разрушить одну из башен. На смену ей тут же двинута была шестая – резервная, – и она заняла свое место посреди kloкочущей вокруг битвы, давя своих и чужих. С этого момента исход боя, однако, сделался, вполне, ясен. Воинственный и экзальтированный Юг не в силах был долго противостоять воинам-магамам Севера, владеющим искусством сражаться без гнева, черпающим силу из неиссякаемого источника внутреннего Покоя. Система подготовки гипербореев явно показывала себя лучшей. Трех тысячелетний спор был решен.

Этот его исход родил бешеную, сатанинскую ярость элиты магов атлантов. Сила воздействия на континент Полюса скрытой энергии кольца пяти башен была увеличена многократно. Полюс превратился в океан-ад.

Существовал единственный способ остановить безумие. Двенадцать высших служителей *Триединого Бога* должны были пожертвовать своей жизнью, принести в жертву великое чудо из чудес – четырехмерный крестообразный Храм Странствия по Мирам – и жизнь всех, кто в этот момент был в храме, потому что они отказывались его покинуть.

Было произнесено Слово и белокаменная громада, бесчисленные века парившая неподвижно над гигантской водной воронкой, начала падать вниз. Все скрытые силы Храма были приведены в действие. Огромное каменное его тело само оказывалось в этом особенном состоянии *странником* по Мирам, оно погружалось в Осевой Туннель, стремясь к точке Альва.

Существа некоторых низлежащих миров, распаляемые своей ненавистью ко всему, что приходит свыше, атаковали его. В арочных лабиринтах крыльев Великого Креста завязывались быстротечные схватки с чудовищами разного вида. Оставшиеся в храме служители, решившие разделить участь учителей ценою собственной жизни, не позволяли теперь адским тварям пробиться к высшим Хранителям.

Двенадцать высших готовились к решающему моменту, образовав магическое кольцо. Самое сокровенное – кристалл Ар-Камень – был извлечен на свет, ради чего расплавили золотое яйцо, в которое он был помещен во времена, предшествовавшие, быть может, рождению самой планеты Земля.

Тем временем точка Альва была достигнута. Магическое излучение пяти башен встретилось с лучами Кристалла. То были противоположные энергии, и соединение их мгновенно превратило в Ничто и башни, и Храм, и среднюю треть экваториального острова. Огромный плазменно-паровой столб вырвался за пределы атмосферы Земли, вышвыривая в пространство Космоса атлантическую элиту.

Метаморфоза стихий остановилась в этот момент.

Однако лицо мира уже претерпело неизгладимые изменения. Континент Полюса оказался превращенным в архипелаг. Единый, некогда протяженный остров атлантов приобрел вид двух небольших островов: северного (*Ариан*) и южного (*Орг* или *Ог*).

Зловещие камни *кан* оказались разбросанными по всему миру. Эти минералы способны самостоятельно передвигаться, и обладают, в определенном смысле, внутренней волей. Многие, бытующие до сего дня, легенды порождены встречами людей с этими обломками атлантических боевых башен, происходившими в разные века. Некоторые из камней ушли в Океан, некоторые передвигаются по суше и в наше время.

Гиперборея и Атлантида существовали еще несколько тысячелетий после своей Великой войны. Но это были уже времена упадка того и другого царства. Вражда их не прекращалась, а у атлантов случались и вооруженные внутренние споры. В конечном счете, и острова полярного архипелага, и оба

экваториальных острова перестали существовать в результате череды войн, а также вследствие разных естественных причин. Современные атлантологи предполагают самые разные даты гибели Атлантиды. В большинстве случаев они далеки по времени от эпохи Скорпиона. Только ясновидящий Эдгар Кейси, известный сбывающимися предсказаниями об археологических открытиях в акватории Атлантического океана, утверждает, что Катастрофа произошла 15600 лет до Рождества Христова. Это современное прозрение в прошлое соответствует излагаемому взгляду Традицией. Более того, Кейси утверждает, что атланты погибли, потому что пустили какие-то смертоносные лучи через центр Земли. Про точку Альва и ее свойства ясновидящий Кейси, но не посвященный в Традицию, разумеется, знать не мог. Поэтому он вынужден постулировать войну атлантов с Китаем, географическим антиподом, территорию которого они якобы решили облучить таким образом.

12. Учение гипербореев (северная традиция)

О мировоззрении гипербореев, как первоисточке для всех культур и цивилизаций, представленной в Северной традиции, дает оригинальную концепцию Дмитрий Логинов в своей работе, опубликованной в сборнике «Гиперборейская вера русов».

Учение гипербореев представляет собой, по-видимому, забытый Первоисток всякого серьезного мировоззрения, известного человечеству за его историю. Свидетельство тому – Книги этой древнейшей расы, в которых излагается учение Замкнутого Креста – эзотерическое богословие Полярного континента.

Северная Традиция – это как бы грандиозная Башня, которая в незапамятные века была разрушена Катастрофой. Камни, складывавшие ее, оказались разбросанными по всему миру. И мудрецы различных народов, положив один или два таких осколка в основание, воздвигли свои учения – построили свои Башни... Насколько верно это предположение, читатель пусть судит сам. Так или иначе, приходит «время собирать камни».

Данная работа представляет собой ни в коем случае не перевод, а очень конспективный и упрощенный пересказ. Язык и, главное, система понятий Посвященных полярной цивилизации отличаются от современных настолько, что перевести их в точности нереально [1, с. 46 – 58].

13. Планетарная терапия

Зададимся иным вопросом, исконным – о смысле жизни. Ведь он приобретает совсем иное звучание в Мире Периодических Катастроф. Итак, поверхность нашей планеты оказывается, одновременно, и «доска», и «тряпка». Что бы ни писало человечество «мелкими» цивилизаций – все это безжалостно стирает Потоп. Достижения ума, воли, гения человеческого

регулярно оказываются аннулированными. Вот уж воистину: *так проходит мирская слава*.

Планета меняет кожу – и канут в небытие империи, обесценивая труд их создателей. И не одни «тираны» посрамлены: сизифовым трудом оказывается и деятельность «борцов за светлое будущее всего человечества». Где оно, это будущее – после очередного Потопа?

Невольно вспоминаешь строки из «Поэмы о смерти» Л.П. Карсавина: «Создал себе Бог мышонка – и забавляется...» (Карсавин Л.П. применял прием «доказательства от противного».) Верующему человеку, конечно, не надо и объяснять, что это совсем не так, даже если мы действительно живем в Мире Повторяющихся Катастроф. Просто этот Мир есть и вправду «школьная доска» – школа. Школьные упражнения для того и пишутся на доске, чтобы они были стерты и уступили место иным заданиям...

Катастрофы – это лишь «прозрачный намек» Создателя, что вечной душе нет смысла сверх всякой меры привязываться к деятельности тленного мира. Мир смертей – душа бессмертна, напоминает Бог, а не наоборот, как думают атеисты и иудеи саддукейского толка. Поэтому говорит Евангелие: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где воры подкапывают и крадут...»... и *где Потопы смывают* – можно теперь добавить, зная о периодически совершающихся литосферных катастрофах... «но собирайте себе сокровища на небе... ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше» (Евангелие от Матфея, 6: 19 – 21).

Когда сознание освобождается от привязанностей, душа обретает Покой, неведомый страстному человеку. И с этим Покоем – Силу. Сейчас такое называют паранормальными способностями, измененным состоянием сознания, «смещением точки сборки». Но были на Земле времена, когда это состояние Покоя воспринималось не как измененное или паранормальное, а как обыкновенное и естественное бытие сознания. То были тысячелетия цивилизации гипербореев, которую современный человек воспринял бы не иначе, как *государство магов*, и о котором до наших дней дошли лишь легенды.

Гиперборейцам был известен Закон Повторяющихся Катастроф и та роковая роль, которую играет лед, скапливающийся в полярной области. Более того, Древним удалось приостановить ход этих «ледовых часов»! Полярный континент Арктида (тогда еще не затопленный и не покрытый ледяной шапкой) весь был преобразен титанической деятельностью гипербореев. Посреди него располагалось внутреннее море правильной круглой формы, именовавшееся Великое Вращающееся Озеро. Воды этого моря не знали никогда бурь, но суда, попавшие в него, ожидала верная смерть. Гиперборейское море действительно пребывало в постоянном вращении: в его центре, географически совпадающем точно с Полюсом, располагалась гигантская впадина земной коры.

Через эту великую Яму, кажущуюся Бездной, воды Океана втягивались воронкой в земные недра, где прогревались, вбирая в себя жар ядра, и затем, пройдя по лабиринтам подземных морей-пещер, снова выходили сквозь

устья подводных гротов на поверхность планеты. Эта циркуляция теплых течений препятствовала образованию на участках суши около Полюса чрезмерных массивов льда. Та «соринка», которая могла бы привести к опрокидыванию литосферы, как бы постоянно «смывалась» в водоворот внутреннего моря Арктиды. Воды Океана устремлялись к Полюсу в виде четырех широких потоков, так что континент напоминал очертаниями крестообразно рассеченный круг.

Арктида представляла собой, таким образом, идеальную структуру для ограничения разрастания массы льда в полярном регионе планеты. Расположение великой Ямы точно по месту планетарной Оси обеспечивало максимальную стабильность втягивающего водоворота. Прерывистое широкое кольцо суши вокруг препятствовало забиванию пространства над Впадиной большими массами льда. Четыре симметричных пролива давали равномерный прогрев полярного региона со всех четырех сторон света.

Во времена процветания Арктиды литосфера не могла опрокинуться. Всемирный Потоп откладывался на неопределенное время. Этот период планетарного Покоя запечатлен в древнем предании о титане, державшем небо. Ведь, с точки зрения наблюдателя на земле, смещение литосферы представляется не иначе, как «опрокидывающийся небесный свод». Только не Атлант, а Гиперборей «держал небо». Долгие тысячелетия Арктида властвовала над всем праантическим миром. И с тех далеких времен знаками императорского достоинства остаются держава и скипетр – шар, символизирующий планету, и жезл, олицетворяющий ее Ось.

Рис. 5.

Технология, пусть даже и превосходящая все известное нам, не могла бы сама по себе обеспечить реализацию такого масштабного геофизического проекта. Древними было задействовано то, что принято теперь именовать магией. Они умели беседовать с душами Стихий – Подземного Огня, Океана, Тверди. Мистики Арктиды воссоединяли свой дух с энергиями Земли и стихия Разума становилась как бы нервной системой тела планеты.

Как именно достигали такого гиперборей? Они использовали силу Покоя. Они обладали большей, чем это свойственно нам, степенью

отрешенности от мирских дел. Когда в душе затихает разноголосица страстей, внутренний слух начинает воспринимать внятные сигналы, приходящие из высших сфер бытия, которые иначе остаются неслышимы. Даже геофизическая конструкция около планетарной Оси была необходима гиперборейцам не столько как предохранитель от литосферных катастроф, сколько в качестве своеобразной «антенны» для сообщения с мирами иными.

То был Золотой Век, Земля благоденствовала под властью Полярной цивилизации, пока никто не оспаривал эту власть. Однако времена менялись... Разразилась война между Гипербореей и ее колонией – Атлантидой.

Итог этого столкновения был печален: мятежный Остров погрузился на дно морское, но и континент Арктида получил такие серьезные повреждения, что перестал существовать Полярный Водоворот.

Последний из Мировых Потопов был вызван не литосферной катастрофой, а военными действиями противоборствующих держав, использовавших, как это мы бы теперь сказали, геофизическое оружие. Эта война в прямом смысле слова *потрясла Мир* и необратимо подорвала могущество самих царств, задействовавших силы Стихий. Прошли десятки веков, и нарастающий ледовый щит Полюса постепенно скрыл все свидетельства былого величия Гипербореи. Гибельные «ледовый часы» планеты вновь начали набирать ход.

Северная традиция или Первоисток как мировоззрение было распространено по всей Земле в качестве Вед: русские Веды, индийские Веды, т.е. ведической культуры, тождественной мифологии у всех народов (Мирче Элиаде).

Библиографический список

1. Гиперборейская вера русов: сборник. – 2-е изд., испр и доп. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 400 с.
2. Моуэт, Ф. От Ариев до Викингов, или кто открыл Америку / Ф Моуэт. – М.: Изд-во «Эксмо», 2004. – 480 с.
3. Андреев, Д.Л. Роза Мира / Д.Л. Андреев. – М.: Мир Урании, 2002. – 608 с.
4. Платон. Диалоги /Платон. Пер. с древнегреч.; сост., ред и авт. вступительная статья А.Ф. Лосева; авт. примечания А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1986. – 607 с.
5. Асов, А.И. Русские Веды / А.И. Асов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 385 с.
6. Миролюбов, Ю.П. Сакральное Руси. В 3-х т. / Ю.П. Миролюбов. – М.: Золотой Век, 1997. – Т. 1. – 384 с.

Глава II. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Древнеиндийское мировоззрение характеризуется мощным развитием предфилософских форм, предфилософии в прямом смысле слова, т.е. переходом от мифологического мировоззрения к мировоззрению философскому. Эта предфилософия зарождается уже в Ведах, а именно в ее первой части в Ригведе, но, разумеется, достигает своей вершины в ее позднейшей части, в Упанишадах. Основным сводом правил, в котором содержались предфилософские представления, были Веда – древнейший литературный памятник. «Веда» – в переводе означает «знание». Это – сборник текстов, гимнов, легенд, сказаний, ритуалов. Веда содержала несколько частей. Одна из них – Ригведа – учение о миропорядке. В Ригведе названы имена трех тысяч богов, описана их жизнь и борьба [1, с. 22].

«Гимн Пуруше» представляет собой антропоморфическое основание мифологического мировоззрения. Пуруша («мужчина») – человек-Вселенная: «Ведь Пуруша – это Вселенная, которая была и которая будет» (X, 90, 2). Ведийское мировоззрение представляет собой религиозно-мифологическое мировоззрение. Поэтому само возникновение мира из Пуруши представлено как религиозный обряд, как принесение богами в жертву Пуруша. Когда боги предприняли жертвоприношение с Пурушей в качестве жертвы, весна была его жертвенным маслом, лето – дровами, осень – жертвой. От Пуруши возникли лошади и гимны, коровы и напевы, солнце и жертвенные формулы, пространство и ветер, небо и земля и даже боги Индра и Агни [2, с. 28].

В «Гимне Пуруше» содержится идеологический момент – мировоззренческое обоснование социального неравенства людей, системы варн в Древней Индии: брахманы возникли из уст Пуруши, кшатрии – из рук, вайшьи – из бедер, шудры – из ног. Это было первое упоминание о варнах в древнеиндийских источниках.

В ведийской мифологии зарождается представление о безличном законе. Это – рита. В более раннем гимне о рите говорится еще как о личном существе, о ее образе. «Рита создала разнообразную пищу, дающую силу. Мысль о рите спасает от греха. Хвалебный гимн рите, возвышающий, сверкающий, доходит даже до глухих. Прочны опоры риты, совершенен и прекрасен ее образ. Благодаря рите доставляется нам долгожданная пища, благодаря рите есть у нас почитаемые коровы». В более поздней, последней (десятой) части «Ригведы» рита дается более отвлеченно. В гимне «Космический жар» о рите (законе) сказано: «Закон (рита) и истина родились из воспламенившегося жара. Отсюда родилась ночь. Отсюда – волнующийся океан. Из волнующегося океана родился год, распределяющий дни и ночи, владыка всего, что моргает (т.е. живет). Солнце и Луну сотворил последовательно создатель, и день, и землю, и воздушное пространство; затем свет». Мы видим, как внутри мятущейся первобытной мировоззренческой стихии зарождается представление об объективной необходимости, о законе. Ведийская космология тяготеет скорее к мифологической интерпретации, нежели к философскому осмыслению. В

качестве модели сотворения мира рассматривалось космическое яйцо, плавающее в водах первобытного хаоса или перво-человека, огромного Пуруши, из которого все произошло [2, с. 28]. К исходу ведического периода в «Атхарваведе» предлагается уже более философское представление о небытии и бытии, т.е. асат и сат.

В Ригведе среди многочисленных гимнов, посвященным богам, особенно, в гимне, восхваляющем Индру, проскальзывает полемика с теми, кто отрицал существование Индры, спрашивая, «кто видел его?» и «где он находится?». В другом гимне проскальзывает мысль о единстве богов. Агни, Индра, Яма, Варуна и другие имена богов – это лишь разные названия, даваемые мудрецами «единому бытию». Оно же лежит в основании единого огня, единой зари, единого Солнца. В ведийской мифологии само Солнце, будучи олицетворяемым разными богами, не представлялось единым.

В последней части «Ригведы» (наряду с гимном «Пуруше» и гимном «Космический жар») имеется и удивительный гимн «О сотворении мира», где содержатся отвлеченные представления о сущем и не-сущем (сат и асат), ставится вопрос о начале мира. «Кто воистину знает? Кто здесь провозгласит? Откуда родилось, откуда это творение?» (X, 129, 6). «Откуда это творение появилось: может, само создало себя, а может, нет» (X. 129, 7).

На этот вопрос, подчеркивается в гимне, не могут ответить даже боги, ведь и они появились посредством сотворения этого мира. Если об этом кто и знает, так это будет тот, кто надзирает над этим миром на высшем небе, но и даже он может этого не знать. Однако в гимне все же есть ответ на поставленный вопрос. Из этого ответа можно понять, что в начале ничего не было: «Не было несущего и не было сущего тогда. Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним». Не было ни смерти, ни бессмертия, ни дня, ни ночи, мрак был сокрыт мраком. Но был некий жар, породивший жизнедеятельное единое (одно), первым состоянием которого было желание, ставшее семенем мысли. Таким образом, бытие возникло из небытия: Происхождение сущего в несущем открыли мудрецы размышлением, вопрошая в своем сердце.

ИНДУИЗМ

А теперь рассмотрим литературное наследие основной религии Древней Индии – индуизм.

Веды

Веды – древнейший литературный памятник (начал складываться в третьем тысячелетии до н.э.), много позднее записанный на языке ариев – ведийском санскрите. «Веда» – «знание» (ср. «ведать» – «знать»).

Индийская философия получила свое каноническое, ортодоксальное оформление в форме сборников, насчитывающих более тысячи гимнов, состоящих примерно из 10000 стихов. Вероятно, эти священные книги были основаны на традициях Ариев и записаны в середине II тысячелетия до н.э.; однако первоначальные четыре сборника со временем были объединены

общим названием «Веды» [1, с. 27].

Собственно Веды или первый ее слой – Самхиты, представляют сборники гимнов в честь богов.

Второй слой Вед – Брахманы, содержащие мифологические, ритуальные и иные объяснения к самхитам.

Третий слой Вед – Араньяки.

Четвертый слой Вед – Упанишады. При этом Араньяки примыкали к тем или иным Брахманам, а Упанишады – к Араньякам (или непосредственно к Брахманам). Все это священные тексты – шрути. Они якобы являются плодом Откровения, полученного мудрецами – риши. Шрути дополнялись смрити («запоминаемое») – ритуальными, законодательными, научными трактатами.

Самхит в Ведах существует четыре.

Первая – Ригведа – содержит 1028 гимнов разным богам, в ней десять разделов (мандал). Гимны состоят из двустиший (шлок). Ригведа сложилась стихийно, а поздние Веды творились более сознательно.

Вторая – Самаведа («Веда мелодий, песнопений») – в большей части своих гимнов повторяет тексты к Ригведе, порядок которых имеет ритуальный смысл.

Третья – Яджурведа, т.е. «Веда жертвенных формул, изречений» – состоит из Черной Яджурведы и Белой Яджурведы.

Эти три Веды считались главными. Их символом было слово «ом», которое употреблялось в начале молитв и религиозных церемоний. По индийской фонетике слово «ом» состоит из трех звуков: «а», «и» и «м», каждый из которых символизировал одну из Вед.

Четвертая Веда – Атхарваведа (Атхарван – легендарный жрец) – содержит более семисот заговоров на все случаи жизни.

Завершение работы над самхитами и их кодификация совершились в первой половине первого тысячелетия до н.э. Читать и изучать Веды могли только мужчины из первых трех варн. Женщины и шудры к Ведам не допускались. В Ведах выражено первобытное социоантропоморфическое мировоззрение ариев, художественно-мифолого-религиозный комплекс восприятия мира, а также магия.

Первобытное арийское мировоззрение мифологично и многобожно. В Ригведе названы имена более трех тысяч богов. Эти боги антропоморфны, их жизнь представлена образом жизни арийской знати. Первоначально они считались смертными, но потом обрели бессмертие. Ведийские боги олицетворяли явления и процессы природы, считались не столько творцами, сколько их организаторами. Богам противостоят их старшие братья – демоны (асуры) – дезорганизаторы, олицетворявшие стихийные бедствия.

Древнейший слой арийского мифологического мировоззрения нисходит к матриархату. Тогда главное место в арийском пантеоне занимала не рожденная и слабо персонифицированная Адити Притхиви – «Безграничная мать-земля», имевшая 12 сыновей – главных богов (Адитьи). Варуна был олицетворением ночного звездного неба (в Элладе это Уран) и одновременно

правителем ночи. Митра, Сурья, Пушан, Савитар, Анша – олицетворения Солнца. При этом Митра – правитель дня. Варуна и Митра (первый ночью, второй днем) наблюдают за людьми и наказывают их. Арьяман – властелин над душами умерших предков, и т.п. Позднее к этому пантеону были добавлены Индра и Вишну. В числе других богов Сома – бог Луны и опьяняющего священного напитка, секрет коего утрачен, Ваю – бог ветра, Яма – бог смерти и правосудия, Агни – бог огня, близнецы Ашвины – дети Солнца и кобылицы – божества утренней и вечерней зари, Ушас – богиня зари, Парджанья – бог дождя, Рудра – бог бури, и т.д. Адити Притхиви как матери богов соответствовал бог-отец Дьяус (в Элладе – Зевс). Все эти боги в какой-то мере ориентировали мировоззрение на реальный мир, давали некое подобие его объяснения. Например, затмения объяснялись тем, что демон Раху проглатывает то солнце, то луну. Последовательность утренней зари и восхода солнца объяснялась тем, что бог солнца – Сурья преследует богиню зари – Ушас.

Придя в Индию, арии из скотоводов стали земледельцами, Они выжигали леса и обрабатывали землю. Земледелие же в Индии зависит от чередования периода дождей и периода засухи. Поэтому появляется второй пласт ведийской мифологии. На первый план выходят бог огня Агни, бог Солнца – Сурья-Савитар, бог бури, молнии, грозы, грома – Индра. Именно Индра отделил небо от земли. Он периодически борется с демоном засухи – Вритрой. К Индре взывает гимн, в котором дано описание характерной формы грозового облака с наклоненной вперед перистой вершиной. Там сказано: «Ревни, греми, оплодотворяй, облетай нас на своей нагруженной водой колеснице! Сильнее натяни наклоненные вперед плотно укрепленные мехи с водой» (т.е. дождевые облака). В другом гимне об Индре сказано: «Ты разверз облака... дал богатство и пищу... открыл хранилище вод... когда поверг Вритру-разрушителя».

Характернейшая черта древнеиндийского общества – распадение его на четыре варны (длительное время называвшиеся в Европе кастами). Это брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Санскритское слово «варна» означает «покров, оболочка, цвет, окраска». Каждая варна имела свой цветовой символ: брахманы – белый, кшатрии – красный, вайшьи – желтый, шудры – черный. Каждая варна – замкнутая группа людей, она занимает строго определенное место в обществе. Варна эндогамна – браки заключаются лишь внутри варны. Принадлежность к варне определяется рождением и наследуется. Члены варны имеют свою традиционную профессию. Умственный труд стал монополией высшей варны – жрецов-брахманов, воинское поприще – варны кшатриев, земледельческий, ремесленный и торговый труд – варны вайшьев («вайшья» – преданность, зависимость), самый низменный труд – варны шудр. Происхождение термина «шудра» остается неясным. Слово «кшатрий» производят от глагола «кши» – «владеть, обладать; иметь власть, править; уничтожать, истреблять, убивать». «Брахман» означает «благоговение, благочестивая жизнь», это также имя одного из главных богов Древней Индии. Первые три варны были

арийскими, они резко отмежевывались от низшей варны шудр, состоящей, по-видимому, из основного населения Индии. Мужчины первых трех варн проходили обряд посвящения и приобщались к знанию, а потому назывались «дважды рожденными». Шудрам и женщинам всех варн это приобщение было запрещено, поэтому, согласно законам, они ничем не отличались от животных. Шудра – «слуга другого, он может быть по произволу изгнан, по произволу убит» (Айтарея-брахмана. VII, 29).

Физическая власть находилась в руках у кшатриев, моральная – у брахманов. Только брахманы могли учить священным текстам, совершать усложненные ими обряды. Вайшьи – основная масса населения – земледельцы, скотоводы, торговцы. Вайшьи – податное сословие, содержащее своим трудом брахманов и кшатриев. Вайшьи – общинники. Сельские общины составляли незыблемый фундамент индийского общества.

Структура мира богов подобно структуре арийской монархии. Она – социоморфична. Индра – царь (раджа) богов и военный вождь, Маруты – дружинники, Агни – жрец, Варуна – судья, Брихаспати – наставник, Рудра – охотник, Пушан – пастух, Вишвакарман – мастеровой. Верховного, главного божества не было. Главным всякий раз считался тот бог, к которому обращались с молитвой. Тогда он назывался Праджapati – «Владыка созданий». Так называли многих богов.

Мироздание (джагат) состояло из трех миров (лока), а потому называлось «трилока» («троемирие»), в котором Агни заведовал землей, Индра – воздушным пространством, Сурья – небом.

Человек – творение богов. Прародителем людей считался Ману Вайвасвата, один из сыновей солнечного бога Сурьи. Этому прародителю приписывались «Законы Ману».

Человек – часть живой природы. Различие между растениями, животными и человеком не принципиально, ибо люди подобно животным и растениям имеют тело и душу. Тело – смертно, а душа – вечна и является невидимым двойником тела. С его гибелью душа не погибает. Она поселяется в другом теле и становится его двойником. Таким телом может быть не только человеческое тело, но и тело растения или животного. Странствие души по различным телам, в принципе не имевшее конца, называлось сансара (от «тамас» – тьма). Сначала такое странствие, переселение души из одного тела в другое было беспорядочным. Потом это было поставлено в зависимость от поведения человека, от его благочестия, от его жертвоприношений богам, от его следования дхарме своей варны. Дхарма – это первоначально бог закона и правосудия, затем сам закон. Каждая варна имела свою дхарму. Нерадивое исполнение ее влекло за собой рождение в более низкой варне, а то и в теле животного или растения. Это было своего рода адом. Старательное же исполнение дхармы служило рождению в более высокой варне. Так действовал закон возмездия, или карма. Точное исполнение дхармы представителем высшей варны, брахманом освобождало его душу от дальнейших рождений и тем самым от страданий, связанных с пребыванием в телах. Тогда наступала мокша – освобождение. Позднее развились

представления о рае и аде. Яма судил души умерших и отправлял их или в ад, или в рай, но не навсегда, а временно. Отбыв свой срок, душа возвращалась на землю и возрождалась согласно закону кармы. Все дурное в человеке принимало отчужденную от него форму в образах антагонистов людей, демонов-ракшасов. Именно эти оборотни и людоеды толкают людей на дурные поступки и приносят им горе и несчастье.

В учении о сансаре, карме и мокше содержалась идеологическая мысль, согласно которой рождение в низшей касте является наказанием за прошлые злодеяния, а служение высшей касте – залог посмертного рождения в еще более высоком положении, переход же из одной варны в другую в течение жизни человека был невозможен.

Брахманизм

Второй слой арийского мифологического мировоззрения отражен во втором упомянутом выше слое ведийской литературы – в Брахманах. Каждая Веда имела свои Брахманы. Одна из наиболее значительных Брахман – Шатапатха («Сто путей»). В ней есть элементы предфилософии. Но в основном Брахманы – это описание религиозного ритуала. Драхманизм развивался во времена арийских раннеклассовых государств «века бронзы», торжества брахманов и начала борьбы с ними кшатриев за идеологическую гегемонию. Но пока что брахманы главенствовали. Они усложнили ритуал, а тем самым монополизировали его исполнение. Жертвенный обряд совершали четыре жреца. Один взывал к богам, произнося гимны Ригведы, другой сопровождал совершение жертвы пением из Самаведы, третий исполнял необходимые для обряда действия и произносил формулы Яджурведы, четвертый наблюдал за всей церемонией и исправлял ошибки первых трех жрецов-брахманов. Жертвоприношения были обильными и кровавыми. От человеческих жертвоприношений к этому времени уже отказались, но убивали множество животных. Особое значение имел обряд принесения в жертву коня – ашвамедха.

Брахманы создали новую религию – брахманизм, верховный бог которого Брахма (Брахман). Он не имел корней ни в ведийской мифологии, ни в народном сознании. Впервые он упомянут в позднейшей Веде – в Атхарваведе. Эпитеты Брахмы – «самосуший», «владыка, дающий счастье» и др. Культ Брахмы так и не получил широкого распространения в Индии. Брахма – лишь первое лицо в брахманистской троице. Два других – Вишну и Шива. **Брахма – бог-творец, Вишну – бог-хранитель, Шива – бог-разрушитель.** Эта троица вытеснила старую троицу Индры, Агни и Сурьи, превратившихся в статистов в пантеоне брахманизма. Старые боги представлялись теперь как разные воплощения Брахмы, Вишны и Шивы. Далее Вишна и Шива заслонили Брахму, и **брахманизм распадается на шиваизм и вишнуизм.** Главное божество вишнуизма – это даже не Вишну, а его воплощение – **Кришна (черный).** **Ныне брахманизм в форме индуизма – господствующая религия в Индии.**

С именем Брахмы (Брахмана) связаны космологические, космогонические

и социальные мифы.

Араньяки

Постепенно Брахманы стали обрастать книгами несколько иного содержания. Поэтому новые, последние главы Брахман стали называться особо. Это Араньяки – «Лесные книги». Будучи, последней частью Брахман, Араньяки носили их названия, например Айтарея-араньяка (в отличие от Айтарея-брахманы). «Лесные книги» предназначались для третьей ашрамы, для **лесных отшельников. Переход от состояния домохозяина к отшельничеству представлялся переходом от «пути деяния» к «пути знания».** В лесах были невозможны сложные домашние обряды. Само отшельничество предназначалось для благочестивых размышлений и способствовало тому, что Араньяки стали более умозрительными по сравнению с Брахманами. В «Араньяках» меньшую роль играет элемент ритуала, да и сам ритуал приобретает, в силу невозможности внешнего выражения, характер внутреннего ритуала почтения и благочестивого размышления. Все это, вместе взятое, способствовало развитию мировоззренческой мысли Древней Индии.

Ум – одно из самых ценимых Ведами качеств, как в людях, так и в богах. Боги Ригведы премудры (вибудха), среди них: наставник богов – Брихаспати, врач – Дханватари, зодчий – Вишвакарман, бог закона – Дхарма, богиня красноречия, покровительница наук и искусств – Сарасвати. В Брахманах имеются астрономические сведения: время религиозных ритуалов определялось фазами Луны и ее положением на эклипке. Были известны созвездия и планеты. Календарь состоял из двенадцати тридцатидневных месяцев и временами дополнительного месяца. Развитие геометрии стимулировало то, что все алтари должны были, независимо от формы, иметь одинаковую площадь. В связи с этим возникли математические трактаты – «Шульба-сутра» («Правила веревки»). Развивалось искусство счисления и исчисления. Основанием большинства индийских цифровых систем служило число 10. Таким образом, элементы научного знания (видья) зарождаются во времена ранних Упанишад, еще до появления философии, что позволяет говорить о древнеиндийской предфилософской науке как втором после мифологического мировоззрения духовном источнике философии в Индии. Об этом роде знания в Упанишадах говорится неоднократно. В четвертой главе второго раздела «Брихадараньяки-Упанишады» (эта часть ее датируется IX в. до н.э.) называются уже различные науки (II, 4). В «Чхандогья-Упанишаде» о ведантах упоминается дважды. Один образованный индус так говорит: *«Я знаю Ригведу, Яджурведу, Самаведу, Атхарвану – четвертую веду, итихасу и пураны – пятую, веду вед, правила почитания предков, науку чисел, искусство предсказаний, хронологию, логику, правила поведения, этимологию, науку о священном знании, науку о демонах, военную науку, астрономию, науку о змеях и низших божествах»* (VII, I) [8]. Здесь Атхарвана – Атхарваведа, пятой ведой названы итихаса –

историческое предание и пураны – эпос, веда вед – грамматика. В «Мундака-Упанишаде» сказано: «Два знания должны быть познаны... высшее и низшее. Низшее... – это Ригведа, Яджурведа, Самаведа, Атхарваведа, [знание] произношения, обрядов, грамматики, толкования слов, метрики, науки о светилах». Здесь перечислены шесть традиционных ведант – фонетика, обрядовый ритуал, грамматика, этимология, метрика, астрономия, – которые и составили предфилософскую науку, оказавшую влияние, прежде всего, на формирование переходных мировоззренческих форм Древней Индии. Упанишады толкуют смрити как низшее знание. Но они же смотрят уже свысока на самхиты. Уровень Упанишад более абстрагирован. Это стало возможным благодаря предфилософской науке.

Упанишады

Упанишада – отглагольное существительное; *upa-ni-sad* («сидеть около»), т.е. сидеть у ног учителя, получая от него наставления, поучения. Действительно, в этих произведениях немало поучений и наставлений. Но там имеются и диспуты брахманов при царских дворах, и диалоги. Всех Упанишад более двухсот (больших и малых – от одной страницы до сотни и более). Одни из них написаны стихами, другие – прозой, третьи – смешанные. Упанишады создавались в течение двух с лишним тысячелетий, начиная с конца второго тысячелетия до н.э. и кончая серединой II тысячелетия н.э. Главные, старейшие, предфилософские Упанишады – это «Брихадараньяка» (XIII – VII вв. до н.э.), «Чхандогья» (тот же период), «Айтарея», «Каушитаки», «Кена», «Катха», «Гайттрия», «Шветашватара», «Майтри», «Иша», «Мундака». Упанишады – последние части Араньяк или даже Брахманов. Так, «Чхандогья-Упанишада» – это 3 – 10-я части «Чхандогьи-Брахманы». Будучи шрути, Упанишады – анонимны, но внутри них действуют живые лица, главным образом, брахманы и образованные кшатрии.

Брахманы и кшатрии

В период формирования Упанишад происходила борьба кшатриев против брахманов, что и отразилось в них. Нередко кшатрий оказывается более знающим, чем брахман. В старейших Упанишадах – «Брихадараньяке» и «Чхандогье» – кшатрий Правахана наставляет самого брахмана Уддалаку. Есть особое кшатрийское знание, о котором Правахана говорит: «Ведь до сих пор это знание не пребывало ни с одним брахманом» (Бр. VI, 2). В той же «Чхандогье» шесть ученых брахманов обращаются за поучением к царю Ашвипати (Чх. V, 11). В «Каушитаке» царь, т.е. кшатрий, принимает брахмана в ученики, подчеркивая, что это против обычая (Кау. IV, 19). Более того, в «Брихадараньяке» содержится прокшатрийский миф, в котором бог-творец Брахман творит «образ, который еще лучше», чем брахманство, – образ «кшатра» – персонификацию варны кшатриев. Далее Брахман творит «виш» – персонификацию вайшьев и «питающую все землю», т.е. варну шудр. Кшатрий лучше брахмана: «нет ничего выше кшатры» (Бр. I, 11). В

Упанишадах заметен отказ от традиционного противопоставления варн, их различие снимается высшим знанием: варны – не самоцель. Это говорит о тех социальных процессах, в условиях которых готовился генезис философии. В частности, меняется отношение к женщине. Если одна из жен брахмана Яджнавалкьи наделена лишь «знанием, свойственным женщинам», то другая способна беседовать о Брахмане, и становится ученицей своего мужа.

Упанишады и философия

Многие ученые считают Упанишады философскими произведениями. Так, европеец П. Дейсен, автор «Философии Упанишад», сравнивает учение Упанишад с воззрением Платона. Более того, в Упанишадах якобы предвосхищена доктрина Канта. С другой стороны, индус С. Чакраверти видит в Упанишадах «венец индийской философии». В пользу последнего мнения как будто говорит значительная рационализированность основных понятий Упанишад. Но хуже обстоит дело с их системностью, а еще хуже – с доказательностью. Стиль Упанишад – афористичен и догматичен. Состав Упанишад – сложен. По своей форме – это совокупность рассказов, поучений, заклинаний, молитв, обрядов, гимнов, сравнений, аллегорий, загадок и т.п. Правда, ритуализма в Упанишадах значительно меньше, чем в Брахманах, и сам он более внутренний (эзотеричен), чем внешний (экзотеричен). Созерцательное почитание богов ставится выше традиционных обрядов (Бр. III, 8; Чх. V, 24). Там даже есть элемент насмешки над традиционным ритуалом, когда удхитху – определенное жертвенное песнопение – исполняют голодные собаки, подражающие жрецам, – так собаки добывают себе пропитание (Чх. I, 12). Но все же религиозно-мифологический комплекс в Упанишадах весьма велик.

Мифология Упанишад

В Упанишадах представлено множество богов. Чаще других появляется Праджапати. Неоднократно выступает образ бога-творца Брахмана. Выше приводился социальный миф о творении Брахманом варн, далее он же творит дхарму – правду (Бр. I, 4). О Брахмане говорится как о «творце всего» и «хранителе мира». Брахман «возник первым из богов» (Му. I, 1). В одном космогоническом мифе рассказывается о том, как из первоначальной тьмы возник бог Праджапати, а из его части – Рудра (Шива), Брахман и Вишну (Мт. V, 2). К тому же мифология, которую встречаем в Упанишадах, – это мифология не только самхит, но и Брахман, религиозная мифология, т.е. мифология, слитая с ритуалом. Поэтому все происходящее в мире рассматривается как жертвоприношение. Даже дыхание – обряд (Бр. I, 5), а жизнь – жертвоприношение (Чх. II, 16). Выше говорилось о «Гимне Пуруше», который описан в «Ригведе», где творение мира представлено как принесение богами в жертву вселенского человека – Пуруши, который имеется и в Упанишадах. Но поскольку к этому времени человеческие жертвоприношения исчезли, сотворение мира представлено аллегорией

принесения в жертву коня. Конь отождествляется со Вселенной, а его части – с обыденными, рядовыми явлениями природы: его голова – утренняя заря, глаз – Солнце и т.д. (Бр. I, 1). Согласно другому космогоническому мифу, бог-творец, названный «голодом или смертью», создает речь, гимны, жертвоприношения, людей, скот, а затем превращает свое тело в коня и сам себя приносит себе в жертву. В Упанишадах широко представлены и другие, более частные мифологические сюжеты, например, миф о сотворении женщины (Бр. IV, 4). Творение богом мира – это сознательный волевой акт: «Он подумал: «Теперь я создам миры». Он создал эти миры» (Ай. I, 1).

Правда, весь религиозно-мифологический комплекс Упанишад не всегда имеет самодовлеющее значение. Традиционные мифологические мотивы или подражания им служат поучениям и наставлениям, Упанишады стремятся осмыслить и мифологию, и ритуал. Этому осмыслению служит уже тот упор на внутренний ритуал, о котором говорилось выше. Упанишады подчеркивают недостаточность одного лишь исполнения обрядов. «Все же непрочно эти ладьи в образе жертв», – говорится в них (Му. I, 2). Возникает тенденция к монотеизму. Тысячи богов сначала сводятся к 33, а затем к одному Брахману. Боги становятся все более отвлеченными, в особенности Брахман. Тем самым перед нами уже философский аспект и даже философский комплекс Упанишад.

Брахман и брахман

Переход от мифологии к философии в Упанишадах весьма нагляден. Там есть и живой мифологический бог Брахман (слово мужского рода с долгим «а» на конце), и отвлеченное философское начало брахман (слово среднего рода с коротким «о» на конце, «брахмо»).

Поскольку, однако, мифологическая пуповина брахмана в Упанишадах еще не перерезана, часто трудно сказать, кто перед нами: Брахман или брахман, ибо брахман среднего рода и Брахман мужского рода не всегда могут быть четко разделены по смыслу. В Упанишадах высшая реальность – это одновременно и божественная личность, и безличный принцип.

Однако нет сомнения в том, что брахман среднего рода – по сути, уже философское понятие субстанции. Такой брахман – генетическое и субстанциональное начало всего сущего, он же – завершающий конец всего сущего. *«Поистине от чего рождаются эти существа, чем живут рожденные, во что они входят, умирая, то и стремись распознать, то и есть Брахман»*, – сказано в Упанишадах (Та. III, 1). Правда, это новое содержание трудно выразимо для авторов Упанишад, ибо философской терминологии почти нет. Поэтому приходится говорить иносказательно, аллегорически; например, желая показать субстанциональность брахмана и иерархию основных явлений природы, Упанишады говорят о том, что все сущее «выткано вдоль и поперек» на воде, вода же выткана на ветре, ветер – на воздушном пространстве, последняя же основа мироздания – миры Брахмана, об основе которых нельзя спрашивать. Здесь, даже трудно сказать, о каком брахмане идет речь – личном или безличном. Однако Упанишады

иногда поднимаются и до обобщений, которые они выражают в кратких и выразительных формулировках. Один из главных тезисов Упанишад – все это есть брахман: «Поистине, Брахман – это бессмертное, Брахман – впереди, Брахман – позади, справа и слева, он простирается вверх и вниз; по истине, Брахман – все это, величайшее» (Му. II, 2). Различаются два аспекта брахмана: воплощенный и невоплощенный. Первый – смертный, неподвижный и существующий, второй – бессмертный,двигающийся, истинный. Второй брахман един, первый множествен, ибо «все это есть брахман».

Атман и атман

Но «все это» не только брахман – «все это есть атман». Если корень брахмана в Брахмане, то корень Атмана – в пуруше, с которым атман часто в Упанишадах отождествляется. Например, «вначале [всё] это было лишь Атманом в виде пуруши» (Бр. I, 4).

Слово «атман» употребляется в Упанишадах как местоимение («я», «себя»), в значении «тело». Но это – не главное. Главное значение этого слова – человек как индивидуальное и как универсальное, космическое психическое бытие. В последнем значении атман – начало, основа и завершение всего сущего. «Поистине, это вначале было одним Атманом. Не было ничего другого, что бы мигало. Он подумал: «Теперь я создам миры». Он создал эти миры: небесные воды, частицы света, смерть, воду. Небесные воды – над небом, небо – [их] опора, воздушное пространство – частицы света, земля – смерть; что находится внизу, то – вода» (Ай. I, 1-2). Таким образом, Атман – не только генетическое начало, от чего все происходит, но и сознательное существо, творец мира, Атман. Здесь становятся ясными его мифологические и антропоморфные корни и истоки. Атман – «повелитель всех существ, царь всех существ» (Бр. II, 5). Однако говорится о нем и в более обезличенном отвлеченном виде: «Из этого атмана возникло пространство, из пространства – ветер, из ветра – огонь, из огня – вода, из воды – земля, из земли – травы, из трав – пища, из пищи – человек» (Та. II, 1). Атман – не только начало, но и основа всего сущего, субстанция. «На нем выткано небо, земля и воздушное пространство вместе с разумом и всеми дыханиями» (Му. II, 2). Атман пронизывает все сущее, все есть проявление атмана. Это «целое, являемое в частях» (Чх. V, 18). «Его высшее могущество открывается как многообразное» (Шв. VI, 5). «Как единый огонь, проникнув в мир, уподобляется каждому образу, так же и единый атман во всех существах уподобляется каждому образу, [оставаясь] вне [их]» (Ка. II, 2). В «Чхандогье-Упанишаде» брахман Удаллаки разъясняет своему сыну, что та тонкая сущность, которую мы уже не воспринимаем чувствами, есть «основа всего существующего», атман (Чх. VI, 12). В «Чхандогье-Упанишаде» есть драматическое место, когда шесть брахманов, в том числе и Удаллаки, просят кшатрия, царя Ашвапати, объяснить им, что такое атман. Оказывается, что один брахман думает, что это небо, другой – солнце, третий – ветер, четвертый – пространство, пятый – вода, шестой – земля. Кшатрий

доказывает брахманам, что атман – не то и не другое, что он – целое, являемое в частях как тождественное самому себе (V. 11– 18).

Как уже было сказано, Атман – не только генетическо-субстанциональное начало, но и завершение всего сущего: «Сотворив все миры, он, пастырь, свертывает [их] в конце времени» (Шв. III, 2). «Как из пылающего огня тысячами возникают искры, подобные [ему], так различные существа рождаются из неуничтожимого и возвращаются в него же» (Му. II, 1). Смерть – это слияние с атманом.

Природа атмана – и телесна, и духовна. При этом духовный атман часто отождествляется с дыханием – основой жизни. О взаимоотношении духовного и телесного атмана говорится так: «Это дыхание – познающий Атман – проникло в этого телесного Атмана вплоть до волос, вплоть до ногтей. Подобно тому, как нож скрыт в ножнах или огонь – в пристанище огня, так и этот познающий Атман проник в этого телесного Атмана вплоть до волос, вплоть до ногтей» (Ка. IV, 20). Но в Упанишадах превалирует понимание атмана как духовного начала. В «Брихадараньяке» подчеркивается, что атман состоит из разума, речи и дыхания (Бр. I, 5). Будучи повелителем, атман «должным образом распределил вещи на вечные времена» (Иша. 8). Атман – «внутренний правитель», нить, которая связывает «и этот мир, и тот мир, и все существа» (Бр. III, 7).

Брахман, атман, пуруша

Уже из вышеприведенных характеристик брахмана и атмана видна их тождественность. Как о том, так и о другом часто говорится в одних и тех же словах. Брахман и атман как генетическо-субстанциональное начало всего сущего и как последнее его завершение, как единое, вечное и непреходящее, как неизменная сущность явлений, находящаяся как в них, так и вне их, отождествляются каждый порознь со всем сущим. К тому же оба они отождествляются с пурушей. Например, в «Айтаре-Упанишаде» Пуруша назван «всепроникающим Брахманом» (Ай. I, 3). Атман и брахман отождествляются друг с другом. О тождестве атмана и брахмана в Упанишадах говорится неоднократно и на все лады. Например, «это Брахман, это Атман» (Та. I, 5), или: «Поистине, этот Атман – Брахман», – сказано в «Брихадараньяке-Упанишаде» (IV, 4). Пафос отождествления атмана с брахманом и со всеми формами сущего хорошо виден в следующих словах Упанишад. «Он [атман] – Брахман, он – Индра, он – Праджапати и все эти боги и пять великих элементов: земля, ветер, воздушное пространство, вода, свет: и эти маленькие разнообразные существа...; и лошади, коровы, люди, слоны; и все, что дышит, и движущееся [по земле], и летающее, и неподвижное» (Ай. III, 3).

Этот атман-брахман – «начало, причина, вызывающая соединение; даже лишенный частей, он видим за пределами трех времен, когда его почтят сначала как многообразного, основу бытия, досточтимого бога, пребывающего в наших мыслях» (Шв. VI, 5).

Человек

Однако все эти рассуждения были бы беспредметными, если бы они не затрагивали основного вопроса мировоззрения – вопроса о взаимоотношении мироздания и человека, людей. В этом основной пафос Упанишад. Он состоит в отождествлении «я» и брахмана, «я» и атмана. Надо понять, что «я есмь Брахман», – сказано в «Брихадараньяке-Упанишаде» (I, 4). Сказав, что атман – это сверхчувственная основа всего сущего, Уддалаки в своем поучении сыну продолжает: «То – Атман. Ты одно с тем», или: «Ты еси то» (Чх. VI, 12). Это есть центральный пункт мировоззрения Упанишад. С осознанием тождества «я» с атманом и брахманом в Упанишадах связывается высшее состояние человека, который становится как богом, так и мирозданием. «Кто знает: «Я есмь Брахман», тот становится всем. И даже боги не могут помешать ему в этом, ибо он становится их атманом. Кто же почитает другое божество и говорит: «Оно – одно, а я – другое», тот не обладает знанием» (Бр. I, 4.).

Однако в отождествлении человека с мирозданием и с его идеализированной основой более важно последнее. В мировоззрении Упанишад субъект растворяется в объекте. Точнее говоря, он еще оттуда не выделен. Ступень Упанишад – это ступень осознания того, что мир – антропоморфен. Выше говорилось, что мифологическое мировоззрение возникает путем стихийного распространения на мироздание черт и свойств человека. Теперь же антропоморфность мира в его мифологической картине осознается, однако от такого очеловечивания мира не только не отказываются, но, напротив, осознание этого тождества мироздания и человека превращается в главную цель мировоззрения. В тождество «я» и мира в виде атмана и брахмана надо верить и надо его чтить. Причем в таком тождестве, превращающем все в атмана, человек исчезает, места для личности не остается.

Мироздание

В Упанишадах мироздание – проявление как атмана, так и брахмана. Позднее последователи некоторых Упанишад будут учить, что мироздание – иллюзорно, что оно – майя, ибо существование его – призрачно, нереально.

Диалектика

Учение об атмане и брахмане как основе бытия в Упанишадах включает в себе значительные элементы диалектики, учения о единстве противоположностей. Например, «поистине этот Атман есть Брахман... состоящий из света и не-света, из желания и не-желания, из гнева и не-гнева, из дхармы и не-дхармы» (Бр. IV, 4), или: «Вот мой Атман в сердце, меньший, чем зерно риса... больший, чем земля» (Чх. III, 14). Это то, «меньше или больше, которого ничего нет» (Шв. III, 9). «Я – меньше малого, я больше – большего» (Кайвалья, 20), – говорит Шива о себе.

Метод

Знание в Упанишадах ценится высоко. В сфере ритуала, например, знание о жертве, т.е. аллегорическое ее осмысление, часто заменяет саму жертву. Возникает ритуал сосредоточенного размышления, указываются поза размышляющего, способ дыхания, местоположение человека и т.п. (Шв. II, 8).

Однако методология Упанишад, в которой преобладает всякого рода отождествление, – довольно примитивна. Отождествляется сплошь и рядом то, что, на наш взгляд, нуждается как раз в размежевании. Связываются воедино части Вселенной, детали жертвоприношения, органы человека и виды человеческой деятельности. Например, составные части удгитха, слова, означающего вид ритуального песнопения, – уд, ги, тха – последовательно отождествляются с элементами жизнедеятельности, т.е. с дыханием, речью и пищей, с «мирами» («трилока»), с небом, воздушным пространством и землей, с явлениями природы (солнце, ветер, огонь) и Ведами (Самаведа, Яджурведа, Ригведа). Об отождествлении жертвоприношения коня с творением Вселенной уже говорилось. Видели мы и отождествление брахмана, атмана, пуруши, я – главное отождествление Упанишад. Сам стиль Упанишад догматический, авторитарный. Познание часто заменяется почитанием.

Познание

Гносеология Упанишад подчинена учению о воплощенном и невоплощенном брахмане-атмане. Воплощенное мироздание постигается низшим знанием. Это – смрити, невоплощенное, атман-брахман как таковой, недоступен обычному восприятию, он постигается разумом (Бр. IV, 4; III, 4). Но и здесь о нем можно говорить лишь отрицательно. «Не [это], не [это]», – сказано в «Брихадараньяке» (III, 9). Положительное знание атмана-брахмана – плод особой йогической интуиции. «Вот правила для достижения этого [единства]: сдерживание дыхания, прекращение деятельности чувств, размышление, сосредоточенность, созерцательное исследование и полное слияние – это называется шестичастной йогой» (Мт. VI, 18). В Упанишадах подчеркивается то, что, если познан атман, то познано всё (Бр. IV, 5).

Философские течения индуистской мысли подразделяются на ортодоксальные – *астика* (основанные на ведических знаниях) и оппозиционных – *настика* (буддизм, джайнизм). К ортодоксальным школам относят: ньяя, вайшешика, санкхья, йога, миманса и веданта.

БУДДИЗМ

Наряду с ортодоксальными учениями ведической культуры – индуизма, в Индии развивалось два оппозиционных направления, одно – аскетического характера – буддизм, другое – гедонистического направления – локаята.

В настоящее время буддизм является одной из великих мировых

религий. В свое время буддизм принято было рассматривать как учение философского и этического характера. **Буддизм не предполагает веру в Бога, а лишь в учение Будды, не подразумевает и бессмертия души, он позволяет его adeptам верить лишь в то, в чем они могут сами убедиться на собственном трансцендентном опыте.** Основной целью, провозглашенной Сиддхартхой Гаутамой (Буддой), стало просветление, являющееся ничем иным, как видением истинной, сущностной природы вещей и явлений. Выросший в роскоши царевич Сиддхартха Гаутама (563 – 483 гг. до н.э.) впоследствии, Будда (в буквальном смысле: пробужденный, просветленный) выбрал путь крайнего аскетизма и поиска истины [1].

Суть учения Будды – Дхармы – заключена в четырех наставлениях-рецептах:

- Жизнь есть не что иное, как *дуккха* (страдание и неудовлетворенность).
- Причиной страдания является *танха* (привязанность к жизни как источнику страдания; иллюзорное отношение к реальности, когда желаемое выдается за действительное).
- С избавлением (*ниродха*) от привязанностей исчезает причина страданий.
- Во избежание привязанностей следует придерживаться срединного пути, называемого *маггой* (санскр. *марга*).

Буддизм пользуется определенным методом познания истины – восьмиричный путь – категории нравственно-этические, определенный образ жизни и духовной практики, придерживаясь которых буддист создает условия, необходимые для видения истинной природы вещей и, соответственно, для достижения поставленной цели. Сюда включаются: 1) праведное (или совершенное) понимание (вера); 2) праведное намерение (решимость); 3) праведная речь; 4) праведные дела; 5) праведная жизнь; 6) праведное усилие; 7) праведные мысли; 8) праведное созерцание.

Карма

Буддистской философии присуще слова «карма» (переводится как «действие»). Выбор человека определяет то, кем (чем) он становится. Соответственно, процесс «отработки прошлой кармы сопровождается творением новой.

Буддизм не признает застывших форм и неизменных понятий. Соответственно, будущее определяется благими намерениями или низкими деяниями в настоящем, обуславливающими кармическую предрасположенность. В этом смысле существование является условной категорией, с помощью которой определяется лишь конкретные качества.

Перевоплощение

МЕТЕМПСИХОЗ (реинкарнация) предполагает веру в наличие души, которая после смерти физической оболочки перевоплощается в другое тело. В представлении буддистов Вы сегодня тот, кем были вчера и кем станете

завтра. Все перемены, которые с Вами происходят, обусловлены Вашей кармой. После смерти кармический процесс не оканчивается, ибо Ваш сознательный выбор сегодня даст импульс тому, что произойдет завтра, даже в том случае, если Ваше земное существование прервется. Человек в будущем воплощении пожнет то, что посеял в нынешнем. В этом феноменальном мире человеку предстоит отрабатывать свои кармические долги. Круг перевоплощений в буддизме представлен 12 *ниданами* – звеньями [2, с. 105 – 106] .

Нирвана

Нирвана переводится как «угасание» или «тушение огня», однако это не означает конечной точки существования. Достигший нирваны гасит в себе тройственный огонь ненависти, зависти, невежества, ибо он исчерпал «запас топлива», т.е. источник пламени. ***Фактически нирвана является состоянием абсолютной любви, душевного благородства и вдохновения.***

Нирвана рассматривается как путь духовного становления, достигнув озаренного состояния, адепт называется мудрецом-архатом. Однако это не означает обретения единства с трансцендентным, отсюда в буддизме нет понятия Бога. Буддизм – безрелигиозная философия. Человек воспринимает мир через призму самосознания, поэтому, с точки зрения эгоцентризма, он обречен на страдания, жизнь – юдоль скорби. Личное освобождение от мирских причин страдания способствует невовлечению окружающих в порочный круг сансары [2, с. 106 – 108].

Самадхи

Религиозность буддизма основана не на вере в Бога, а на стремлении к духовному совершенствованию через истинное познание бытия и праведную жизнь. Духовная практика буддиста рассчитана не на чтение молитв для общения с антропоморфным божеством, а заключается в ряде специальных упражнений, рассчитанных на повышение чувствительности и восприимчивости. Основой медитации буддистов является самадхи – концентрация ума – *сати* или *смрити*. Это процесс внутренней мобилизации и полного осознания своего тела, ощущений, мыслей и образов. Медитируемый должен отказаться от собственного Я и сосредоточиться на объекте созерцания. Медитация – это искусство творческого осознания происходящего в настоящее время [2, с. 117 – 118].

Монашество

Благодаря монахам-подвижникам учение буддизма получило распространение по всей планете. Следуя индуистским традициям своего времени, Будда оставил семью и в поисках истины стал вести жизнь отшельника. Его первые последователи были отшельники-аскеты. Но в то же время его не следует рассматривать как единственный путь познания

фундаментальных основ Дхармы. Закон Дхармы един для мирян и отшельников, просто правила монашеского устава являются дополнением к наставлениям Будды и демонстрируют мирянам практическое применение законов Дхармы [2, с. 124 – 125].

ДЖАЙНИЗМ

Это учение основано на главном принципе – *ахимса* – не причинение вреда. Адепты этого учения видят спасение в победе над мирскими страстями, ограничивающими возможности сознания. Вероучители считаются *джинами* – победителями. Основоположником джайнизма считают Махавиру, который оставил своим ученикам в V – VI в. до н.э. 14 книг. ***Джайнизм отрицает святость Вед, осуждает жертвоприношения, допускает женщин к изучению священных текстов. В основе джайнизма находится представление о карме, космическом законе.*** Закон кармы можно победить. Для этого нужна правильная вера, соблюдение обрядов, воздержание, праведность, чистота, строгость к себе, невозмутимость, что дает возможность исправить карму при жизни путем ***аскетизма.***

Махавира принадлежал к числу неортодоксальных аскетов, немного был старше Будды, с которым много беседовал. Он тридцать лет вел отшельнический образ жизни и к 42 годам достиг просветления, стал Джином (победителем). Затем устроил бессрочную голодовку и скончался в местечке Пава, являющегося сейчас местом джайнистского паломничества.

Суть учения джайнизма в следующем.

«Центральными темами «Таттвартха-сутры» являются: не причинение вреда, отказ от категорических суждений и отказ от собственности. Первый принцип утверждает право на жизнь всех существ; второй – право каждого человека на самостоятельное суждение; третий – взаимозависимость всех форм жизни. Если вы почувствуете уникальность каждой души, то никогда не станете покушаться на ее существование. Если вы почувствуете, что каждый человек – это мыслящее существо, вы признаете его право на собственное мнение. Если вы почувствуете, что ничем и никем не обладаете, вы никогда не пожелаете мирового господства («Таттвартха-сутра», с. XVII).

Джайнизм основан на учении о дискретном, прерывном строении материи и различает ***четыре вида проявления микрочастиц (атомов): воздух, огонь, вода и земля.*** Атомарные образования этих первоэлементов объединены в *скандхи*, из которых формируются феноменальные объекты. Но миру присущи и духовные области: радость, печаль и жизнь как таковая – *джива*. Все сущее имеет душу: люди, животные, растения, камни, земля, ветер... Любое событие является одухотворенным. Материя и душа находятся в тесной, неразрывной связи. Высшим проявлением субстанции является *джива*, совершенная и бессмертная субстанция, которая одухотворяет небесные, человеческие и иные тела, включая простейшие формы жизни.

Итак, мы имеем дело со вселенной, в которой все находится во

взаимосвязи, находящейся в состоянии покоя и движения и воплощенной в одухотворенной материи, но по сути он вечен, несмотря на условность его земного проявления. ***В своей основе джайнизм атеистичен, вселенной управляет не Бог, а карма.***

Мораль джайнов допускает два аспекта монашеского служения, которые, хотя и не имеют прямого отношения к чисто философскому осмыслению этого учения, дают представление о фундаментальных основах джайнского мировоззрения: монашеский *нудизм* (обнаженность утверждает полную свободу от мирских привязанностей) и уход из жизни с помощью добровольной голодовки.

Современный джайнизм тесно связан с экологическим движением, исповедует философию ненасилия, сострадания и любви.

Библиографический список

1. Курбатов, В.И. История философии. Конспект / В.И. Курбатов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 448 с.
2. Томпсон, М. Восточная философия / М. Томпсон / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.6 ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 384 с.

3. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ

Древнекитайское государство – типичная иерархическая деспотия. Глава государства – наследный монарх, он же верховный жрец и главный землевладелец. В Китае не было сословия жрецов и отправление культов возглавлялось главами семейств, чиновниками, князьками и царями. Не существовало никакого закона, и стоящий на более низкой ступеньки социальной лестницы был полностью подчинен тому, кто стоит выше. Господствовали культы умерших, культы предков. Вся жизнь живых проходила под знаком постоянного отчета перед духами умерших предков.

Для мифологии Китая характерно представление о первоначальном состоянии мира как первобытном хаосе и двух противоположных упорядочивающих начал – небесного (Ян) и земного (Инь). Именно они упорядочили жизнь на Земле. В других мифах говорится о деятельности сверхъестественного предка человека – Пань-гу, зародившегося внутри космического яйца. Именно он раскалывает мир на небо и землю и учреждает первый порядок. Древнекитайская философия связана с древними книгами. Это – «Книга песен» (Ши-цзин), «Книга истории» (Шу-цзин), «Книга перемен» («И-цзин», «Книга обрядов» (Ли-цзин), летопись «Чунь-ци». Именно эти книги составляли знаменитое китайское «Пятикнижие» («У-цзин») – основу мировоззрения каждого образованного китайца.

Китайская философская мысль уходит глубокими корнями в древность. Мифология Китая свое происхождение предоставляет сыну Неба, прилетевшего к ним на огненном хвосте, и давшего название стране

«поднебесной», о чем можно найти доказательство в палеоархеологии. Китайское мифологическое мышление представляет мир дихотомично: небо и земля, инь и ян, материальное и идеальное. В ходе утверждения противоположности двух тенденций развивалось все больше *наивно-материалистическое представление о пяти первоосновах (металл, дерево, воды, огонь, земля), о пяти явлениях природы, в которых проявляются эти начала: дождь, солнечное сияние, жара, холод и ветер.* Тут же делается попытка найти причины неблагоприятности жизни человека, то самое зло, от которого он страдает. Этой причиной является неблагоприятное сочетание начал и явлений. От этих наивных представлений осуществляется переход к тому, что достойное поведение правителя, прозорливость чиновника, мудрость жреца – являются прямыми следствиями этой гармонии, а, соответственно, негативные качества, вызывающие экспансию зла на земле, – нарушителем гармонии. Отсюда следует главная рекомендация – всемерно своей жизнью поддерживать эту космическую гармонию, осуществляя разумное сочетание начал в пище, поведении, ритуале. Необходимо найти эту гармонию как естественный путь (дао). Между этими течениями велась напряженная борьба на протяжении почти трех столетий, связанная с крутыми переломами в истории древнекитайского общества.

Китайскую философскую школу можно охарактеризовать как сочетание гармонии и традиции, в которых черпается мудрость жизни, поэтому большая часть древнекитайского мышления связана с этико-политическими учениями. Среди основных предфилософских представлений Древнего Китая можно выделить следующие: конфуцианство, моизм, (моисты), даосизм [1].

КОНФУЦИАНСТВО

Имя китайского мыслителя Кун Фу-цзы (551 – 479 гг. до н.э.), является производным от почетного титула, которым его именовали – Фу-цзы (Мастер). В XVI в. миссионеры-иезуиты ввели в употребление латинскую форму – Конфуциус, и с тех пор учение стали именовать конфуцианство.

Конфуций стал основателем философской школы рю (цзю), это учение можно перевести как моралисты или ученые. Основным принцип построения совершенного общества Конфуций считал гуманность (чжен или рен), а также соблюдение обрядов и ритуалов (ли) и практическое воплощение нравственных норм в жизнь (ци).

Конфуций родился в аристократической, но обедневшей семье, поступает на гражданскую службу (мытарь – сборщик налогов), а затем становится министром юстиции в провинции Лю. Свою школу он организовал в 50 лет, у него было много учеников и последователей. Главное сочинение – «Лунь юй» («Беседы и суждения»). Небо для него – высшая сила; оно следит за справедливостью на Земле. Все зависит от воли неба. Небо – это рок, судьба, закон, дао. В общественной жизни – культ предков; веди себя достойно, уважай старших, совершенствуйся сам. Не обманывай, не срывай гнев на

других. Эти простые рекомендации – традиционны для китайских верований.

Этика конфуцианства основывается на принципе «золотой середины», на единственно правильном пути, состоящим в том, что для того, чтобы жить в согласии с другими людьми, нужно, прежде всего, найти согласие с собой. Это – середина между несдержанностью и осторожностью, смелостью и трусостью, жадностью и бескорыстием.

Опираясь на формирующийся образ идеального человека и правителя, предлагая методы гуманизма в решении множества проблем, он не находит признания у правителя и отправляется в добровольное изгнание вместе с учениками, которое длится 13 лет. Он искал в других провинциях Китая идеального, благородного человека, но не нашел. Затем он был приглашен обратно в свою провинцию на положение главного идеолога, но Конфуций согласился только с должностью учителя, в созданной им школе [2].

Придерживаясь традиционных мифологических взглядов, согласно которым небо, как верховное божество, диктует свою волю человеку, Конфуций утверждал, что «жизнь человека зависит от судьбы, а богатство и знатность происходят от неба». Духовной целью человечества Конфуций называл тянь (небеса); правитель именовался тяньцзы (сын неба), ибо его основной обязанностью было поддержание миропорядка. Учение о личных достоинствах и общественном идеальном устройстве общества Конфуций считал небесным, так как оно провозглашало стремление человека к гармонии со вселенной. Человек должен осознавать свою цель и воплощать ее в жизнь. Благо общества Конфуций видел в проявлении добронравия, которое, по его мнению, следовало воспитывать в людях на основе традиционных семейных ценностей. Сыновняя почтительность и отеческая забота являются основой гуманности.

Людей Конфуций делил на три категории:

- шень-рен – мудрец; тот, который учит и воплощает мудрость;
- цзюнь-цзы – благородный человек; тот, который в делах следует истине;
- сяо-рен – «маленький человек»; тот, который живет, не опираясь на моральные ценности [1].

Главное в учении Конфуция – проблема воспитания. Он говорил: «Все люди близки друг к другу по своей природе, а расходятся между собой в ходе воспитания»; «для того, чтобы познать новое, необходимо изучать старое»; «учение без размышления бесполезно, а размышление без учения – пустое дело» [2].

Процесс мышления, по Конфуцию, связан с культурными и историческими аспектами и подразумевает процесс познания. Образование облагораживает личностные качества и делает человека более терпимым, позволяя избежать крайностей. В руках же невежды положительные качества могут стать оружием разрушения. Все должно быть направлено на общественное благо, которое, в основном, можно создать только при благородном правителе, распространившем это благо на весь народ. У человека общества должны быть «чистые руки» и общественное служение, а не личная выгода.

Конфуций приветствовал трудолюбие, любезность по отношению к

другим людям, образованность. Его учение конструктивно и практично, применяющееся и в настоящее время в китайской системе воспитания и в общественном мировоззрении, несмотря на то, что конфуцианство становится формой религии китайской цивилизации.

Видным последователем Конфуция становится Мэн-цзы (372 – 289 гг. до н.э.). Согласно его учению, человеческая жизнь зависит от «небесной воли», которую проводит мудрый, благородный государь – «сын неба». От рождения человек добр, ему присуще четыре главных качества: чувство сострадания, чувство стыда, скромность и умение различать истину от лжи. Но, вследствие испорченного влияния общества эти качества трансформируются. Он даже выдвинул теорию врожденных знаний, которые заложены в человеке божественным «необъятным духом»; человек должен полностью раскрыть эти знания, чтобы у самого себя найти ответы на все вопросы жизни, установить причины своих неудач и бед, не возмущаясь несправедливостью в обществе и не питая ненависти к тем, кто его притесняет.

МОИЗМ

Против конфуцианства выступил Мо Ди (Мо-дзы) (479 – 376 гг. до н.э.). Он выступил против социальных и моральных аспектов учения на том основании, что семейные ценности не могут служить универсальным принципом человеческого добронравия, ибо клановая система являлась источником зла, поэтому предлагает принципы уважения и всеобщей любви (цзань-ай). Мо-дзы предлагал людям избегать поступков, которые наносят вред окружающим. Он был сторонником правила «золотой середины», в соответствии с которым человек должен «возлюбить ближнего как самого себя». Выше всего он ставил общественное благо, ради которого человек должен не считаться с классовыми отношениями и помогать ближним вне зависимости от социального статуса. Он верил, что хорошим правителем может стать тот человек, который понимает нужды простых людей. В жизни он призывал всех к умеренности и бережливости, всячески критикуя неоправданные излишества и траты, связанные, например, с пышными ритуальными обрядами.

Мо-дзы критиковал Конфуция за неверие в богов, за приверженность к пышным традиционным ритуальным церемониям, как бесцельной трате денег. Классовое устройство общества тормозит его развитию. Общество должно строиться по принципу здравого смысла. Высшим началом Мо-дзы считал космический порядок. Критерием поступка он считал пользу, в самом общем смысле этого слова. Поэтому, общественное положение человека должны определять его личностные качества и достоинства, а не социальное происхождение. Принципом общественного устройства должны стать принципы всеобщего блага. Это стало главным принципом учения последователей Мо-дзы (их называли моисты). Моисты проповедовали простую жизнь и были яростными противниками войны и агрессивных

действий.

Моисты стояли на эпистемологическом принципе познания, поэтому выделяли три правила познания:

- поинтересоваться источником информации;
- изучить область применения этой информации;
- проверить истинность данных на практике.

Философский подход Мо-дзы представляет собой классическую форму восточного мышления, который не проводил границы между гносеологией, метафизикой и моралью. Концептуальное понимание реальности зависит от способа ее восприятия и практической проверки. Таким образом, любое утверждение соотносимо с практической и социальной сферами. Если Конфуций верил в предназначение, в судьбу человека, то Мо-дзы это отрицал, считая, что вера в судьбу делает человека ленивым, лишает его инициативы, и свободы выбора жизненных ориентиров. Он отстаивал в воспитании систему поощрения и наказания, чтобы люди четко понимали свои права и обязанности.

ДАОСИЗМ

Конфуцианство и даосизм вполне могли претендовать на роль зрелых философских традиций. Оба учения со временем претерпели существенную концептуальную трансформацию.

С проникновением в Китай буддизма из Индии национальная философия получила новый импульс к развитию. Буддизм был адаптирован к особенностям китайской культуры и в свою очередь оказал влияние на традиционные философские идеи. В результате возникла эклектическая традиция, впитавшая концепции трех школ: конфуцианства, даосизма и буддизма.

Даосизм принципиально отличается от конфуцианства тем, что основан на личностном постижении и не имеет социальной составляющей. Характерной чертой у китайского национального мышления является способность использовать оба учения и применять их на практике в зависимости от жизненной ситуации. В рамках личной жизни китаец исповедует даосизм, но когда дела касаются общественных норм поведения, он становится конфуцианцем. Столкнувшись с неприятностями и жизненными невзгодами, китаец обращается к буддизму махаямы. В национальном сознании границы между учениями размыты, и мудрость каждой из трех традиций находит подтверждение в повседневной жизни.

Сами по себе традиции не требуют от своих приверженцев абсолютной лояльности, и китайцы исповедуют некий сплав философских идей, которые они воплощают в жизнь в соответствии со своими нуждами и применительно к конкретным обстоятельствам.

Основателем даосизма, если таковой был в действительности, был Лао-дзы. Лао-дзы (китайский иероглиф «цзы» переводится как «ребенок» и «философ»), поэтому в легендах о том, что женщина была долго беременной

потому и родила «старого ребенка»). «Старый мастер или философ» скорее почетный титул, чем имя. Его принято считать старшим современником Конфуция, но не исключено, что он жил в более раннюю историческую эпоху. Ему приписывают труд «Дао дэ цзин», предусматривающий различные высказывания, одни из которых могли принадлежать и Лао-цзы, а другие – его ученикам. Таким образом, его имя, скорее всего, олицетворяет сборник сгруппированных афоризмов, а не конкретный исторический персонаж.

Название трактата можно определить следующим образом:

– Дао – Путь (вещей);

– дэ – эманация (проявление) Дао;

– **цзин – сущность**, но в данном контексте авторитарность, принадлежность к классическим писаниям.

Название канонического даосского писания можно перевести как «Книга о Пути и его проявлениях».

Дао. Основная идея Лао-дзы (VI – V вв. до н.э.) – жизнь природы и людей не управляется волей богов и «небес», а протекает по определенному естественному пути – Дао. **Дао означает путь постижения законов природы, ее закономерностей. Учение призывает жить по естественным законам, в соответствии с Дао, универсальным гармонизирующим принципом.**

Перед тем как рассматривать личностные аспекты постижения Дао, есть смысл упомянуть о даосской космологии, где дао выступает как первопричина и источник творения.

Здесь Дао выступает как абсолютная, не поддающаяся описанию категория, извечный вселенский принцип. В начале «Дао дэ цзин» сказано: «Дао, о котором можно говорить, не есть истинное Дао».

Глава 42 трактата определяет последовательность творения: «Дао рождает одно, одно рождает двух, два рождает трех, трое рождает все вещи. Все вещи содержат *инь* и несут *ян*, которые взаимодействуют в не иссякающем потоке энергии *ци*».

О Дао упоминается как о «начале и матери десяти тысяч вещей», то есть сущностной основе бытия. Проявления дао спонтанны и осуществляются без усилий; порождая жизнь, Дао не владеет объектами творения. Оно само воплощение естественного процесса, ничем не ограниченного, но производящего непрерывный ряд заурядных, сущностно ограниченных вещей.

Нередко Дао сравнивают с водой, следоват дао естественно и без сопротивления, значит отдаться потоку реки жизни.

Лао-цзы сравнивает Дао с кузнечными мехами, которые изначально пусты, но в процессе работы обеспечивают постоянный ток воздуха, они обеспечивают подачу воздуха.

Дао не есть *бытие*, не *не-бытие*. Это то, что является первопричиной. Это – пустота, Дао универсально, всепроникающее и не поддается разрушению.

С точки зрения метафизики, Дао – это безмолвный источник,

порождающий все сущее, и одновременно конечная цель любого проявления. Оно не обладает фиксированной субстанциональной основой, но лишь обеспечивает проявление и угасание существования. Согласно даосской концепции философии, движению предшествует отдых, а действию – состояние покоя. Дао является основой любого процесса, Само по себе оно неподвижно, но является началом любого движения. В этом смысле дао означает абсолютную естественность.

Дэ. Дао непознаваемо, но вездесуще. То, о чем можно говорить, называется *дэ* (проявленная мощь). Это понятие демонстрирует Дао в действии, проявляет его потенциальную энергию в объектах творения.

Для даоса это утверждение имеет скорее практический смысл, а не метафизическую констанцию онтологических особенностей мироздания. Если субъект и объект следуют Дао (иными словами, действуют естественным принципам), их наполняет энергия (*дэ*). Дао подобно потоку, силу потока которого представляет *дэ*.

Ци и *мин*. Слово *ци* означает дыхание и соответствует духу, энергии или жизненной силе, заключенной во всем сущем. *Ци* рассматривается как движущая сила вселенной.

Идеальным состоянием, главной целью даоса является слияние с дао, источником, дарующим абсолютное удовлетворение и изначальную естественность. «Постигший» более не вступает в бессмысленную борьбу за существование и не ставит перед собой ложных целей. Такое совершенное существование называется *мин* (просветление); состояние подразумевает осознание извечного закона (*чан*), неизменного, но вызывающего процесс перемен и контролирующего его действие в проявленном мире.

Процесс перемен и Дао.

Все сущее находится в непрерывном процессе изменения, сбалансированного Дао. Китайские философы считали, что абсолютная категория не может быть застывшей, а представляет изменчивое начало. Есть древнекитайский трактат «Ицзин» (*и* означает изменение, а *цзин* – **авторитетное писание**, либо *руководство*). Таким образом «Книга перемен» рассматривается как руководство по гаданию, то есть толкованию и предсказанию событий и принятию соответствующих решений на основе сделанных прогнозов. Пользование книгой предусматривает индивидуальный подход, и, так же как при составлении натальной карты (гороскопа), человек должен проявить элемент интуитивного видения.

Подобно буддистам, даосы уверены в непостоянстве, переменчивости мироздания. Неизменным остается лишь извечный принцип или закон (*чан*), управляющий процессом перемен. В жизни нет ничего более постоянного, чем перемены. В мире, где все меняется, возникает искушение определить некую постоянную величину, стоящую над событиями. Однако как только такое событие случается, человек утрачивает способность к объективной оценке настоящего момента и пытается интерпретировать события в рамках

прошлого (исходной посылки) или будущего (последствия). Поэтому как буддизм, так и даосизм предлагают сосредоточиться исключительно на настоящем моменте времени. Чжуан-цзы (в 14-й главе книги, названной его именем) говорит следующее: «Если люди пойдут по древнему пути, они смогут контролировать текущий момент».

Мир таков, какой он есть, и если существует совершенство, то оно вокруг нас, но не в нашем воображении. Исходя из этого, следует, что любая попытка изменить мир является посягательством на его совершенство, обнаружить которое можно лишь находясь в состоянии естественного покоя. Возврат к совершенству – это движение от неестественного в сторону естественного. Врагом совершенства будет все неестественное, включая насильственные, предумышленные и социально предписанные действия.

Инь – Ян

Учение об инь и ян можно считать самостоятельной философской школой, оно уходит глубокими корнями в глубину веков, и обязано своим происхождением Цзоу Яню, жившему в IV в. до н.э.

Инь (темное, женское) и ян (светлое, мужское) олицетворяют два типа вселенских сил, воплощенных в пяти элементах, которые в свою очередь составляют суть проявленного мира. Так же Дао устанавливает равновесие, инь и ян, нуждаются в нем. Подобно солнечной и теневой сторонам горы (именно этот образ лег в основу терминологического оформления концепции), инь и ян нераздельны и дополняют друг друга. Жизнь не может быть окрашена только в темные цвета и наоборот; думать иначе – значит проявлять безрассудство. Все вещи характеризуются наличием как мужского, так и женского начала, проявлением как темных, так и светлых сил, причем женское начало обязательно содержит элемент мужского, и наоборот. Исходя из этого, *мудрец видит двойственность всего сущего и живет в гармонии этой данности.* Именно такой подход позволяет жить счастливо и независимо от черных и светлых полос в судьбе человека.

Существует еще один важный аспект проявления баланса инь-ян: инь представляет пассивное начало, покой и рефлексивность; ян демонстрирует активность и созидательную мощь. Даосы считали, что в жизни человека должны чередоваться периоды активности и созерцательного покоя. В противном случае деятельность его будет не так эффективна. Когда что либо достигает своего предела, начинается движение в противоположном направлении. Следовательно, можно говорить о непрерывном и циклическом процессе смены периодов активности состоянием покоя и наоборот.

Личность человека также отражает аспекты инь и ян. Вне зависимости от половой принадлежности человек имеет как женские, так и мужские качества. Противостояние инь и ян инициирует процесс перемен и в принципе неразрешимо. Противоположность человеческой природы отражает *всеобщий принцип двойственности природы человека.*

Даосы считают, что личность человека не может быть идентифицирована

как постоянная величина, ибо человек становится таким, каким его творит непрерывный процесс перемен. Трансформация является основным качеством личности.

Вместо ссудного дня даосы предполагают осознание извечного принципа животворящей жизненной силы *ци*, стоящей над дуализмом инь и яни, в свою очередь, порожденной созидательным всеобщим началом Дао. Мистическое постижение Дао позволяет увидеть процесс перемен в целом, но не способно его остановить [4, с. 264 – 268].

Даосизм развивался в двух направлениях: философском и религиозном. Становление даосизма как религии началось со II в. н.э. и связано с появлением обрядов, храмов и жрецов. Поиски бессмертия (начиная с императора Шинь Хуан Цзы) развили целительство (акупунктурность), поиски воды и корня молодости (женьшень...). Но больше всего интерес был к *внутренней алхимии*, основанной на особой технике дыхания, к обретению магических сил, вплоть до способности летать (шаолиньские монахи) [3].

Даосы считают, что информация о вселенной заложена в каждом человеке. На этот уровень восприятия адепты выходят при помощи медитации. Таким образом, следовать Дао не означает делать что-то противное человеческой природе или перестать ощущать себя как личность. *Истинная природа человека раскрывается по достижении единения с космосом, когда личность начинает ощущать гармонию сфер.* Даосская медитация не ставит целью умиротворение человека, в смысле освобождения от дальнейших перемен. Напротив, эта техника развивает в человеке способность и готовность к естественным переменам.

Фэн-шуй

В то время как медитация гармонизирует внутренние ресурсы человека, фэн-шуй представляет собой искусство жить в гармонии с миром при помощи внешних средств. Фэн-шуй переводится как *ветер и вода*, то есть обозначает природные стихии, формирующие ландшафт. Искусство связано с *ци* (жизненной силой) в среде обитания. Мастер фэн-шуй знает, как обустроить окружающую среду наилучшим образом, т.е. так, чтобы обеспечить оптимальный поток *ци*.

Для обеспечения гармонического потока энергии имеют значения архитектурные особенности строения, его ориентация на местности и даже интерьер. Отдельные помещения должны располагаться в соответствии с потребностями и аспектами жизни живущих в доме людей. Консультант по фэн-шуй может посоветовать, как сделать жилище уютным и пригодным для гармонической жизни. С позиций базовых философских понятий можно сказать, что *фэн-шуй доводит искусственно созданные вещи и внешний аспект жизни до совершенства, используя знание законов природы.* Гармонично построенный и правильно расположенный дом будет выглядеть привлекательно и обеспечит поток сбалансированной энергии [4, с. 272 – 277].

Китайское мышление сформировалось под влиянием многих философско-религиозных течений.

С приходом в страну буддистских проповедников национальное мышление сформировало три течения – *даосизм, конфуцианство и буддизм*. При этом наблюдалось взаимное проникновение идей и религиозных взглядов. Нельзя отрицать того, что даосизм дополнил конфуцианство. Конфуцианство продолжало и продолжает играть роль общественного сознания, развивало теории социального и структурного устройства государства. Даосизм же разрабатывал и разрабатывает концепции личной жизни и гармонию с процессом перемен. Первичная идея гармонизации личности оказала определенное влияние на формирование вторичных социальных и культурных аспектов учения и мировоззрения китайцев.

За последние две тысячи лет три религиозно-философских учений сформировали *уникальную эклектическую традицию*, в процессе становления которой происходило взаимное проникновение и обогащение идей.

Библиографический список

1. Антология мировой философии в четырех томах. – М.: Мысль, 1969. – Т. 1. Ч. 1. – 575 с.
2. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. – М.: Мысль, 1973. – Т. 1. – 380 с.
3. Джеймс, П. Тайны древних цивилизаций. Энциклопедия. Последние достижения самых интригующих тайн прошлого // П. Джеймс, Н. Торн. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001, – 624 с.
4. Томсон, М. Восточная философия / М. Томсон. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 379 с.

4. ФИЛОСОФИЯ. ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Если можно очертить временные границы существования древнеегипетской цивилизации, то неизмеримо труднее определить рамки древнеегипетской культуры. Специфические черты ее формировались и до образования египетского государства, возникшего ранее воцарения I династии, и продолжали существовать после утраты Египтом независимости, во времена владычества Лагидов, в римско-византийский период. 394 годом н.э. датируется последняя иероглифическая надпись. В восприятии, последующих поколений египетская иероглифика становится лишь языком мистических символов. В V в. н.э. исчезает демотическое письмо. В 535 г. н.э., при Юстиниане, прекратил свое существование храм Исиды на острове Филэ – последний оплот древнеегипетского язычества. Египет древний превратился в миф. В конце XIX в. стал мертвым языком коптский –

наследник древнеегипетского языка, удержавшийся ныне только в богослужении коптов (бохайрский диалект). Закат цивилизации Древнего Египта не означал бесследного исчезновения культуры его народа. Трансформируясь и переплавляясь в иные формы, многие ее элементы смогли сохраниться до наших дней, став одним из важнейших компонентов не только культуры современного Египта, но и культуры мировой [1]. Истоки египетской культуры теряются в глубокой древности. Обнаруженная в 1894-1895 гг. английскими учеными Фл. Питри и Дж. Квибеллом в Верхнем Египте (Нагада) доисторическая культура Египта была на первый взгляд настолько не схожа с культурой фараоновских времен, что ее поспешили объявить неегипетской. Так было положено начало последующим многочисленным теориям иноземного происхождения цивилизации Египта, объяснявшим любые изменения в египетской культуре миграциями или влияниями извне. Дальнейшее исследование первобытных культур Египта поставило вопрос об автохтонных, африканских корнях египетской цивилизации. При этом большое значение придавалось связям этих культур с сахарско-суданским культурным ареалом.

Африканская по происхождению древнеегипетская культура не сразу обрела свое лицо. Только по мере приближения к династическому Египту этническое и культурное своеобразие жителей долины Нила проявляется все более заметно.

С постепенным переходом к ирригационному земледелию и скотоводству и с отступлением охоты на второй план поселения в долине Нила становятся более постоянными и долговременными, этнический состав – более стабильным. Хозяйственная и этническая стабильность – одно из важнейших условий вызревания прочной культурной традиции, которая в соответствующих условиях дала тот неожиданный «взрыв», благодаря которому Египет переступил грань доистории. Только многовековое накопление элементов египетской цивилизации – в сфере материальной (постепенный переход к изготовлению медных орудий, совершенствование системы ирригационного земледелия, развитие скотоводства, ремесла, обмена), в сфере социальной (возникновение имущественной дифференциации и социальной иерархии, появление городского населения), в сфере духовной (развитие заупокойных представлений, культа обожествленного правителя, солярного культа, сложение специфически египетских черт искусства) – и, наконец, появление иероглифического письма, восходящего к пиктографии, позволили египетской культуре проявить свой характер, уже не столько африканский, сколько именно египетский, и эта кристаллизация приходится на сравнительно небольшой отрезок истории – конец додинастического («протодинастического») периода (3300-3000 гг. до н.э.) и Раннее царство – время возникновения в сложения единого египетского государства.

Именно в этот период, унаследовавший многое от более ранних эпох: каменные орудия, культурную обособленность составляющих Египет областей с их пестрым сонмом богов, магию, почитание животных, растений,

сакральных предметов и т.д., выявляется целый ряд особенностей египетской культуры, которые сохраняются до конца эпохи фараонов. И одной из наиболее ярких ее черт стало причудливое сочетание «первобытности» со сложным и зрелым мировосприятием, отличающим высокоразвитую цивилизацию [1].

Тогда же возникают все виды знаков египетского письма, складывается система счета, появляется первый свиток папируса и, возможно, делаются первые попытки мумификации, оформляется строгий канон египетского искусства, столь ему свойственный впоследствии, начинают возводиться монументальные сооружения – гробницы-мастабы – и создаются первые характерно статичные статуи официальных лиц.

В «протодинастический» период уже закладывается восходящий к более отдаленному времени свойственный Египту дуализм государственности, в основе которого, согласно наиболее распространенной точке зрения, – сосуществование двух царств – Юга и Севера – до их объединения Югом, а также своеобразие экономическое, географическое и, возможно, культурное и этническое. В эпоху Раннего царства формируются характерные черты сакральной египетской монархии, где царь, божественный «владыка Обеих Земель», носитель двойной короны Египта, предстает как воплощение бога Хора. Тогда же впервые складывается царская титулатура из четырех имен: «имя Хора», связанное с представлениями о Ка – божественном образе царя; «имя Обеих Владычиц» – богини Юга Нехбет и Севера – Уаджит, олицетворенных в двойной красно-белой египетской короне; «золотое имя», символизировавшее божественную плоть царя; титул царя Верхнего и Нижнего Египта, предшествующий его личному имени. Возводятся первые дворцы и храмы, появляются антропоморфные боги, и *Хор становится великим богом-покровителем единого египетского царства* [3].

За несколько столетий, отделяющих эпоху Древнего царства от времени возникновения в долине Нила двуединого государства, египетская культура не только успела приобрести свой неповторимый облик, но и неизмеримо возвысилась среди родственных ей культур соседних африканских народов.

От первых незамысловатых полунанписей-полурисунков, запечатленных на булаве царя Скорпиона или на знаменитой Палетке «Нармера» – своеобразных царских манифестах, где само изображение царя, повергающего жалкого врага, красноречивее всяких слов, и от первых лаконичных надписей с царскими титулами – до пространных и обстоятельных декретов царей; от первых упоминаний имени усопшего и предназначенных для него жертвенных даров – до развернутых биографических надписей вельмож и сложных религиозных текстов, в которых запечатлена работа мысли ряда жреческих школ («Тексты пирамид», «Мемфисский богословский трактат»); от первых кирпичных мастаб – к величественным каменным сооружениям: пирамиде Джосера, огромному надгробию в Медуме, Красной и Надломленной пирамидам Снофру в Дашуре и от них – к классическим пирамидам в Гизе царей IV династии Хуфу, Хафра и Менкаура; от скромных архаических святилищ

богов – к храмовым комплексам V династии, посвященным Солнцу, с открытыми дворами и молельнями, со стройными каменными обелисками – символами восходящего светила; от первых схематических изображений на палетках, стелах и ремесленных изделиях – до многосюжетных высокохудожественных композиций на стенах гробниц Ти, Мерерука в Саккара (V, VI династии); от несовершенных и условных первых культовых статуй умершего до полного неповторимого, сугубо египетского своеобразия статуй-портретов царевича Рахотепа и его жены Нофрет, Луврского писца, вельмож Хемиуна и Каа-пера («Сельский староста») и символических царских портретов (Менкаура с богинями, Хафра, осененный Хором, огромный каменный Сфинкс) – таковы лишь некоторые вехи эволюции египетской культуры в течение нескольких долгих веков [2].

Этой эволюции сопутствовали значительные внутренние изменения, выдвинувшие Египет в ряд великих древневосточных цивилизаций. Эпоха Древнего царства воспринималась самими египтянами как время могущественных царей и несравненных великих мудрецов: полубога Имхотепа и Джедефхора, Кагемни и Птаххотепа. *Это – как золотой век египетской культуры.*

Свою цивилизацию египтяне изначально считали созданной богами. Согласно хронологии Манефона, основанной на священных текстах, до земных царей Египтом правили боги, затем – полубоги в «Мемфисском богословском трактате», творении жрецов Птаха, восходящем к эпохе Древнего царства, сказано: «Умиротворился Птах, создав все вещи и божественные слова. Он породил богов, создал города, основал номы, поместил богов в их святилища, учредил их жертвоприношения, основал их храмы, сотворил их тела ради умиротворения их сердец» [3].

Существование государства не мыслилось египтянами без Маат – божественного Порядка и Истины. Боги-творцы уничтожают изначальный хаос, и в созданном ими человеческом обществе выступают в роли восстановителей всеобщей гармонии Маат. Подобно богам, царь также должен стремиться «утвердить Маат на месте беспорядка» («Тексты пирамид»).

Порядок часто понимался как правопорядок, справедливость; боги и цари – как владыки и учредители законов. Не случайно египетские визири, начиная с эпохи Древнего царства, выступают в роли жрецов истины, что соответствовало их судейским обязанностям. Понятие «Маат» становится центральным в египетской этике. Одно из древнейших известных нам поучений – «Премудрость Птаххотепа» (V династия) – провозглашает Маат принципом, на котором строятся правильные человеческие взаимоотношения: «Велика справедливость, и превосходство (ее) непоколебимо. Неизменна (она) со времен Осириса, и карают преступающего законы» [3].

Боги для древних египтян – не только творцы городов, номов, правителей, собственного культа, порядка и закона, но и создатели ремесел и искусств, письма и счета, науки и магии. Иероглифическое, т.е. священное, письмо

понималось как «слово бога», и важнейшая роль здесь принадлежала богу мудрости Тоту – Владыке слова бога, создателю письменности, покровителю литературы и писцов. Его называли также Владыкой счета и Исчислителем лет, он был покровителем лекарей и магов. Ему приписывали силу даровать жизнь богам и людям с помощью магических заклинаний. Согласно преданию, некоторые важнейшие ритуально-магические тексты были найдены у подножия статуи этого бога в Гермополе (древнеегипетском Шмуну) еще в эпоху Древнего царства. С Тотом часто ассоциировались богини Маат и Сешат, ведавшая счетом, письмом, составлением летописей и строительством.

Патрон древнейшего центра египетского художественного творчества Птах считался творцом искусств и ремесел.

Роль храмов в духовной жизни эпохи Древнего царства, несомненно, была велика. Уже тогда, вероятно, в тесной связи с ними возникали особые скриптории – «дома жизни», где составлялись религиозно-магические, литературные, медицинские и другие тексты. Здесь находились библиотеки, архивы, велись записи по годам правления царей, на основе которых составляли летописи. Игравшие важнейшую роль в сохранении и передаче письменной культуры «дома жизни», согласно египетской традиции, были созданы богами или пользовались их особым покровительством.

Максимальное единство сакральной культуры Древнего царства, по-видимому, приходится на время правления царей III-IV династий, период наивысшей централизации государства, внешним выражением которой *явилось строительство пирамид.*

Сооружение этих гигантских усыпальниц – яркое свидетельство того, сколь велика была в Египте вера в особую божественную силу царя, распространявшуюся на подданных и после его смерти. Бог Благой (или Добрый) при жизни, бог Великий посмертно, так *царь являлся средоточием религиозной жизни, и от его земного благополучия и загробного блаженства, по представлениям египтян, зависела судьба страны.*

На закате египетской цивилизации великие пирамиды вызывали у греков и римлян не только восхищение как создания человеческих рук, одно из семи чудес света [4], но и чувство негодования (усвоенное европейской традицией вплоть до французских просветителей), ибо воспринимались они и как символы жестокости и деспотизма царей, обрекших народ на неисчислимые страдания. Вполне вероятно, что в результате этого непомерного строительства могла быть пробита брешь в абсолютной вере египтян в авторитет обожествленных правителей. Царям пришлось изыскивать иные средства и для обеспечения своего посмертного существования, и для укрепления несколько поколебавшегося земного основания их власти. Размеры пирамид со временем уменьшаются. В конце V династии в пирамиде царя Унаса впервые высекаются формулы царского заупокойного ритуала и связанных с ним представлений – «Тексты пирамид», пронизанные идеей бессмертия и могущества царя, полагающегося теперь на вечность слова, запечатленного в камне.

Центральное место в «Текстах пирамид» занимает гелиопольская теология, которая ко времени воцарения V династии стала общегосударственной и тесно срослась с сакрализованным культом царя. О значимости почитания Солнца (Ра), в связи с обожествленной царской особой этого периода, можно судить по тому, какое место отводилось имени Ра и связанным с ним представлениям в титулатуре и именах царей. Уже в «золотом имени» Джосера понятия «золото» и «Солнце» слились в нерасторжимом единстве («Солнце в золоте»). Сын Хуфу – Джедефра величает себя «сыном Ра» [4].

Таким образом, «солнечное имя» вторгается в царскую титулатуру, окончательно придав ей вид пятичленного имени. Если раньше «Ра» лишь изредка встречалось в составе царских имен, то со времени преемников Хуфу это – постоянное явление. О первых трех царях V династии сохранилось предание как о «детях Ра, владыки Сахебу», рожденных женой жреца Ра (папирус Весткар) [3].

С периода VI династии все более заметной в религиозной жизни страны становится роль Абидоса, на многие века прославившего важнейшим культовым центром Египта, где почитался Осирис. Отныне здесь стремятся построить себе гробницу или поставить поминальную плиту, приобщившись, таким образом, благодати бога. Во владениях Осириса в Абидосе соорудил себе усыпальницу и знаменитый своими многочисленными путешествиями в далекие страны сановник Уна, дабы быть «чтимым Осирисом». С этим богом, умершим и затем возрожденным к новой жизни, соединялись надежды на бессмертие. «Если жив он (Осирис), будет жить и (царь) Унас; если не умер он (Осирис), не умрет и Унас», – говорится в «Текстах пирамид» [3].

Из более поздних заупокойных текстов Осирис известен как царь загробного мира, вершитель посмертной судьбы каждого египтянина на суде богов. С образом Осириса связывались понятия о справедливости еще в период V династии. Тогда же заметным становится рост этического элемента в общем контексте религиозной культуры Египта. Поступки и заслуги в земной жизни, как свидетельствуют «идеальные» биографии вельмож периода V – VI династий, уже могут оцениваться как угодные царю и богам и в этом мире, и в загробной жизни. В гробничных надписях появляются уверения в том, что умерший был «любим своим отцом и хвалим своей матерью», что он подавал хлеб и одежды нуждающемуся. «Я – тот, кто говорит благое и сообщает желаемое. Никогда не говорил я дурного властелину против каких-либо людей, ибо хотел я, чтобы было мне хорошо пред Богом Великим», – повествуют о себе вельможи Хуфхор и Пепинахт.

В период создания единого государства упорядочиваются культы многочисленных богов Египта и связанные с ними религиозно-мифологические представления. *Идея единовластия привела к возвышению культов богов крупнейших религиозных и политических центров, вокруг которых формировались основные теологические концепции; гелиопольская, мемфисская, гермопольская.*

Взаимодействие различных жреческих школ на ранних этапах египетского государства было, видимо, интенсивным. Тексты из пирамиды царя Унаса запечатлели не только слияние осирийского мифа и гермопольских жреческих построений с гелиопольской теологией, но и соединение в одной системе богов гермопольского учения и богов фиванских, еще не игравших тогда заметной роли в религиозной жизни страны.

Истоки солярного монотеизма, столь характерного для египетской религии, также, вероятно, следует искать в довольно раннем периоде. По крайней мере, в эпоху V династии Ра в «Текстах пирамид» уже фигурирует как единый бог в разных ипостасях – Ра-Атум, Атум-Хепра-Ра, Ра-Хорахте и т.д. На фоне преобладающего, на всем протяжении египетской истории, политеизма – наследия ранних эпох – возникают такие сложные теологические концепции, как, например, мемфисская, свидетельствующая об особой глубине ума, сумевшего подняться над путаницей политеистических представлений, восприняв всех богов как эманации единого Птаха, создавшего мир силой своего слова, замысленного «сердцем».

«Что станется с, этой страной, когда скроется солнце и не будет больше сиять, дабы могли видеть люди? Не будут жить, сокрытые тучами, и все оцепенеет, лишившись его... Обмелеет река Египта, и смогут пересечь воды вброд... Южный ветер одолеет северный, и не будет в небесах ни единого дуновения... Придут враги с Востока, спустятся азиаты в Египет... И будет страна в смятении, не зная, что станется с ней... Я покажу тебе сына врагом, в брата недругом, и человека, убивающего своего отца. Все уста будут молить о сострадании, но исчезнет все благое, и погибнет страна...» [3, с. 146].

Этот образ бедствия, воспринимаемого как конец мира, – реминисценция небывалого мятежа, завершившего эпоху Древнего царства. Его описание вкладывается в уста великого мудреца древности Неферти как пророчество царю Снофру, во время которого еще ничто не предвещало грядущих испытаний. Подобная картина, но уже не как обобщенное, схематизированное пророчество, а как потрясающий своей исторической достоверностью документ, сохранилась в знаменитых «Речениях Ипувера», несомненно, очевидца междоусобицы, который тяжело переживает упадок страны и торжество простолудинов над знатью и царем.

«Маат изгнана, в Зале Совета – ложь. Нарушены предназначения богов, и пренебрегают их заповедями. Страна пребывает в бедствии, Повсюду стенания. Города и области в скорби. Всякое лицо подобно (другому) во зле, и нет (более) почтительности. Нарушен покой (даже) владык молчания», – как бы вторит словам Ипувера гелиопольский жрец Хахаперрасенеб (Анху), также, очевидно, современник смут, писания которого на многие столетия пережили его самого.

Братоубийственная вражда, распад государства, голод и лишения, рост значения местных центров и их правителей, все более узурпирующих царские привилегии, усиление позиций средних слоев населения – все это не могло не сказаться на общем состоянии египетской культуры. «Подобно

гончарному кругу», в этот период «повернулась» не только страна, но и само мировосприятие египтян, поставленных перед целым рядом социально-политических, религиозных и нравственных проблем. Но даже во времена упадка не были утрачены культурные ценности, созданные в эпоху Древнего царства.

От времени смут не сохранилось выдающихся памятников искусства, переживавшего тогда застой. Но в этот же период или непосредственно после него, в эпоху Среднего царства, появились такие глубокие сочинения, как «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара» и «Спор Человека и Ба» [4].

«Поучение гераклеопольского царя» – первое известное нам дидактическое сочинение, составленное от имени царя. В «Поучении» особый акцент делается на нравственные основы власти. Призывая Мерикара с беспощадностью относиться к мятежникам и остерегаться черни, гераклеопольский царь в то же время советует приближать к себе человека за его заслуги, не наказывать несправедливо и творить Маат, заботиться не только о своих вельможах, но и обо всех подданных, ибо все люди – «стадо бога», они – «подобия, вышедшие из его плоти». Увещевая сына следовать мудрым писаниям предков, он говорит об особой ответственности, которую налагает на царя его сан, и указывает ему, что именно благие поступки правителя – лучшая память о нем среди людей и залог оправдания на суде богов в загробном царстве, где добродетель ценится выше, чем пожертвованный «бык злодея». Так впервые идея загробного воздаяния, которая, по всей видимости, уже существовала во второй половине Древнего царства, приобретает для нас отчетливые очертания, свидетельствуя об углублении нравственных исканий.

Многочисленные намеки на эту идею содержатся в новых заупокойных текстах («Тексты саркофагов»), призванных обеспечить их обладателям бессмертие. Линия преемственности этой идеи тянется далее, в новоегипетскую заупокойную литературу, где она предстает уже окончательно сложившейся, – в знаменитую 125-ю главу «Книги мертвых». Но здесь, как и в «Текстах саркофагов», этический момент кажется растворенным в магических формулах, без помощи которых, видимо, не до конца можно надеяться на загробное спасение. Магия сильнее любого оружия в мире земном и создана богом-творцом изначально ради отвращения всяческого зла, как подчеркивается в «Поучении гераклеопольского царя» [5].

Официальная идеология эпохи смут стремится возродить политическое и духовное единство страны, порядок и гармонию, утраченные «из-за греховной сущности людей», призывает к восстановлению культов богов, и прежде всего почитания *Ра*, тесно сросшегося с идеей единодержавия, увещевает неукоснительно соблюдать все ритуалы и совершать жертвоприношения. Одновременно с этим в недрах египетской культуры зреет иная система мировосприятия, связанная с представлениями о

загробном мире, всегда занимавшими центральное место в египетской религии.

«Не выйдешь ты (больше) наружу, дабы видеть Солнце» – эти строки из «Спора Человека и Ба» находятся в полном противоречии с заупокойными текстами, одно из магических назначений которых – дать возможность умершему каждодневно созерцать Солнце, без чего немислима жизнь в мире ином.

Представления о загробном мире как стране вечного сна, тягостного мрака, где нет воды и воздуха, радостей любви, были достаточно широко распространены в Египте, встречаясь даже в гробничных надписях жрецов. И хотя подобные взгляды встречали отпор, хотя вновь и вновь напоминалось, что время жизни на земле – это сон и что взамен воды, воздуха и любовной улады дано будет «просветление», а вместо хлеба и пива – «умиротворение сердца», мало чтущие некрополь не переводились.

«Песнь арфиста» из гробницы царя Антефа призывает «праздновать прекрасный день», не думая о смертном часе, ибо никто из умерших не вернулся, дабы поведать о своей участи и успокоить живущих, никто из них не взял в мир иной своего достояния, и места посмертного успокоения даже великого Имхотепа и Джедефхора исчезли с лица земли [3].

Что означают подобные настроения? «Скептицизм», как их обычно принято называть, или откровенное неверие, отсутствие или недостаток благочестия, упование на то, что вечно только всепобеждающее слово, а не каменные гробницы, подверженные разрушению, отрицание ли здесь существования самой загробной жизни или связанного с переходом к ней громоздкого ритуала? На эти вопросы нелегко дать ответ – слишком отрывочны и скупы наши данные,

Но они говорят о том, сколь **сложны были представления египтян о проблеме жизни и смерти.** И то, что в эпоху смут, впервые ошутимо для нас, египетская сакральная культура уже не предстает как единое целое, сосуществуя с идеями неортодоксальными, само по себе весьма знаменательно. Не исключено, что неортодоксальные идеи возникли гораздо раньше, а годы великого социального и духовного потрясения, но лишь обнажили эти противоречивые тенденции египетской культуры.

Подъем культуры в эпоху Среднего царства окажется особенно впечатляющим на фоне предшествовавших времен. Фиванские владыки во многом стремились возродить и продолжить традиции царей Древнего царства. Но изменения, затронувшие уклад жизни, язык, искусство, религию, литературу в период распада страны, наложили неизгладимый отпечаток на культуру эпохи, и без них невозможно понять стремительного расцвета светской художественной средне-египетской литературы и научных знаний, ни усиления поисков индивидуальных черт в царской и частной скульптуре и возобладания их порой над внутренним, духовным, идеальным обликом, ни переосмысления роли царя в египетском обществе, который теперь все более представляется не только недостижимым божеством, но и конкретным человеком.

Отделенный неизмеримой дистанцией от своих подданных, царь, тем не менее, мог испытывать те же чувства страха, незащищенности перед превратностями судьбы, которые были свойственны простому смертному. И в этом смысле в «Поучении Аменемхета I» чувствуется связь с дидактикой смутных времен, с «Поучением гераклеопольского царя». Царские статуи, прежде скрытые в заупокойных сооружениях, отныне все чаще выносятся за их пределы. Они были обращены не столько к миру иному, сколько к подданным, перед которыми, запечатленная в камне, воспевалась мощь новых владык, покорителей Нубии, усмирителей бедуинов пустынь и азиатов, воюющих «со времен Хора».

Среднее царство по праву считается классическим периодом египетской культуры. В это время окончательно складывается средне-египетский язык, который как господствующий письменный язык просуществовал до XIV в. до н.э., до конца египетской истории сохранив преимущественно религиозно-культовое назначение. Развивается скоропись (иератическое письмо), свидетельствующая о подъеме хозяйственной жизни [3].

В эпоху Древнего царства уже были созданы основные архитектурные формы, воплотившиеся в монументальных сооружениях (пирамида и заупокойный храм, солнечный храм с обелиском) и их компонентах (типы колонн, декор зданий и т.д.), в сочетании архитектуры, скульптуры и рельефа. Но в начале Среднего царства, ознаменованном интенсивным храмовым строительством, архитектурный стиль Древнего царства был не просто возрожден, но и переосмыслен, исходя из местных политических, религиозных и художественных потребностей. Соединение традиций Древнего царства с элементами локальных культур дало такие образцы искусства, как росписи из гробниц номархов Антилопьего нома (Бени-Хасан) или заупокойный храм в Дейр-эль-Бахри Ментухотепа I. В этом ансамбле, гармонично сочетавшем в себе пирамиду и тип скальной гробницы, проявилась свойственная религиозной политике фиванских царей тенденция к возрождению солярного культа, тесно связанного с культом царя и с местной традицией почитания Амона. Та же тенденция проявилась и при Сенусерте I, который соорудил храм Атуму в Гелиополе и молельню (Белый храм) в Карнаке, посвященную Амону-Ра, даровавшему своему «сыну» Сенусерту «царство Обеих Земель» [4].

Пирамиды царей XII династии, воздвигнутые ими от Дашура до Фаюма, выглядели намного скромнее пирамид Древнего царства и по своим размерам, и по материалу, и по технике исполнения. Зато грандиозными были царские замыслы по улучшению ирригационной системы в Фаюмском оазисе.

Здесь, в священных угодьях бога-крокодила Собека, близ новой столицы-крепости, носившей название Ит-тауи (Завладевший Обеими Землями), сооружается заупокойный храм Аменемхета III, названный греками Лабиринтом (от престольного имени царя Ни-маат-Ра произносившегося греками как Ламарес). Этот уникальный ансамбль, занимавший огромную территорию – 72 тыс. кв. м, до наших дней не сохранился. По свидетельству

античных авторов, он представлял собой пантеон бесчисленного множества богов страны, вызывавший восхищение чужестранцев. «Я видел его, – писал о Лабиринте Геродот, – что нашел, что он выше всякого описания. Действительно, если бы собрать вместе все эллинские укрепления и другие сооружения, то оказалось бы, что они стоили меньше труда и денег, нежели Лабиринт... Лабиринт превосходит сами пирамиды» [4, с. 213].

Лабиринт – апогей архитектурного строительства времени Среднего царства и, подобно пирамидам Древнего царства, явился символическим выражением расцвета и единства страны. При Аменемхете III будто снова возродилась слава мемфисских парей Древнего царства и в подражание им царь предстает в облике всеильного бога. Он солнце лучезарное, «озаряющее Обе Земли больше солнечного диска, зеленающий больше Великого Хапи», – воспевал Аменемхета III-го вельможа Схотепибра.

Процветание государства в эпоху Среднего царства способствовало подъему египетской культуры, развитию конкретного научного знания, если и не противопоставленного пока знанию магическому, то, по крайней мере, имеющего в перспективе освобождение и отделение от последнего. Само приобретение знания – на уровне школьной науки египетского писца – рассматривалось сугубо утилитарно. Хотя и дарованное богами, это знание было необходимо только для достижения высокого социального и имущественного положения. «Место писца – в столице, и не будет он знать там нужды»; «Если постигнешь писания – благо будет тебе, ибо нет должностей (иных достойных), представленных мною пред тобой»; «Нет должности, не подвластной начальнику, кроме (должности) писца, он (сам себе) начальник», – подчеркивалось в «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа своему сыну Пени» [5].

С эпохи Среднего царства, и времени гиксосов дошли первые математические медицинские тексты, содержащие практические и конкретные задачи: Московский математический папирус и математический папирус Ринд Британского музея, Кахунский папирус, магиико-медицинские папирусы IV и V из Рамессеума и др. Большой медицинский папирус Эберса и хирургический папирус Эдвина Смита являются текстами Нового царства, хотя, несомненно, восходят к значительно более древним трактатам. В папирусе Эберса, где впервые в истории медицины изложено учение о кровеносных сосудах, пульсе и сердце, в общем контексте магического знания уже виден проблеск научных обобщений. В папирусе Эдвина Смита, содержащем древнейшее учение о мозге, магическая терминология почти полностью уступает место терминологии практической. От эпохи Среднего царства сохранились и древнейшая запись обмера страны, и списки созвездий на саркофагах, и первый в мире словник, напоминающий энциклопедию, который был найден в библиотеке, открытой в одной из гробниц Рамессеума. Наряду с религиозной, научной и традиционной дидактической литературой в той же библиотеке были обнаружены и шедевры египетской художественной литературы Среднего царства – «История Синухета» – «настоящий роман»,

по словам Б.А. Тураева, «совершенно лишенный фантастического элемента», и «Красноречивый поселянин», сугубо книжное сочинение, содержащее обвинительные речи несправедливо обиженного крестьянина, которые он произносит по всем правилам египетской риторики. Эти сочинения, а также «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», отразившая в духе фольклора египетские представления о волшебной экзотике дальних стран Красноморья, были у египтян излюбленным чтением, особенно «История Синухета», судя по количеству сохранившихся фрагментов копий на папирусах. Для позднейших эпох существования египетского государства литература Среднего царства была образцом, достойным подражания.

Эпоха гиксосского владычества затормозила естественную эволюцию египетской культуры, но не прервала линии ее преемственности. «Новое царство явилось дальнейшим значительным этапом» не только внутреннего развития египетской культуры, но и небывалого прежде интенсивного распространения ее за пределы Египта, взаимодействия, с культурами соседних народов. Положение Египта как мировой державы создает особо величественный стиль, ярко проявившийся в монументальных храмовых постройках в Фивах – «Граде Амона», в торжественных надписях фараонов-завоевателей, их анналах и одах, в гимнах богам, и, прежде всего, Амону Победоносному, именем которого освящались все военные походы. Главенствующее положение Египта нашло отражение в храмовых и гробничных сценах с изображениями посольства от четырех стран света или в гимнах, где египетские боги воспевались как творцы не только Египта, но и других стран. *Культура иных народов, какими бы «жалкими» и «презренными» они ни представлялись самим египтянам, оказалась для них вовсе не чуждой и принималась тем легче, чем ближе к закату была слава великой державы фараонов, вынужденной все более считаться со своими новыми политическими соперниками – хеттами, ассирийцами, вавилонянами.*

Степень проникновения египетской культуры в иную этнокультурную среду была различна. Она нашла особенно благоприятную почву среди народов Ливии и Нубии, с культурой которых египетская цивилизация имела много общих корней, где экономическое и политическое господство египтян покоилось на прочном фундаменте. Так, в Нубии были восприняты многие элементы египетской государственности, искусства, религии и иероглифическое письмо. Лишь по мере ослабления власти египтян местная, специфическая африканская культура все настойчивее прорывается здесь сквозь налет культуры привнесенной. *Через Нубию и Ливию египетская культура все более распространялась в глубь Африканского континента, и до недавнего времени в Судане, Эфиопии и в Западной Африке еще были живы обычаи, весьма напоминавшие древнеегипетские.*

В Азии основным средоточием египетской культуры оставался Библ, с которым Египет издревле имел тесные торговые связи. Цари Библа часто составляли надписи на египетском языке, молились местной богине Баалат Гебал в облике Хатхор, в честь которой здесь был сооружен один из самых

древних на территории Азии египетских храмов. Культурное влияние Египта в Сирии и Финикии часто было данью признания египетского сюзеренитета над местными правителями и ограничивалось внешними формами: элементами декора зданий, бытовых предметов, гробничных стел, чертами иконографии божеств. Здесь, несомненно, сказалась устойчивая местная древняя традиция, противостоящая глубокому внедрению в нее культуры чужеродной.

Египет, напротив, заимствовал из Азии гораздо больше, хотя и «переплавлял» азиатские элементы культуры в лоне культуры собственной. Почитание воинственных азиатских богов и богинь Баала, Решефа, Иштар, Анат и др., часто сопоставляемых с египетскими, «семитизмы» в египетской литературе, особенно распространившиеся после походов фараонов в Азию, не изменяя специфического облика египетской культуры, сообщили ей по сравнению с прошлыми временами более «восточную» ориентацию, особенно в северных районах, в области Дельты, испокон веков больше тяготевшей к Востоку, чем самобытный египетский Юг.

Расширение географического горизонта, взаимодействие с культурой иных народов, приток в Египет огромных богатств явились стимулом небывалого расцвета египетской культуры. Эпоха Нового царства особенно примечательна грандиозным строительством храмов в Египте (Фивы, Абидос) и в Нубии (Абу-Симбел, Бухен, Солеб, Бейт-эль-Вали, Акша); дальнейшим совершенствованием искусства рельефа, росписи, пластики, ювелирного дела; развитием многожанровой литературы («Сказка о двух братьях», «Правда и Кривда», «Сказка об обреченном царевиче», «Миф об истреблении людей», «Сказание об Апопи и Секененра», «Взятие Яффы», «Путешествие Уну-Амона в Библ», басня «Тяжба живота с головой», религиозная поэзия, многочисленные автобиографические надписи, наставления писцам, любовная лирика) [2].

В новоегипетских текстах возрождаются и многократно умножаются утраченные в годы владычества гиксосов мотивы упоения ратной славой. Стены храмов и гробниц запечатлели бесконечные сцены пиршеств, изображения военных трофеев, торжественных церемоний принятия дани от чужеземных послов, экспедиций в далекий, сказочно богатый Пунт (рельефы заупокойного храма Хатшеп-сут в Дейр-эль-Бахри). Сцены приношения жертв, разнообразных даров, скота, пленных египетским богам, делившим военную славу с фараонами-завоевателями. Новые веяния вторгаются даже в такую консервативную область древнеегипетской литературы, как заупокойные тексты: гимны богам, включенные в «Книгу мертвых», как бы оттесняющие ритуал на второй план, совпадают с торжественным настроением официальной литературы того периода.

В столицах Нового царства – Фивах, Ахетатоне, Мемфисе, Пер-Рамсесе – работали наиболее талантливые художники. Надписи XVIII-XIX династии донесли до нас имена выдающихся деятелей культуры: летописца Чанини, свидетеля боевых подвигов фараона Тутмоса III, зодчих Инени, Сенмута, Джхути, Аменхотепа, сына Хапу («предстателя» перед богами,

поставленного царем), культ которого существовал до конца египетской истории, скульптора Тутмоса, которому приписывается создание знаменитых портретов Нефертити, архитектора Майа, построившего в Карнаке, главном культовом центре страны эпохи Нового царства, резиденции Амона-Ра, самый крупный по тем временам колонный зал площадью 5 тыс. кв. м, изобретателя усовершенствованных водяных часов Аменемхета [2].

Фараон-реформатор на двенадцатом году своего царствования окончательно порывает с традиционным египетским многобожием и учреждает культ солнечного диска – Атона. По приказу царя в египетских надписях делаются попытки уничтожить не только имена богов, но и само понятие «бог». Слово это стремятся заменить словом «властитель», а знак бога – знаком, обозначающим фараона. Само солнце на завершающем этапе реформы мыслится не как бог, а как царь. Отныне в мире правят только Мир и внешняя стабильность, казалось надолго установившиеся в Египте с воцарением Аменхотепа III после долгих войн, внезапно были разрушены в правление его сына и преемника Аменхотепа IV. Изменив вере своих предков, этот два царя: Солнце-Атон и его сын Эхнатон – «Угодный Атону».

Религиозная реформа Эхнатона – исключительное явление в истории не только египетской, но и, возможно, всей древневосточной культуры. До сих пор мотивы и своеобразный характер ее, как и сама личность царя, – предмет острых споров.

О социальных причинах реформы Эхнатона писали многократно; гораздо труднее постичь мировоззренческие причины ее. И хотя из текстов амарнского периода явствует, что единственным создателем «учения жизни» был сам царь, вряд ли бы последнему удалось осуществить свой смелый «эксперимент», не будь создана благоприятная обстановка в ближайшем царском окружении, целиком обязанном Эхнатону своим возвышением и ради мирских благ готовом принять или отвергнуть Атона или Амона. Следует иметь в виду и то, что непосредственно перед восшествием на престол Аменхотепа IV культ Солнца приобрел особое значение в царской семье. Отец царя-реформатора в отличие от своих предшественников с особой последовательностью называл себя «образом Ра», доведя до крайности культ – своих собственных статуй (проявлений его божественной сущности). Он величался «Солнцем – владыкой Маат», именем, весьма напоминающим свойственное титулатуре Эхнатона имя Живущий Маат.

Амарнский период был кратким, но чрезвычайно ярким этапом древнеегипетской истории и, несмотря на верхушечный характер реформы, имел важные последствия для всех сфер египетской культуры.

Впитав в себя наиболее яркие реалистические сюжеты, композиции и стилистические приемы египетского искусства, Амарна развила и упрочила их и, пройдя стадию гротеска, создала галерею скульптурных шедевров – портретов Эхнатона и членов его семьи, изящных рельефов, многоцветных росписей, среди которых особенно выделяются пейзажные композиции. Именно под влиянием Амарны в египетском искусстве впервые появляются

светские образы царя и царицы, изображенных в бытовой, непринужденной обстановке [5].

Амарна явилась переломным моментом в истории новоегипетского языка, и со времени правления Эхнатона он становится языком письменным. Новоегипетский язык в гораздо большей степени отличался от среднеегипетского, чем среднеегипетский от староегипетского. Несомненно, Амарна была стимулом и для появления множества рукописей светской литературы на новоегипетском языке, и среди них – любовная лирика, «песни услаждения сердца». Некультовая лирика Египта – уникальное явление на древнем Востоке, где любовная поэзия целиком подчинена сакральным целям и, как правило, включена в ритм жизни храма. Египетская любовная лирика, а также реалистический скульптурный портрет значительно отличаются от традиционного искусства древнего Востока, напоминая, по нашему представлению, скорее светское искусство Западной Европы [4].

Значительно усилив реалистическое, светское направление в искусстве и литературе, реформа Эхнатона в то же время вызвала негативную реакцию со стороны традиционной сакральной культуры, одним из наиболее стойких приверженцев которой, являлось фиванское жречество. В религии Амона Фиванского, ставшей целым этапом в истории развития культуры страны, ярко сказалась могучая сила египетской традиции, ибо фиванская теология впитала в себя идеи жреческих школ, возникших еще на заре египетской цивилизации.

Под влиянием идей имперского единовластия в религии Амона особенно проявились черты солярного монотеизма. В некоторых текстах, носящих явный отпечаток Амарны, Амон, подобно Атону, величается даже «единственно-единым со множеством рук» (Атон представлялся в виде солнечного диска с лучами-руками). Органично впитав в себя наследие древних жреческих школ и Амарны, ***фиванская теология, тем не менее, явилась новым шагом в развитии египетской религиозно-философской мысли.*** В гимнах послеамарнского периода Амон все более воспевается как бог единый, предвечный, сущность которого неведома и непостижима и проявление которого – все боги. В то же время Амон все чаще предстает в гимнах как бог, милосердный к убогому и угнетенному. И в этом нельзя не видеть воздействие изменившейся социально-политической ситуации, когда на смену внешней несокрушимости империи пришли годы испытаний. Постепенная утрата завоеванных территорий, растущие внутренние противоречия, усиление коррупции заставляли общество вновь обращаться к всемогущим богам, и прежде всего к Амону, недавнему воинственному владыке мира, теперь же всеблагому судье, «приходящему на зов того, кто пребывает в утеснении» [3].

Усиление этического элемента в египетской религии в эпоху Нового царства на фоне все усложняющегося магического знания, углубление теологической мысли и религиозного чувства, с одной стороны, рост вольнодумных настроений – с другой, – таковы основные тенденции в

духовной жизни этого противоречивого периода. Именно тогда появляется 125-я глава «Книги мертвых» с ее идеей нравственного загробного суда и создаются ритуально-магические композиции, доступные первоначально узкому кругу посвященных («Книга Амдуат», «Книга врат», «Книга дня», «Книга ночи» и др.). В текстах гробниц фиванских жрецов и светских лиц, в молениях служителей фиванского некрополя – «послушных призыву в Месте Правды» – все чаще звучат *религиозные мотивы покаяния и по мере упадка государственной религии растет благочестие отдельной личности.*

И в то же время переписывается «Песнь арфиста» из гробницы царя Антефа разгорается полемика официальной теологии с противоречащими ей идеями, и эта полемика проникает даже в заупокойную литературу (175-я глава «Книги мертвых», папирус Ани, XVIII династия). Вновь звучит мысль о вечности нерукотворных памятников – творений писцов-мудрецов древности, не подверженных разрушению, в отличие от храмов и гробниц («Прославление писцов» XIX – XX династии). Именно в эпоху Нового царства столь популярными становятся «песни услаждения сердца», героем в них мог быть теперь даже фараон «Мехи» (Хоремхеб), попасть в гарем которого мечтает тоскующая о нем красавица. В ту же эпоху возникает явно пародийное произведение «Спор Хора с Сетом», где боги представлены порой в неприглядном обличье и благородный миф об Осирисе утрачивает свой священный пафос.

После Амарнского периода усиливается начавшаяся еще при Аменхотепе III своего рода гигантомания в храмовом строительстве, которая проявилась также *в сооружении царских статуй-колоссов. Достаточно вспомнить огромные луксорские колонные дворы и пилоны с монументальными статуями Рамсеса II, гигантский масштаб сооружений в Карнаке первых фараонов XIX династии, завершивших предпринятое здесь еще Хоремхебом строительство гипостильного зала, знаменитый Рамессеум на западном берегу Фив, пещерный храм Рамсеса II в Абу-Симбеле с величественными статуями царя. Строительство заупокойного ансамбля Рамсеса III в Мединет-Абу (XX династия), напоминающего крепость, завершает эту блестящую эпоху храмового строительства.*

Запечатленные в храмовых рельефах изображения грандиозных битв с азиатами, ливийцами и «народами моря», взятия вражеских крепостей и кораблей, посольств побежденных стран и верениц пленников, гробничные росписи со сценами пиров и папирусные рисунки с изображениями гаремных развлечений, скандальные процессы по делам ограбления гробниц, сохранившиеся в записях папирусов эпохи Рамессидов, – все это как бы сливается в одно огромное полотно, на котором величие и упадок империи уже сосуществуют в нерасторжимом единстве.

Воспевание воинских доблестей вырождается в пародию на них («Взятие кошачьей крепости»), Участь воина подвергается порицанию в поучениях писцов, чутко реагирующих на изменение обстановки. Гигантомания, как и войны царей XIX династии, оказывается призрачным отблеском былого величия; увлечение пышной фразеологией в надписях царей и их

сподвижников, изяществом слога в поучениях-письмах и внешней декоративностью в искусстве – прикрытием все более утрачиваемого содержания. Особое поклонение азиатским богам войны – не только дань эпохе войн, но и уступка культуре народов, которых теперь признают равноправными партнерами.

Пройдет немногим более столетия, и в Азии власть фараона превратится в фикцию, и лишь посланца Амона, жреца Уну-Амона («Путешествие Уну-Амона в Библи», XI в. до н.э.), здесь еще будут терпеть и, в конце концов, исполнят его просьбу, признавая величие имперского бога и древней культуры подвластной ему страны.

По мере угасания цивилизации Египта неожиданно с новой силой проявились древнейшие ее черты, что было вызвано стремлением египтян отстоять свою самобытность перед угрозой военного и культурного завоевания.

Библиографический список

1. Томпсон, М. Восточная философия / М. Томпсон / Пер. с англ. Ю Бондарева. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 384 с.
2. В глубь веков. Книга о государственном Эрмитаже. – Л.: Министерство просвещения РСФСР, 1961. – 278 с.
3. Величайшие творения человечества. Энциклопедия. – М.: Голос-Пресс, 2000. – 683 с.
4. Коростовцев, М.А. Религия Древнего Египта / М.А. Коростовцев. – М.: Просвещение, 1980. – 320 с.
5. Джеймс, П. Тайны древних цивилизаций / П. Джеймс, Н. Торн. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. – 624 с.
6. Авдеев, В.И. История Древнего Востока / В.И. Авдеев. – М.: Высшая школа, 1970. – 608 с.

5. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ

Официальные опросы, которые постоянно ведутся в Японии различными научными организациями, свидетельствуют о том, что японцы якобы народ нерелигиозный. Некоторые даже относят японцев к атеистам, однако чаще – к «религиозно индифферентным». По нашему глубокому убеждению, такой упрощенный взгляд на эту сторону общественного сознания японцев не совсем точен, Даже, можно сказать, совсем не точен. Парадоксальность ситуации подметили еще в прошлом веке наши русские исследователи: «...если вы спросите у японца, – писал Г. Востоков, – какая его вера, он вас не поймет. Все, что он сумеет вам ответить, это, что, согласно обычаю, ему при рождении дали имя в синтоистском храме и что, вероятно, при похоронах его будут провожать буддийские бонзы. Между этими двумя крайними точками

жизни он легко может стать на время христианином» [1, с. 336]. В системе религиозных доктрин, бытующих в Японии, главенствующее место занимает истинно японская религия синто.

СИНТОИЗМ

Это древняя японская религия. Хотя истоки ее, по общему признанию, неизвестны, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что она возникла и развилась в Японии вне китайского влияния.

Японец обычно не стремится вникать в суть и происхождение *синто*, для него это и *история*, и *традиция*, и *сама жизнь*. Синто напоминает древнюю мифологию. Практическая же **цель и смысл синтоизма** состоит в утверждении самобытности древней истории Японии и божественного происхождения японского народа: согласно синто, считается, что микадо (император) – потомок духов неба, а каждый японец – потомок духов второго разряда – *ками*. Для японца *ками* означает божество предков, героев, духов и т.д. Мир японца населен мириадами *ками*. Набожный японец думает, что после смерти он станет одним из них.

Синтоизм свободен от религиозной идеи «центральной власти» всевышнего, он учит главным образом культу предков и поклонению природе. В синтоизме нет других заповедей, кроме общежитийских предписаний соблюдать чистоту и придерживаться естественного порядка вещей. У него есть одно общее правило морали: «Поступай согласно законам природы, щадя при этом законы общественные» [1, с. 339]. *По синтоистским представлениям, японец обладает инстинктивным пониманием добра и зла, поэтому соблюдение обязанностей в обществе тоже инстинктивно: если бы было не так, то японцы «были бы хуже зверей, которых ведь никто не учит, как надлежит им поступать».* Сведения о синтоизме мы находим в японских источниках «Кодзики» («Записки древности», 712 г.) и «Нихонги» («Анналы Японии», 720 г.).

«Кодзики» – это священная книга синтоизма, хотя, конечно, отмечают С.А. Арутюнов и Г.Е. Светлов, не в том смысле, как Библия в христианстве или Коран в исламе. «„Кодзики“, – пишет Н.И. Конрад, – своя, родная, близкая каждому японцу книга. К ней восходит все то, что составляет исконное, освобожденное от всяких примесей содержание японского национального духа. „Кодзики“ – ключ к самой Японии, к самим японцам. Через „Кодзики“ мы познаем и «век богов»... через нее же мы как нельзя лучше приближаемся к «подлинно японскому» и в современной Японии» [2, с. 150].

«В книге, – отмечает Н.И. Конрад, – объединены две идеи – идея кровного племенного единства и идея политической власти. Отражение первой – в расширении племени во времени: в отношении к прошлому, в соединении с рождением вообще всех вещей; во включении всего инородного в состав племени, в подчинении ему, в притягивании генеалогической линии по главным представителям – богам, вождям, царям – как проявлению единства

племени. Отражение второй – в представлении политической власти как выполнения богами, вождями, царями воли высших богов» [2, с. 149].

*Японские хроники утверждают, что первоначально в мире царил хаос, но затем все приобрело стройность: небо отделилось от земли, обособились женское и мужское начала: первое – в лице богини Идзанами, второе – в лице ее мужа Идзанаги. У них родилась богиня солнца Аматэрасу, бог луны Цукиёми и бог ветра и воды Сусаноо. Аматэрасу и Сусаноо вступили между собой в борьбу. Аматэрасу победила и осталась на небе, а Сусаноо был изгнан в страну Идзумо на землю. Сын Сусаноо – Окунинуси сделался правителем Идзумо. Аматэрасу не смирилась с этим и принудила Окунинуси передать правление ее внуку Ниниги. Ниниги сошел с неба и принял управление государством Идзумо. В знак власти ему вручили три священных предмета – зеркало (символ божественности), меч (символ могущества) и яшму (символ верности подданных). От Ниниги произошел Дзиммутэнно (титул тэнно означает «Верховный правитель», он сохраняется за царствующим домом до наших дней; передается на европейских языках словом «император»), мифический первый император Японии, положивший начало династии японских императоров – *микадо*. Зеркало, меч и яшма с тех давних времен остаются эмблемой японского императорского дома.*

Император микадо в сознании японца благодаря своему «божественному» происхождению состоит в родстве со всем народом, он – глава нации-семьи. Даже сёгуны, господствовавшие в Японии более трехсот лет, называли себя представителями микадо. Идея микадо, освященная синтоизмом, не исчезла из сознания японцев и сегодня, хотя, конечно, ее регулирующая сила значительно ослабла.

Современные японцы, внешне как будто бы и не придавая серьезного значения этой идее, подсознательно искренне благоговеют перед ней. До сих пор в синтоистских храмах совершаются различные обряды в честь императорской семьи (по некоторым данным, их насчитывается более ста тысяч).

Синтоизм сформировал у японцев особый взгляд на мир вещей, на природу, взаимоотношения. Этот взгляд базируется на пяти концепциях.

Первая концепция утверждает, что все сущее является результатом саморазвития мира: мир появился сам по себе, он хорош и совершенен. Регулирующая сила бытия, согласно доктрине синто, исходит из самого мира, а не от какого-то верховного существа, как у христиан или мусульман. На таком понимании мироздания покоится религиозное сознание японца, удивляющегося вопросам европейцев: «Какая у вас вера?» или того более – «Верите ли вы в бога?».

Вторая концепция подчеркивает силу жизни. Согласно мифологии, первое сексуальное сближение произошло между богами. И потому секс и моральная вина никогда не связывались в сознании японцев. Все, что естественно, согласно данному принципу, должно уважаться, не уважается только «не чистое», но и всякое «не чистое» может быть очищено. Именно на это направлены ритуалы синтоистских храмов, вырабатывающие у людей

наклонности к приспособлению, адаптации. Благодаря этому японец оказывается способным принять почти любую модернизацию после того, как она очищена, скорректирована, согласована с японской традицией.

Третья концепция утверждает единство природы и истории. В синтоистском воззрении на мир нет разделения на живое и неживое: для приверженца синто все живое – и животные, и растения, и вещи; во всем природном и в самом человеке живет божество ками. Некоторые считают, что люди и есть ками, или, вернее, ками располагаются в них, или, в конечном счете, они могут впоследствии стать ками и т.д. Согласно синто, мир ками – это не потустороннее обиталище, отличное от мира людей. Ками объединены с людьми, поэтому людям не нужно искать спасения где-то в другом мире. Согласно синто, спасение обеспечивается путем слияния с ками в повседневной жизни.

Четвертая концепция связана с многобожием. Синто возник из местных культов природы, поклонения местным, родовым и племенным божествам. Первобытные шаманские и колдовские обряды синто начали приходить к известному единообразию только с V-VI вв., когда императорский двор стал брать под свой контроль деятельность синтоистских храмов. В начале VIII в. при императорском дворе был создан специальный департамент по делам синто, а в X в. составлен список богов синто (тогда пантеон синто насчитывал 3132 бога). В дальнейшем это число значительно увеличилось.

Пятая концепция синто связана с национально-психологической основой. Согласно этой концепции, боги синто, ками, породили не людей вообще, а только японцев. В связи с этим в сознании японца с самых первых лет жизни укореняется представление о том, что он принадлежит синто. Отсюда вытекают два важнейших фактора регуляции поведения. Во-первых, утверждение, что ками самым интимным образом связаны только с японской нацией; во-вторых, синтоистская точка зрения, согласно которой смешно, если иностранец поклоняется ками и исповедует синто – такое поведение не японца воспринимается как нелепость. Вместе с тем синто не удерживает самих японцев от того, чтобы они исповедовали любую другую религию. Не случайно почти все японцы параллельно с синтоизмом считают себя приверженцами какой-нибудь другой религиозной доктрины. Если суммировать количество японцев по принадлежности к отдельным конфессиям, то получится число, превышающее общее население страны.

Культовое действие в синто заключается в поклонении божеству конкретного храма, которое, в сущности, не имеет отношения к другим храмам. Ритуалы синтоистских храмов состоят в услаждении местного божества. Эта простота церемонии, требующая от людей лишь приношений и простейших ритуальных действий, явилась важнейшей причиной стойкости синто на протяжении столетий. Для японца, справедливо отмечают С.А. Арутюнов и Г.Е. Светлов, особенно живущего в сельской местности, свой храм, его ритуалы, его ежегодные красочные праздники стали необходимой частью жизни; так жили его отцы и деды, так живет он сам, не прилагая к

тому никаких усилий; так заведено, так поступают все – родственники и соседи.

Несмотря на существенные отличия в обрядах между отдельными храмами, сложились и некоторые общие черты. Это связано с определенными усилиями *центральной власти внести порядок в культовую практику или даже сделать синто государственной религией*. Такая попытка предпринималась, например, после реставрации Мэйдзи (1868 г.). Хотя старания властей окончились неудачей, некоторая упорядоченность все же была достигнута. Это выразилось, прежде всего, в создании системы обучения священников синто (каннуси), осуществляющих культовые действия в храмах. Во многих случаях должность каннуси передается по наследству. Конституцией 1946 г. произведено отделение религии от государства.

В храме совершаются различного рода богослужения. Верующие становятся перед алтарем, бросают какую-нибудь монету в специальный решетчатый ящик, кланяются, хлопают несколько раз в ладоши и произносят (или же проговаривают про себя) слова молитвы. Храм организует и различные праздники.

Так, праздник мацури устраивается один раз, а в некоторых храмах два раза в год. Обычно этот праздник связан с началом сельскохозяйственных работ, с уборкой урожая, а также с какой-либо памятной датой в истории храма или местного божества. Праздник отмечается очень пышно. Служители храма оповещают о нем не только тех, кто обычно посещает храм, но и всю округу. Праздники мацури собирают толпы людей, которые участвуют в церемониях или в развлечениях. В некоторых храмах мацури проводится в виде красочных карнавалов.

Несмотря на отсутствие единства в почитании божеств, устройство синтоистских храмов, тем не менее, единообразно. Основу каждого храма составляет **хондэн** (святилище), в котором хранится **синтай** (святыня, божество). К **хондэну** примыкает **хайдэн**, т.е. зал для молящихся. Изображений богов в храмах нет, однако некоторые храмы украшены изображениями львов или других животных. При храмах Инари есть изображения лис, при храмах Хиэ – обезьян, при храмах Касуга – изображения оленей. Эти животные рассматриваются в качестве посланников соответствующих божеств. Все это свидетельствует о связи синто с многочисленными специфическими **народными верованиями**.

Обычно под народными верованиями понимают религиозную практику, которая не связывается с церковной иерархией. Это комплекс представлений и действий, основанных на предрассудках, суевериях и т.д. Хотя народные верования отличаются от храмового культа, однако, связи здесь очевидные. Обратимся, например, к культу лисицы, которой японцы издавна поклонялись.

Божество в образе лисицы, верят японцы, имеет тело и разум человека. В Японии построены специальные храмы, в которых собираются люди, якобы обладающие *лисьей натурой*. Под ритмичные звуки барабанов и завывания

священников прихожане с «лисьей натурой» впадают в состояние транса. Они полагают, что это дух лисицы вселяет в них свои силы. Поэтому люди с «лисьей натурой» считают себя в некотором роде *колдунами и провидцами*, предсказывающими будущее. Встречу с одной колдуньей описал известный исследователь Востока С. Галик.

Изучая психологию японцев, С. Галик путешествовал по стране. Однажды его пригласили посетить деревню, которая славилась тем, что в ней жила старуха-колдунья, поклонявшаяся культу лисицы.

Предварительно договорившись о цели беседы, С. Галик с проводником вошел в убогую хижину колдуньи. Вошедшие усиленно кланялись, но хозяйка, сидевшая на возвышении, молча указала им место на татами и подала гостям по чаше тепловатого чая. На улице светило солнце, но в хижине было темно. Гости едва различали фигуру старухи. Проводник объяснил колдунье, что с ним приехал издалека человек, наслышанный о дарованных ей божеством Инари способностях предсказывать будущее, и он хотел бы узнать свою судьбу.

Ни слова не говоря, старуха повернулась к востоку, взяла небольшой барабан и легонько ударила по нему. В течение нескольких минут она монотонно выбивала несложные ритмы и что-то бормотала. Колдунья употребляла исключительно архаичные обороты, и спутники прилагали большие усилия, чтобы понять их смысл. Закончив церемонию, старуха дала понять, что сеанс окончен. Посетители положили на низенький столик, который стоял перед ней, завернутый в традиционную белую бумагу небольшой гонорар и вышли. Старуха опять не ответила на поклоны, что само по себе не свойственно японцам, особенно японским женщинам.

Сопровождающий Галика японец с печальной миной объяснил ему смысл гадания. Старуха сказала, что при возвращении на родину он попадет в кораблекрушение, но, останется жив, что дом его сгорит, но, что он все же станет богатым и женится на красавице. Галик позже написал, что ни одно из предсказаний не сбылось.

Издавна в Японии поклонялись и *волку*. До недавнего времени волка считали духом гор Оками. Люди просили Оками защитить посевы и самих тружеников от различных напастей. Так, рыбаки до сих пор просят его о ниспослании благоприятного ветра. В ряде провинций люди до недавнего времени считали волка главным среди всех животных. К нему обращались во время стихийных бедствий и даже просили излечить от болезней; многие и сейчас поклоняются волку и молятся ему в храмах.

В некоторых районах Японии, особенно на побережье, с давних пор сохранилось поклонение *черепахе*. Рыбаки и теперь считают черепаху (камэ) божеством (ками) моря, от которого зависит их удача. Огромные черепахи у берегов Японии – не редкость. Если они попадают в сети, рыбаков будто бы ждет удача. Черепах осторожно вытаскивают из сетей, кладут на песок и начинают поить сакэ. Затем их отпускают назад, в море. В тех областях Японии, где черепах употребляют в пищу, убивать их могут лишь

«профессионалы», для которых это своего рода ремесло, передающееся из поколения в поколение.

Известны и своеобразные культы *змей и моллюсков*. Вообще-то японцы бестрепетно употребляют их в пищу, но некоторые виды змей и моллюсков считаются священными. Это – таниси, обитатели рек и прудов. Некоторые ученые полагают, что благоговейное отношение к таниси пришло в Японию из Китая. По преданиям, в районе Айдзу когда-то стоял храм Вакамия Хатиман, у подножия которого находились два пруда. Если кто-нибудь ловил таниси из этих прудов, то ночью во сне слышал голос, требующий ее возвращения. Иногда больные специально ловили таниси, чтобы услышать ночью голоса пруда и потребовать для себя выздоровления в обмен на освобождение таниси. В старых японских медицинских книгах указывалось, что таниси – хорошее средство от глазных болезней; существуют, однако, предания и о том, что от глазных болезней вылечивается только тот, кто не употребляет таниси в пищу.

Есть места в Японии, где до сих пор верят в священную *рыбешку* окодзэ. Этой малютке отведено в легендах очень большое место. Она считается представительницей ками гор. Охотники заворачивают окодзэ в белую бумагу и произносят нечто вроде заклинания: «Окодзэ, если ты пошлешь мне удачу, я разверну тебя и дам увидеть солнечный свет». Многие рыбаки вешают у дверей своих хижин сушеную окодзэ в надежде, что им будет сопутствовать удача, а дом получит защиту от злых духов. Когда рыбаки попадают в беду, они обещают ками моря принести в дар окодзэ, если тот смилостивится и спасет их.

Иные японцы думают, что удачу и счастье принесет им *стрекоза* томбо, которая ассоциируется с храбростью и даже с национальным духом. Стрекозу воспринимают как воинственное насекомое, поэтому в прежние времена было принято носить предметы с изображением стрекозы. Этот обычай сохраняется и сейчас: изображение стрекозы можно увидеть на вещах, одежде мальчика. Такое отношение к стрекозе идет из глубины японской истории, когда Японию называли «землей стрекозы». И теперь еще можно встретить в литературе слово «стрекоза» как синоним Японии.

С древних времен *акулу* (самэ) в Японии считают существом, наделенным божественной силой, т.е. ками. Об акуле ходит много легенд. В одной из них рассказывается, что однажды акула откусила женщине ногу. Отец женщины в молитвах просил духов моря отомстить за дочь. Спустя некоторое время он увидел, как в море большая стая акул преследовала одну хищницу. Рыбак поймал ее, убил и нашел в желудке ногу дочери.

Рыбаки верят, что акула может помочь избежать несчастья в море и даже может вынести утопающего к берегу на своей спине. Считают, что за священной акулой тянутся косяки рыбы. Если рыбаку посчастливится встретить ее, он возвращается с богатым уловом. Мясо некоторых акул японцы употребляют в пищу.

Нередко в Японии над входом в дом, особенно в деревнях, можно увидеть высушенного *краба* (кани). Это амулет, защищающий от злых духов и

болезней. Рассказывают, что однажды кани появились в прибрежном районе, где их никогда не видели. Рыбаки поймали их, высушили и повесили на деревья; с тех пор злые духи стороною обходят эти места. Еще живет предание о том, что воины Тайра, потерпевшие поражение в междоусобной войне с кланом Минато, погрузились в море и превратились там в крабов. Поэтому в некоторых сельских районах даже считается, что брюшко краба напоминает человеческое лицо.

Наряду с почитанием животных в Японии распространено поклонение *горам, горным источникам, камням, деревьям* и т.д. Для крестьянина природа издавна служила надежным источником жизни, поэтому он и обожествил ее в своих представлениях. Отдельные камни, деревья и т.д. могут вызывать у японцев истинное наслаждение. Среди деревьев это, конечно же, ива.

Японцы боготворят *плакучую иву* (янаги). Ее изящные тонкие ветки, колышущиеся под малейшим дуновением ветра, вызывают у них высокие эстетические чувства. Многие поэты воспевали янаги, художники часто изображали ее на гравюрах и свитках. Все грациозное и изящное японцы сравнивают с ветвями ивы.

Поэт XVIII в. Ёса Бусон (1716 – 1783 гг.) посвятил янаги свое знаменитое трехстишие:

*Янаги тири – Ива опала,
Симидзу карэ иси – Ручей иссох,
Токородоко – Голые камни.*

Пер. В. Марковой

Стихотворение предваряется таким пояснением: «Написано во время странствий по провинции Симоцукэ в начале десятой луны, когда, стоя под старым деревом, название которому ива Югё, любовался открывшейся перед ним картиной» [3, с. 241]. Дерево, о котором идет речь, – знаменитая ива, воспетая многими поэтами Японии.

Янаги японцы относят к деревьям, приносящим счастье и удачу. Из ивы делают палочки для еды, которыми пользуются только в праздник Нового года [4, с. 155 – 170]. Японцам нравится, что ива быстро распускается в вазе с водой, они полагают, что это дерево даже предсказывает дождь: перед дождем листья ивы поднимаются к небу, как бы приветствуя омовение земли.

Разнообразны народные верования Японии. Они постоянно трансформируются, однако многое столетиями остается неизменным. Изначально огромное влияние на верования оказали пришедшие в Японию с материка религии, а также китайский гороскоп. Это можно показать на примере культа косин [4, с. 155 – 170].

Косин (год Обезьяны) – название одного из годов старинного циклического летосчисления, применявшегося в Японии до 1873 г. Летосчисление это состоит из повторяющихся 60-летних циклов. Последним годом косин в нынешнем цикле был 1980-й. Культ косин связан с *даосизмом*, принесенным в Японию из Китая. Даосы считали, что в ночь наступления

нового года косин обитающее в теле человека некое таинственное существо во время сна покидает его и поднимается в небо, где докладывает небесному владыке о его греховных делах. На основании этого доклада небесный владыка может лишить человека жизни, поэтому рекомендовалось проводить ночи косин без сна. В Японии этот обычай получил очень широкое распространение. Постепенно он вобрал в себя также элементы *синтоизма и буддизма*.

С течением времени косин утратил свой религиозно-мистический характер, однако и поныне в ряде мест Японии люди в эту ночь по-прежнему не ложатся спать, собираются вместе, развлекаясь выпивкой и угощениями. Для ожидания и встречи года косин в некоторых сельских районах возводятся специальные башенки. Даже те, кто не верит в косин, рассматривают эти башенки как защиту от всяческих бед.

В народный пантеон японских божеств как бы сами собою вошли многие божества из *буддийского пантеона*. Так, в Японии получил большую популярность буддийский святой Дзидзо. Он известен как покровитель детей и путешественников, избавитель от болезней, гарант долголетия, спаситель и т.д. Во дворе одного из храмов в Токио можно увидеть статую Дзидзо, опутанную соломенными веревками. Это так называемый Сибарарэ Дзидзо – «связанный Дзидзо»; если у человека похищают какие-то ценности, он связывает Дзидзо и обещает освободить его при обнаружении пропажи.

Исследователи следующим образом классифицируют народные верования японцев: производственные культы (связанные в основном с сельским хозяйством и рыболовством); культы исцеления (обеспечивающие якобы излечение от болезней); культы покровительства (направленные на защиту от эпидемий и других бед извне); культ – хранитель домашнего очага (оберегающий дом от пожара и поддерживающий мир в семье); культ удачи и процветания (дающий приобретения и блага жизни); культ отпугивания злых духов (направленный на избавление от разной нечисти – чертей, водяных, леших). Конечно, как справедливо отмечают многие исследователи, Япония далеко не та, что была хотя бы сто лет назад, когда суеверия буквально пронизывали все стороны жизни народа. Время сделало свое дело. Тем не менее, в Японии современные взгляды на жизнь продолжают уживаться чуть ли не первобытными поверьями.

Есть и данные, говорящие о силе суеверий в сегодняшней Японии. Японский социолог Осаму Иносита сообщает о курьезных событиях, связанных с «годом Лошади» [5, с. 64].

1966 г. по традиционному японскому календарю был годом Лошади, причем не «обычной», год которой повторяется каждые 12 лет, а «огненной», бывающей раз в 60 лет. Согласно восточным поверьям, в такой год случается много пожаров, и, что самое удивительное, люди считают, что женщина, рожденная в этот год, наделяется неуступчивым, решительным характером. В японском обществе, как показано выше, такой характер женщины считается ущербным. В Японии ценится застенчивая, покорная супруга.

Девушка с неподатливым характером – неподходящая невеста. Отсюда – все курьезы.

В 1966 году, т.е. в год огненной Лошади, японские статистики отметили резкое падение рождаемости. По сравнению с предыдущим, 1965 годом оно сократилось на 25 процентов. Причем было отмечено изменение полового состава новорожденных. Обычно мальчиков в Японии рождается чуть больше девочек (на 100 девочек приходится примерно 105 мальчиков). В конце же 1966 г., на сотню девочек пришлось 117 мальчиков. Однако в начале следующего, т.е. 1967 г., этот показатель упал до 99. Получилось так, что в новом году природа вдруг изменила свой генетический код, что само по себе есть вещь невероятная. Причина – исключительно в народных суевериях. Японские социологи убедительно доказали этот факт.

Прежний год огненной Лошади приходился на 1906 г. Обнаружилось, что и тогда отмечались подобные курьезы, однако разница в рождении мальчиков и девочек была не такой большой, как в 1966 г. Социологи единодушно высказали мнение о том, что регулирующая сила суеверий в наше время возросла.

Дело заключается в том, что во второй половине XX в. суеверия получили мощную поддержку от современных средств массовой информации. Так, в 1964 – 1965 гг. газеты, радио, телевидение, сообщая о приближении года Лошади, рассказали и о старинном поверье, связанном с этим годом. Никто, конечно, не призывал уверовать в печальную судьбу женщин, рожденных в 1966 г. и ждущих в будущем мужей. Мало того, авторы передач и статей искренне надеялись развеять у населения веру в предрассудки и суеверия. Однако все получилось ровно наоборот [5].

В 1965 г. упало количество свадеб (молодые не хотели, чтобы у них в 1966 г. родился ребенок). Те же, кто все же вступил в брачный союз, старались воздержаться от того, чтобы иметь детей. Осаму Иносита пишет, что в год Лошади было немало случаев, когда молодым супругам звонили по междугородному телефону их родители и страстно призывали повременить с рождением ребенка. Аптекари отметили, что в этот год были раскуплены запасы фармакологических средств, позволяющих регулировать рождаемость. Но как же все-таки получилось, что в начале 1967 г. был отмечен прирост девочек?

Ларчик здесь открывается очень просто: девочек, родившихся в конце 1966 г., зарегистрировали только в начале 1967 г.

Разнообразные поверья отражают различные стороны национальной психологии японцев, их обыденное сознание. Если в далеком прошлом эти поверья опирались на обожествление природных сил и представления о связи живых с мертвыми, то поверья, утратив иногда мистическое содержание, сохранили только форму обряда. Исполнение обрядов стало в Японии традицией.

Известно, что традиция выполняет в жизни общества регулятивные функции. Она выступает средством стабилизации утвердившихся в обществе отношений, осуществляет воспроизводство этих отношений в жизни новых

поколений и служит в качестве нормы поведения людей в совместном общении. Сила той или иной традиции и связанной с ней нормой поведения зависит от национально-психологических особенностей народа. И поскольку для японцев, как отмечалось выше, характерна исключительно сильно выраженная традиционность, то нормативные функции народных поверий будут еще долго давать о себе знать в жизнедеятельности японской нации. Это во многом связано также с тем, что народные поверья в Японии как-то совместились с положениями главных восточных религий, в частности с буддизмом и конфуцианством. Они в ряде случаев мирно ужились и с так называемыми новыми религиями.

БУДДИЗМ

Эта религия проникла в Японию в VI в., когда на острова Японии начали прибывать буддийские монахи. Буддийские священные книги, написанные на китайском языке, были первыми, появившимися в Японии. Традиционные формы японизированного буддизма пережили века, поскольку их жизненность, говорит Г.Г. Свиридов, состоит «в особенностях коренных психологических стереотипов, сформировавшихся в глубокой древности» [6, с. 223].

Чтобы понять регулирующее влияние буддизма на поведение японцев, надо исходить из учета его основных классических положений.

Общепризнано, что основатель буддизма (Будда) родился в VI в. до н.э. в княжеском роде Шакиев (Могущественных), его назвали Сиддхартха, а когда он достиг совершеннолетия, ему дали имя Гаутама. Отец держал наследника вдали от мирских дел, возил его на золоченой колеснице, скрывая от глаз посторонних. Молодой князь не знал забот, купался в роскоши и не ведал настоящей жизни. Однажды он все же увидел нищего старика, в другой раз – калеку, в третий – покойника и в четвертый – бродячего отшельника, что было ему предсказано гадалкой. Увиденное потрясло Гаутаму и перевернуло его судьбу. Он отказался от богатого наследства, оставил жену и сына и в 29 лет стал странствующим аскетом.

Шесть лет Гаутама провел в скитаниях, живя подаянием. Как-то ночью, сидя под деревом Бо (Бодхи, что значит «познание») в глубокой задумчивости, он понял смысл бытия – на него снизошло просветление. *Гаутама познал четыре святы истины: жизнь в своей основе есть страдание; причиной страдания являются страсти, потребности, желания людей; чтобы избавиться от страданий, надо пресечь все желания; сделать это можно только путем ухода от действительности и достижения «высшего просветления» – нирваны.*

С того времени как Гаутама стал Буддой (будда по-санскритски «просветленный», «достигший прозрения»), его стали именовать Шакья-Муни (святой из рода Шакиев).

Дальнейшую жизнь Будда посвятил проповеди своего учения. Умер он 80 лет. Последователи стали наделять его различными сверхъестественными

способностями: он мог быть невидимым, летать по воздуху, ходить по воде, держать в руках солнце и луну и т.д. Постепенно Будда приобретал в представлениях людей и другие божественные качества.

Главным в буддизме является уход от житейской действительности. Буддизм проповедует отречение от страстей, провозглашает тщетность мирских забот, призывает к душевному покою.

Буддисту, как вытекает из канонов, следует бежать из **сансары** (материального, чувственного мира), чтобы перейти в мир **нирваны**. Согласно учению Будды, сансара – это иллюзорный мир, а нирвана – мир подлинный. Реальность, как следует из догматов буддизма, – это движение специфических частиц – дхарм. Все в мире образуется из комбинации дхарм. Буддийские схоласты насчитывают от 70 до 100 разновидностей дхарм. Выделяют также определенные группы дхарм: дхармы бытия и небытия (то, что рождается и исчезает, и то, что существует вечно); дхармы волнения и покоя (то, что подвержено страстности и суете, и то, что стремится к успокоению); дхармы психических состояний (ощущение благоприятного, неблагоприятного и безразличного отношения к окружающему); познавательные дхармы (ощущение, восприятие, представление); дхармы сознания и подсознания (подконтрольные сознанию абстракции и то, что неподконтрольно сознанию).

Дхармы, согласно буддизму, никогда не исчезают, а лишь соединяются в различные структуры. В связи с этим и **человеческая смерть понимается как распад одной структуры дхарм и появление другой в образе человека, животного, насекомого, растения** и т.д. Жизнь, по буддизму, – это цепь бесконечных *перерождений*. Чтобы обеспечить себе «хорошее перерождение», не переродиться, скажем, в змею или насекомое, человек должен соблюдать предписания буддизма. Представление о месте человека в мире изложено в многочисленных посланиях Будды. Суть их хорошо видна в обращении Будды к своим ученикам перед смертью.

«Пусть мое учение освещает вам путь жизни! Положитесь на него; не верьте ничему другому. Будьте сами светом себе. Надейтесь только на себя; не надейтесь на других. Блюдайте свое тело, заботьтесь о чистоте его; не поддавайтесь искушениям; разве вы не знаете, что искушения принесут вам страдания? Заботьтесь о душе своей; знайте, что она вечна; разве вы не убеждены в том, что забвение ее, ваша гордыня и себялюбие принесут вам неисчислимы страдания? Будьте внимательны ко всему, что окружает вас; разве вы не видите, что все это извечная «самость?» Разве вы не знаете, что все это со временем распадется на части и будет развеяно? Не пугайтесь страданий, следуйте моим заветам и вы избавитесь от них. Делайте все с душою – и вы будете моими верными учениками.

Друзья мои... Не забывайте, что смерть – это только распадение тела. Тело нам дали родители. Оно вскормлено пищей, поэтому болезни и смерть неизбежны. Но вы знаете, что Будда – это не тело, это Просветление. Тело исчезает, а мудрость Просветления останется навечно. Просветление будет жить с вами в виде Дхармы. Тот, кто видел мое тело, еще не видел меня.

Меня видел тот, кто познал мое учение. После моей смерти вашим учителем будет моя Дхарма. Следуйте этой Дхарме – и вы будете верны мне» [7, с. 11 – 13].

В раннем буддизме упор делался не на мировоззренческие вопросы, а на нормы поведения человека. Эти нормы не отрицали того, что содержалось в приемлемых для народа уже испытанных кодексах жизни. В результате буддизм быстро завоевал многочисленных сторонников. Его победное шествие из Индии по Южной и Восточной Азии началось в III в. до н.э. На рубеже новой эры буддизм распространился в Китае, в IV в. – в Корее и в VI – VII вв. утвердился в Японии.

Естественно, такая громадная по числу адептов религия не могла долго сохранять единство и довольно скоро стала дробиться на секты. Самый существенный раскол произошел в I в., когда в рамках буддизма определились два направления: *хинаяна* и *махаяна*. В IX в. от махаяны отпочковалось своеобразное направление буддизма – *ламаизм*. *Хинаяна* получила основное распространение в странах Южной и Юго-Восточной Азии, *махаяна* – в странах Восточной и Центральной Азии, *ламаизм* – на Тибете и в Монголии.

Хинаяна (букв. «малая колесница») означает «узкий путь спасения». Последователи этого направления считают, что только монашеская жизнь может привести к нирване. Будда в хинаяне почитается не в качестве божества, а как великий учитель. Считается, что он достиг совершенства праведной жизнью и созерцанием. Он указал путь к спасению в виде неукоснительного следования его учению. Обрядность в хинаяне ограничивается главным образом культом Будды и почитанием мест, связанных с его жизнью, поклонением ступам – сооружениям, в которых хранятся буддийские реликвии.

Махаяна (букв. «большая колесница») означает «широкий путь спасения». По учению махаяны, спастись может не только монах, но всякий, кто будет соблюдать определенные заповеди и предписания. Будда рассматривается махаяной как бог. Считается, что было бесчисленное количество будд, что следующий будда сменит ныне существующего через восемь с лишним миллионов лет. В пантеоне махаяны насчитывается более тысячи будд, которые придут к людям в будущем. Еще больше насчитывается бодхисаттв.

Согласно буддийским канонам, **бодхисаттва** — это просветленный человек, который отказывается от нирваны, чтобы помочь всем людям достичь просветления. Бодхисаттвы «сближают» людей с Буддой, приходят к ним на помощь по их зову. Бодхисаттвам помогают **архаты**, т.е. святые, которые достигли познания основополагающих истин бытия и распространяют учение буддизма среди масс населения.

В Японию буддизм занесли китайские и корейские монахи. Многие из них создавали на Японских островах свои секты. Между сектами развернулась борьба на почве Доктрин хинаяны и махаяны. Последняя воспринималась японцами как более приемлемая, поэтому повсюду стали возникать махаянистские храмы. Число монахов росло так быстро, что император

Камму, опасаясь монашеского «нашествия», в 794 г. перенес свою столицу из Нары в уезд Уда.

Новая столица получила название Хэйан. Она просуществовала до 1191 г. (на этом месте теперь находится город Киото). Наиболее значительной особенностью этого периода было распространение влияния буддийских сект тэндай и сингон.

Секта **тэндай** (по-китайски тянь тай) появилась в Японии в 754 г. Ее основателем был японский священник Сайте, прошедший обучение в Китае. В 827 г. ему посмертно присвоили звание Дэнгё Дайси (Великий учитель). Сайте проповедовал доктрину махаяны, согласно которой сущность Будды находится в каждом, кто стремится к самосовершенствованию и хочет стать бодхисаттвой. Для этого, учил Сайте, надо пройти специальные испытания и обучение.

Секта **сингон** (от китайского чжэнь янь – «истинное слово») была основана монахом Кукаем (774 – 835 гг.). Согласно его учению, безграничная вера в Будду ведет людей от мирских забот к спасению. Отличительной особенностью секты явилась ярко выраженная терпимость в отношении синто. Секта примиряла приверженцев синтоизма и буддизма, удерживала своих сторонников от выступлений против синтоистских божеств. Синтоистские священники, в свою очередь, не настраивали прихожан против буддистов. Вскоре на секту сингон стали смотреть как на ветвь буддизма в синтоизме. В результате в 937 г. в японском синто выделилось своеобразное направление, которое получило название **рёбу синто**, т.е. синто-дубль, объединяющее в себе две религии.

В течение XII столетия в Японии возникли четыре другие буддийские секты – **дзедо**, **синею**, **нитирэн** и **дзэн**. Последняя оказалась наиболее влиятельной. Именно этой секте удалось не только в какой-то степени привлечь к себе приверженцев других сект буддизма, но и оказать серьезное воздействие на формирование национальной психологии. Вместе с тем заметное влияние на психологию японцев оказала секта дзёдо, усиленно проповедовавшая **амидаизм**.

Известно, что в сутрах махаяны будда Амида (властитель рая) упоминается наряду с другими многочисленными буддами. В китайском буддизме будда Амида стал известен с VI в. Что касается Японии, то мнения исследователей расходятся, и поэтому трудно здесь назвать какую-либо дату или период. Тем не менее, все известные секты японского буддизма, начиная со средних веков, проповедуют преклонение перед Амидой.

Культовая практика **амидаистов** известна в Японии под формулой нэмбуцу (наму амида буцу). Достаточно, например, умирающему десять раз повторить эту формулу – молитвенное восклицание, как якобы явится Амида и облегчит его страдания. Если то же самое проделает женщина, она может переродиться в мужчину. Наиболее ярые приверженцы Амиды обращаются к нему по многу раз в день: «Доброе утро, Амида!», «У меня недомогание, Амида», «Не будет ли дождь, Амида?», «До свидания, Амида!» и т.д. Обращение к Амиде постоянно совершенствовалось и утончалось. Один из

лидеров секты дзёдо утверждал даже, что он ежедневно по тысяче раз обращается к Амиде.

Преклонение перед Амидой вошло у многих японцев в привычку, повлияло на их поведение, языковое общение, взаимоотношения. Процедура нэмбуцу превратилась в Японии в своеобразную систему психической регуляции. Хорошо известно, что если долго и упорно твердить себе какое-нибудь приказание или запрещение, то результат непременно скажется – мы внушим себе определенную норму поведения. В современных условиях психологи некоторых стран широко применяют метод самовнушения при отучении людей от вредных привычек (курения, употребления наркотиков и т.д.). Японцы же давно практикуют то же самое, следуя предписаниям буддизма [7].

Высшая цель японского буддизма, отмечает японский исследователь Кисимо Хидэо, – **освобождение человека от страданий**. Большинство из них, подчеркивает он, связано с трудностями, возникающими в окружающем мире. Но эти трудности становятся реальным страданием только в том случае, если воспринимать их в качестве страдания. Ключ к преодолению жизненных страданий в самом человеке. Японский буддизм, сосредоточивая внимание на внутренних проблемах человека, рекомендует рациональный подход к переживаниям действительности. В отличие от классического буддизма, проповедующего отказ от желаний, японский пропагандирует разумное к ним отношение. По канонам японского буддизма только нереальные желания являются причиной тревог и беспокойства. «Просветление» (по-японски **сатори**) не связано с отказом от прелестей жизни. Достигнув просветления, как следует из практики современных сект, японец должен продолжать наслаждаться жизнью. Буддизм для японского народа – это жизнеутверждающая религия. Прагматический склад ума побуждает японца смотреть на все с точки зрения полезности. **И синто, и буддизм, и, конечно, конфуцианство – величайшие ценности для японца.**

Библиографический список

1. Япония и ее обитатели. – СПб.: Брокгауз-Ефронь, 1904. – 366 с.
2. Конрад, Н.И. Литература и театр // Избранные труды / Н.И. Конрад. – М.: Наука, 1978. – 464 с.
3. Киллен, К. Вопросы управления (пер с англ.) / К. Киллен. – М.: Наука, 1981. – 241 с.
4. Арутюнов, С.А. Синтез традиционного в материальной культуре народов Восточной Азии / С.А. Арутюнов, Р.Ш. Джарылгасинова // Народы Азии и Африки, 1972. – № 5. – С. 155 – 170.
5. Неожиданные эффекты года Лошади // Наука и жизнь 1983. – № 12. (По материалам журнала «Кагаку асахи», 1982. – № 5). – С. 64 – 67.
6. Свиридов, Г.Г. Некоторые популярные буддийские культы Японии / Г.Г. Свиридов // Япония. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 265 с.

6. ПИФАГОР И ПИФАГОРЕИЗМ

Пифагор явился тем связующим звеном между ведической, арийской, эзотерической культурой, нашедшей выражение во всех странах (Индии, Китае, Японии, Египте) и придал ясность и простоту, нашедшую отражение в эллинской (греческой) мысли, присоединив в ней более энергично и ясно выраженную идею человеческой свободы.

Этот период мировоззрения отражал реформизм взглядов, связанный с утверждением идей арийской, ведической культуры, опирающийся на эзотеризм в Китае (Лао дзы), в Индии (Будда), Сакья Муни, проповедовавший на берегах Ганга, в Италии – этрусское жречество, создавшего книги Сивиллы и т.д.

И не случайно все реформаторы появились в одно и то же время у разных народов мира. Их различные миссии ведут к одной цели. Они доказывают, что в известные эпохи одно и то же духовное течение таинственно проникает через все человечество. Оно исходит из невидимого духовного мира, который находится вне поля нашего зрения, но из которого к нам посылаются все наши гении и пророки. Пифагор, посетивший Африку, Азию, Мемфис и Вавилон, знавший их политику, мировоззрение и великих посвященных, проживающих на этих территориях, обобщил это в своих взглядах, создав предфилософскую картину мира эллинской философии.

Годы странствий

В начале VI века до Рождества Христова остров Самос был одним из самых цветущих островов Древней Ионии. Пифагор был сыном самосского ювелира, который славился своим мастерством изготовления ювелирных изделий на все Средиземноморье, и его жены, которая звалась Парфениса. Дельфийская пифия предрекла молодым новобрачным во время путешествия им «сына, который принесет благо всем людям во все времена». По совету оракула супруги отправились в Финикию, в Сидон, чтобы предреченный сын родился подальше от острова Самос, на котором было не спокойно во времена деспотии Поликрата. Еще до рождения ребенок был посвящен своими родителями свету Аполлона. Когда ему исполнился год, его мать, принявшая имя Пифиада (отмеченная Пифией), по заранее данному дельфийскими жрецами совету, понесла его в храм Адонаи, находящийся в Ливанской долине. Там великий жрец благословил его. Имя было дано Пифагор – предреченный пифией. После этого семья отправилась на остров Самос.

Пифагор с детства был красив, кроток, разумен, родители поощряли его ранний интерес к наукам. Он много беседовал с жрецами, которые к тому времени стали создавать школы, в которых преподавали основы физики. В двадцать лет дискутировал с Фалесом и Анаксимандром в Милете.

Фалес, общаясь с Пифагором, подивился его природной одаренности, которое уже по молве ходило о нем, передал ему свои основные знания, и,

сетуя на старость и слабость здоровья, порекомендовал ему отправиться в Египет, в Мемфис, общаться со жрецами, и получить от них то, что сделает его мудрым в глазах большинства людей. Получив совет от Фалеса, Пифагор отправился в Сидон. Узнав, что в этом городе проживают выходцы из Египта, которые направляются на свою родину, Пифагор поплыл с ними на корабле. Мореплаватели хотели продать Пифагора как раба, но обратили внимание на его поведение, держащегося с достоинством и по-дружески. Корабль же плыл четко в сторону Египта, как будто на нем присутствовал сам бог. Когда корабль прибыл на египетский берег, они, поддерживая Пифагора, который три дня не пил, не ел, не спал, посадили его на самый чистый песок и соорудили перед ним жертвенник из лучших плодов. Подкрепив свои силы, Пифагор с безмятежным видом отправился в ближайшее селение.

Пифагор обходил много храмов. Общался со жрецами, надеясь узнать много нового и полезного. Двадцать два года провел Пифагор в Египте, занимаясь наблюдением за звездным небом, геометрией, постигая таинства богов, пока не был схвачен воинами Камбиза, и не отправлен Вавилон. Там он провел еще двенадцать лет, общаясь с египетскими жрецами и магами в Вавилонской башне, научившись от них главному в их учении, овладев в совершенстве наукой о природе богов, наукой о числах, о музыке. Его освободили, возможно, его выкупил отец Пифагора, и он вернулся на остров Самос, но особого интереса к знаниям у самосцев он не вызвал. Он посетил Делос, побыв у жертвенника Аполлона-Родителя, которого называли «Бескровным», и, совершив там богослужение, получил способность прорицания на всю жизнь. Он также побывал на Острове Крит, в Спарте, изучая законы государственного устройства, затем он вернулся на родину, на Самос. За городом Пифагор устроил себе в пещере жилище для философствования, в котором проводил много дней и ночей, исследовал все полезное в науках, в совершенстве овладев наукой о небесных явлениях, подкрепив их арифметическими и геометрическими расчетами. Его принуждали участвовать во всех посольствах и общественных мероприятиях. Но Пифагор, отстранившись от общественных дел, покинул Самос из-за отвращения к невежеству тогдашних жителей острова, и уехал в Италию. На его занятиях присутствовало до двух тысяч человек, и воздействие Пифагора на них было столь сильно, что они семьями уже не ушли домой, а построили «дом совместного слушания» и организовали общину. Общинники утверждали, что Пифагор явился как бог в человеческом облике, чтобы одарить сметную природу спасательной искрой счастья и целомудрия, и большее благо, которое было даровано богами через Пифагора, не являлось и не явится когда-либо. Аристотель в своем сочинении о пифагорейской общине рассказывает, что в глубокой тайне у них существовало такое разделение: есть три вида разумных существ – бог, человек и существо, подобное Пифагору [1, с. 37].

Пифагорейцы особое внимание уделяли искусству врачевания и искусству угадывания воли богов. Из врачебного искусства они уделяли особое

внимание образу жизни, изучали признаки правильного соотношения питья, еды и отдыха, заботились о приготовлении напитков. Пифагор придумал всевозможные способы приготовления пищи и самые различные смешения соков – вот отчего по своим душевным движениям поистине безумен и многолик человеческий род. Ведь все, что принимается в пищу, производит свое особое состояние души. Но люди сразу этого не понимают. Например, вино, которое выпито в большом количестве, до известного предела делает их веселыми, а затем безумными и безобразными. Состояние души зависит от того, что принимается в пищу [1, с. 127].

Готовили и использовали целебные мази, иногда прибегали к заклинаниям. Музыка тоже имеет большое терапевтическое значение в исцелении.

Фалес и другие учителя открыли перед ним новые горизонты знания, но они его не удовлетворяли. Среди этих противоречивых учений он искал живой связи, синтеза, единства великого Целого. Он хотел преодолеть кризис противоречивых учений, сосредоточить все свои способности в великом усилии увидеть цель, найти путь, ведущий к свету истины, к центру жизни. Милетские мудрецы говорили: «Все исходит из матери-земли, Деметры, Природы. Из ничего не может происходить ничто. Душа происходит из воды или огня, или же из этих двух элементов. Тончайшая эманация элементов, она исходит из них только для того, чтобы возвратиться к ним. Вечная Природа слепа и неумолима. Покорись родовому закону. Единственное твое достоинство состоит в том, чтобы познать его и покориться ему».

Но молодой человек смотрел в небо и видел в небо и видел огненные буквы, которые в их незримой глубине пространства слагались в сверкающие созвездия, видимо определяющие их смысл. Это выражалось у Пифагора в следующем: Земля говорила: *Слепой Рок!* Небо говорило: *Провидение!* А человечество, которое как бы брошено между обоими, кричало: *Страдание! Безумие! Рабство!*

Но в глубине души будущий адепт слышал непреодолимый голос, который отвечал и на цели земли, и на сверкание небес одним криком: *Свобода!* В принципе эти голоса выражали правду, каждый в своей собственной сфере, но ни один из них не раскрывал смысла существования.

Пифагор понял, что *в синтезе трех миров: Земли, Неба и Человека кроется тайна Космоса.*

Космос, управляемый и проникнутый Богом, образует Священную Триаду, необъятный и чистый символ, Источник Природы и образец Богов! Здесь, скрытый в этих геометрических линиях, таился ключ вселенной, закон тройственности, который управляет строением существ, и семиричности, лежащей в основе их эволюции. И Пифагор увидел в грандиозном видении миры,двигающиеся под ритм и гармонию священных чисел. Он увидел равновесие земли и неба, которые поддерживаются человеческой природой.

Три мира: естественный, человеческий и божественный, взаимно поддерживая друг друга и определяя друг друга, исполняют вселенскую драму двойным движением – нисходящим и восходящим. Он угадывал

сферы невидимого мира, окружающий мир видимый и непрерывно оживляющий его. Он понял возможность очищения и освобождения человека еще на земле путем тройного посвящения. Он увидел свою жизнь, свое предназначение в яркой мгновенной вспышке, с непоколебимой уверенностью духа, который чувствуешь лицом к лицу с Истиной. Этот миг освятил его как молнией.

Теперь осталось найти знания, доказать умом, что его могучая интуиция схватила в области Абсолютного.

Он вспомнил слова иерофана храма Адония, сказанные его матери: «О, женщина Ионийская! Твой сын будет велик мудрости, но помни, что если греки обладают знанием Богов, знание Единого Бога сохраняется лишь в одном Египте».

Поликарп, покровительствовавший философам и поэтам, дал ему рекомендательное письмо к фараону Амазису, который представил его верховным жрецам. Жрецы не доверяли грекам, но Пифагор знал, что «божественное знание» приобретается лишь после того, как воля победит все низшее в человеке. Посвящение его длилось 22 года, им руководил жрец Сопхиза. Сотни раз приходилось жертвовать жизнью, особенно, когда приобреталась власть над оккультными силами и на очереди были опасные опыты магии и теургии. Но Пифагор верил в свою звезду. Его не устрашала смерть, потому что он видел жизнь по ту сторону смерти. Когда египетские жрецы увидели его необыкновенную силу души, они открыли перед ним все тайны ведического знания атлантов. У них он изучил священную математику, науку чисел или всемирных принципов, из которых он сделал центр своей системы.

В то же время строгость дисциплины в египетских храмах убедила его, до какой страшной силы может дойти человеческая воля, когда она сознательно упражняется и развивается, и до какой степени безгранично ее влияние как на тело, так и на душу человека.

Жрецы Мемфиса говорили, что «наука чисел и искусство воли – вот два ключа магии, они откроют все двери вселенной».

Пифагор сформировал в Египте свой широкий кругозор, который дал ему возможность познать различные ступени жизни и усвоить науки в концентрическом порядке; понять инволюцию духа в материю путем мирового творчества и его эволюцию или восхождение к единству посредством индивидуального творчества, осуществляющегося благодаря развитию сознания.

Но в это время на Египет обрушилась война во главе с Камбизом, причинившая все бедствия для посвященных, вовлекая их в круговорот испытаний. Фараона Псамменита, закованного в цепи, его дочь в рубище, в сопровождении свиты придворных, наследника престола с двумя тысячами знатных молодых людей, приведенных с уздечками во рту и с поводками на шее, на глазах всех жрецов обезглавили. Жрецов Камбиз отправил в Вавилон и приказал замуровать в вавилонской башне, откуда они никогда уже, после 33-летнего пребывания не вышли живыми.

В Вавилоне Пифагор мог сравнить преимущества и недостатки еврейского единобожия, политеизма греков, троичность индусов и дуализм персов. Он считал, что все эти религии – ключи к единой истине, видоизменяющейся для различных ступеней сознания и для различных общественных условий. Он овладел ключом, т.е. синтезом всех этих доктрин, обладая эзотерическим знанием. Пифагор 12 лет оставался в Вавилоне не по своей воли. Возможно, что отец Пифагора заплатил значительную сумму за его освобождение, или его единомышленник Дэмосед, царский врач, выпросил для него свободу, но после 34-летнего отсутствия Пифагор прибыл на родину, на остров Самос. Он встретился со своим первым учителем Гермодамом и нашел еще в живых свою мать. Но остров был в запустении, школы закрылись, все поэты и философы покинули его при восточном режиме деспотизма.

Дельфийский храм

Город Дельфы, подобен орлиному гнезду на сале, окруженный пропастями, над которыми возвышались две вершины Парнаса. Бронзовые статуи Победы, медные кони, бесчисленные золотые статуи, выстроенные на священной дороге, окружали дорийский храм Феба-Аполлона. В этом храме пророчествовала Пифия, там хранились все жертвуемые сокровища. Пифия садилась на треножник у расселины скал, откуда вырывались холодные пары, вызывающие, по преданию, вдохновение и экстаз, странные припадки, открывающие у нее второе зрение, которым отличаются сомнамбулы.

Глубокая связь соединяла пророчества древности с солнечными культами, она являлась золотым ключом всех древних мистерий.

Поклонение арийцев солнцу, как источнику света, тепла и жизни, возникло в самом начале арийской цивилизации. Но когда мысль мудрецов поднялась от проявленного мира к его причине, она постигла, что за этим осязаемым огнем и видимым светом скрывается невещественный огонь и свет разума. Первый свет и огонь мудрецы отождествили с мужским началом, с творческим духом или с разумной сутью вселенной, а второй свет и огонь – с его женским началом, с его организующей душой, с его пластической субстанцией. Это олицетворение встречается во всех древнейших мифологиях. Оно же проявляется во всех ведических гимнах, под формой Агни, всемирного огня, проникающего все сущее. Это раскрывается в религии Зороастра, эзотерическая сторона которой кроется в культе Мифраса. Мифрас есть мужской огонь, а Митра – женский свет. Зороастр ясно высказывает мысль, что Предвечный создал посредством живого Глагола небесный свет, семя Ормузда, начало материального мира и огня. Этому свету поклонялись в Египте под именем Озириса. В Книге Мертвых души умерших медленно плывут к этому Свету в барках Изиды. Моисей в книге Бытия писал: «и сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Создание этого света предшествовало созданию солнца и звезд, это означает. Что в порядке космогенеза невещественный свет предшествует вещественному. Греки отразили этот миф через идею мифа об Аполлоне Гиперборейском.

Пифагор появился в Дельфах после того, как обошел все храмы Греции. До этого он присутствовал на олимпийских играх, был на элевсинских мистериях... Всюду его встречали как имеющего власть. В Дельфы он пришел для восстановления искусства пифии и оракулов, которое к тому времени пришло в упадок.

Пифагор к этому времени достиг уже полной зрелости. Он носил белые одежды по-египетски, и пурпурную перевязь на лбу. Беседы самосского мудреца с высшими представителями греческой религии имели очень важное значение для возрождения искусства прорицания и вдохновения, а также о будущем Греции и всего мира. Он делился с ними египетскими знаниями, полученными в глубине пирамид, мистериями Изиды и Осириса. Затем он раскрыл перед ними тайны халдейских магов, их оккультные знания, сохранившихся в храмах Вавилона, где они вызывали живой огонь, в котором появлялись образы демонов и богов.

Пифагору удалось поднять пифию на такую высоту вдохновения, которая сделала ее факелом, при свете которого она могла измерять свою собственную жизнь, проникать в возможное будущее и направляться в пространства невидимых миров. Это искусство Пифагора доказало жрецам истинность его учения, вызвало в них энтузиазм и оживило их веру. Дельфы получили возможность снова стать центром жизни и духовной деятельности Греции.

Пифагор пробыл в Дельфах целый год и лишь после того, как жрецы были посвящены во все тайны оккультных наук, он отправился далее.

Орден Пифагора и его учение

В городе Кротоне Пифагор остановился и создал свою школу, которая стала матерью платоников и проматерью всех идеалистических школ. Цель его учения заключалась в том, чтобы не только передать учение группе учеников, но и применить идеи этого учения к воспитанию юношества и к жизни государства. Ему удалось своими речами вырвать молодежь из пут разврата, богатых женщин отказаться от тщеславия и изнеженности и Совет тысячи города Кротона разрешает создать пифагорейскую школу – храм Муз. Так возникла пифагорейская школа, которая стала коллегией этического воспитания и академией наук, и образцовой общиной под руководством великого Посвященного.

В пифагорейский союз брали только тех, кто проходил определенные испытания.

Первая ступень посвящения. Она связана с послушничеством, называемой подготовлением, которое длилось не менее двух лет, а могло продлиться и до пяти. Послушники во время обучения должны во время уроков соблюдать абсолютное молчание, не спрашивая учителей, а думать в одиночестве. Во время обучения ему показывали статую женщины в белом, с пальцем, приложенным к губам – Муза молчания. Этим Пифагор пытался развить у учеников *интуицию*.

Запечатлевая в сердцах молодых людей любовь к родителям, он отождествлял это чувство с идеей отца, с идеей Бога, великого творца всей Вселенной. Родители не даются нам случайно, как думает неведующий, но благодаря тому высшему порядку, связанному со всем, что предшествует человеку, Это можно назвать судьбой. Родителей нужно уважать, какими бы они ни были, а друзей можно выбирать. В дружбе стимул всех добродетелей, поэзия жизни, путь к идеалу. Утром и вечером пели *золотые стихи* Пифагора. Ученику объясняли, что Боги различные с виду, но в сущности одни и те же у всех народов, потому что они соответствуют тем разумным силам, которые действуют во всей вселенной. У учеников рождалась терпимость ко всем культам; единство всех народов в человеческой эволюции, к единство религий в эзотерической науке. В глубине античных мистерий все Боги сводились к единому верховному Богу. Это откровение становилось ключом к пониманию Космоса, но эту идею оставляли до основного посвящения, ученику давали лишь предвидение этой истины в отражениях, перенесенных на музыку и числа. Учитель говорил, что числа заключают в себе тайну вещей, а всемирная гармония есть совершенное выражение Бога. Семь священных ладов, построенных на семи нотах семиструнника, соответствуют семи цветам света, семи планетам и семи видам существования, повторяющимся во всех сферах материальной и духовной жизни. Мелодия должна настраивать ученика на гармонию жизни, на дуновение истины. Этому очищению души соответствовало и очищение тела, которое достигалось строгой гигиеной и дисциплиной нравов, хотя это не предполагало аскетизм, а требовало целомудрия – источник силы и совершенства. (На вопрос ученика: Когда можно приблизиться к женщине? Пифагор отвечал: когда тебя утомит твой покой). Питались ученики довольно умеренно: хлеб, мед, оливы.

Иногда устраивалась оригинальная церемония, вероятно для того, чтобы поразить воображение учеников: когда кто-либо из них покидал добровольно школу и возвращался к прежней жизни, или когда ученик выдавал тайну эзотерического учения, что случалось крайне редко, посвященные воздвигали гробницу в ограде святилища, как бы для умершего. Совершая эту церемонию, Учитель говорил: «он более мертв чем мертвец, ибо он возвратился к дурной жизни; его тело двигается среди людей, но душа его умерла; будем оплакивать его».

Вторая ступень посвящения – очищение.

Настоящее посвящение начинается с того момента, когда ученик вошел в жилище учителя, проник во двор. Отсюда и название *эзотерический* (принятый во внутрь), а не *экзотерический* (оставленный во вне).

Ученику сообщалось в виде откровения полное обоснование оккультных наук, начиная с первооснов, заключенных в таинственной науке чисел, до последних результатов мировой эволюции, до высшего назначения божественной Психеи, души человеческой. Наука о числах была известна в тайных учениях Азии и Египта, но она тщательно скрывалась от непосвященных.

Цифры, буквы, геометрические фигуры, служившие алгебру оккультизма сообщались Посвященному только после того, как он давал клятву молчания.

Ученики Пифагора назывались «математиками», потому, что обучение начиналось с учения о числах. Но эта священная математика или наука принципов была иная. Чем современная математика. Она была и более трансцендентна и более жизненна, и рассматривало *Число* не как абстрактное количество, а как существенное и деятельное качество верховной *Единицы*, Бога, источника мировой гармонии. Наука чисел была наукой живых сил, божественных качеств в действии, как в мирах, так и в человеке, как в макрокосме, так и в микрокосме. Следовательно, проникая в свойства чисел, схватывая и объясняя их разнообразные сочетания, Пифагор создавал, в сущности, целую теогонию, или обоснованную на разуме теологию. Истинная теология должна опираться на все науки.

Для древнего Посвященного, у которого духовное зрение пробуждалось постепенно как новое чувство восприятия, это внутреннее откровение являлось скорее вознесением к центру пламенеющего солнца Истины, откуда он созерцал все существа и формы, брошенные в водоворот жизни божественной эманации. Для достижения этого откровения требовались годы упражнений, нужно было овладеть творческим словом, научиться складывать священный глагол, буквы за буквой, слог за слогом.

Внутри круглого храма пифагорейцев стояли девять мраморных Муз. Урания наблюдала за астрономией и астрологией; Полимония владела наукой потусторонней жизни и искусством прорицания; Мельпомена представляла науку жизни и смерти, трансформаций и перевоплощения. Эти три музы вместе олицетворяли собой всю космогонию или небесную физику. Каллиопа, Клио и Эвтерия являлись представительницами человеческой или психологической науки с соответствующими им искусствами: медицина, магия и мораль. Терпсихора, Эрата и Талия заведовали земной физикой, наукой элементов, камней, растений и животных.

Затем Пифагор открывал свою книгу Глагола (которая до нас не дошла) и начинал свое эзотерическое учение. «Эти Музы – не более как земной образ божественных сил, духовную красоту которых вы будете созерцать внутри себя. Как они устремляют свои взоры на огонь Весты, из которого все они произошли и который дает им движение. Ритм и мелодию, также должны и вы погружаться в центральный Огонь вселенной, в божественный разум, чтобы вместе с Ним изливаться во все видимые проявления» [2, с. 254]. Пифагор увлекал учеников из мира видимых форм, уничтожал время и пространство и уносил в *великую Монаду*, в самую суть несотворенного бытия. Пифагор называл ее Единицей, заключающей в себе всю полноту гармонии, которое есть мужское начало всепроникающего Огня, самодвижущийся Разум, нераздельный и непроявленный, творящий переходящие миры, Единый, Вечный, Неизменный, скрытый под многообразием форм, которые приходят, уходят и изменяются.

Бог – Неразделимая сущность, имеет своим *числом* Единицу, которая содержит в себе Бесконечность, *именем* – имя Отца, Создателя, или Вечно-

Мужское, *знаком* – живой огонь, символ Духа, в котором сущность всего. Это есть начало всех начал.

Пифагор считал, что великая Монада действует посредством творческой Диады. С этого момента Бог двойственен: неразделимая сущность и делимая субстанция; начало мужское, активное, творящее, и начало женское, пассивное, или пластическая живая материя. Мужское и женское – слитны.

В человечестве – женщина представляет собой природу, и совершенным подобием Бога является не человек, но мужчина и женщина. Отсюда их непреодолимое, могучее, роковое влечение друг к другу? Отсюда и упоение в любви, в котором проносится мечта бесконечного творчества и темное предчувствие, что Вечно-Мужское и Вечно-Женское достигнут совершенного слияния только в боге. Диада – это производительное свойство, вызывает к жизни вселенную, это – раскрытие Бога в пространстве и во времени.

Проявленный мир – тройственный, ибо как человек состоит из трех различных элементов, сплавленных вместе, из тела, души и духа, так и великая вселенная делится на три концентрических сферы: мир естественный, мир человеческий и мир божественный.

Таким образом, Триада или закон троичности есть образующий закон вещей и истинный ключ жизни.

Пифагор признавал, что человеческий дух в своей бессмертной, невидимой и абсолютно-деятельной природе, происходит от бога. Ибо дух есть то, что мы называем душой, что движется само собой. Тело – смертная и пассивная часть. Душа тесно связана с духом, но состоит из третьего опосредованного элемента, который называет *космическим флюидом*, поэтому душа подобна *эфирному* телу, который дух тклет для себя сам. Без этого эфирного тела материальное тело не могло бы не только развивать живые силы, но было бы инертной массой. Душа обладает формой сходной с телом, которое переживает после смерти и распада. Пифагор и Платон называли душу легкой колесницей, которая увлекает дух в божественные сферы, или увлекает в мрачные области материи, в зависимости от свойств души: хорошие или дурные [2, с. 258].

Закон троичности приобретает у Пифагора первенствующее значение. Все великие создатели религий знали этот закон, все теософы предчувствовали его. Зороастра говорил: «Число три царствует повсюду во вселенной, Монада же есть начало его» [2, с. 268]. Человеческая и божественная троичность, заключенная в монаде, образует *священную Тетраду*. Это показывают нам культы Троицы в Индии (Брахман, Вишну, Шива) и святой Троицы в христианстве (Отец, Сын и Святой Дух). В Тетраграмме заключены основы наук, закон существ и способ их эволюции, но и источник различных религий и их верховного единства.

В Тетраграмме Пифагор увидел главные четыре первых числа, которые можно складывать или умножать между собой и найти все остальные числа. Все многообразие существ, образующих вселенную, происходит из

сочетания трех первичных сил: материи, души и духа, под творческим началом божественного единства, которое их смешивает, дифференцирует, сосредоточивает и дает им силу.

Вместе с тем, с другими учителями эзотерических наук, Пифагор придает большое значение цифрам семь и десять. Состоя из трех и четырех, семь означает соединение человека с божеством; это – число адептов, великих посвященных и так как оно выражает полное осуществление всего, проходящего через семь степеней, то оно является изображением закона эволюции. Число десять, образуемое из сложения первых четырех чисел и заключающее в себе число семь, есть совершенное число, ибо оно выражает собой все начала Божества, сначала развившиеся, а затем слившиеся в новом единстве.

Заканчивая преподавание своей теологии, Пифагор показывает своим ученикам девять Муз, олицетворяющих науки, сгруппированных по три вместе, – Муз, соответствующих тройной троичности, проявленной в девяти мирах и образующих вместе с Вестой, хранительницей первичного Огня, *священную Декаду*.

Третья ступень посвящения

Разрывая покров мифологии, посвящение отрывало ученика от мира видимого, уводило его в безграничное пространство, погружало в волны высшего разума, откуда Истина излучалась на все три мира. Наука чисел была лишь вступлением к посвящению. Изучение эзотерических наук Пифагор проводил по ночам, под куполом звездного неба, на террасах храма Цереры.

Аристотель утверждал, что пифагорейцы знали о движении земли вокруг солнца. Коперник рассказывает, что идея о вращении земли вокруг солнца и вокруг своей оси пришла ему в голову при чтении Цицерона, у которого сказано, что какой-то Гицетий из Сиракуз говорил о суточном движении земли.

Пифагор на третьей ступени посвящения рассказывал своим ученикам о двойном движении земли. Все планеты вращаются тоже вокруг солнца, Звезды – это солнца, со своей солнечной системой, управляемые такими же законами, как и наша солнечная система, и что каждая система имеет свое место в великой вселенной. Каждый солнечный мир образует свою маленькую вселенную, которая имеет свое соответствие в мире духовном и обладает своим собственным небом. Планеты были как бы лестницей, ведущей к солнцу. Но эти идеи оказались бы кощунственными по отношению к мифологии, поэтому Пифагор их не высказывал публично, их передавали посвященным как великую тайну.

Видимая вселенная, небо со всеми звездами, есть ничто иное, как преходящая форма Мировой Души, Великой Майи, которая сосредоточивает материю, разбросанную в мировом пространстве, а затем растворяет ее и разбрасывает в виде невесомого космического флюида. Каждый солнечный вихрь обладает частицей этой Мировой Души, которая в течение миллиона

веков развивается в его лоне с особой, свойственной этому вихрю энергией и мерой.

Живые существа и души, которые должны появиться на светилах маленькой вселенной, происходят от Бога, спускаются от Отца, т.е. исходят из высшего духовного порядка и из предшествующей материальной эволюции, из потухшей солнечной системы. Из этих духовных сил, одни – абсолютно бессмертны, они руководят образованием нового мира; другие же ожидают его рождения в состоянии космического сна, чтобы сообразно своему роду в соответствии с вечным законом, снова вступить в ряды видимых существ.

Между тем, солнечная душа и ее центральный огонь, непосредственно движимой великой Монадой, работает над расплавленной материей. Планеты – дочери Солнца. Каждая из них созданная присущими материи силами притяжения и вращения, одарена полусознательной душой, исходящей из солнечной души, имеет свой особый характер, свою специальную роль в эволюции. Каждая планета есть выражение Божественной Мысли, каждая исполняет свою роль в планетарной цепи, поэтому древние греки называли планеты специфическими, им свойственными именами великих богов, отражающим собой божественные качества, действующим во вселенной.

Четыре элемента, из которых образовались светила и все существа, обозначают четыре постепенные состояния материи. Первый из них, как самый плотный и самый грубый, является несовершенным проводником духа; последний самый тонкий элемент наиболее родственен духу, является самым совершенным. Земля – состояние плотное; вода – жидкое; воздух – газообразное; огонь – невесомое состояние. Пятый элемент – эфир – состояние материи столь тонкое и подвижное, что оно уже лишено атомистичности и обладает всепроникающим свойством. Это и есть первичный космический флюид или астральный свет.

Пифагор рассказывал затем ученикам о космических изменениях земли по египетскому и азиатскому преданию. Первоначально земля была расплавленной, окруженной газообразной атмосферой, которая постепенно охлаждалась, превращаясь в жидкость, образовала моря (Космическое время – слезы Сатурна). Затем появилось время царства природы и невидимых зародышей, витающих в эфирной ауре земли, вихрями они носились в воздушном покрове, а затем привлекаются в глубины морей и выступают оттуда в виде континентов. Смешанные растительные и животные миры появляются одновременно. Эзотерическая доктрина рассматривает трансформацию зоологических видов не только вследствие второстепенного закона *подбора*, но и вследствие основного закона *проникновения* в землю сверхфизических сил и воздействия разумных начал и невидимых сил на все живые существа. Если на земле появляется новый вид, это означает, что более высокого типа души воплощаются в данную эпоху в потомков прежнего вида для того, чтобы поднять его на высшую ступень, формируя и преобразуя его по своему образу.

С точки зрения земной эволюции, человек есть последний отпрыск и венец предыдущих видов, но созданию человека должно предшествовать царство духовного человечества, которое руководит развитием земного человечества и посылает ему все новые потоки душ, которые воплощаются в его недрах и принуждают бороться с силами природы для поддержания своего существования.

Получив свои знания в храмах Египта, Пифагор имел представления о переворотах на земле. Индусская и египетская доктрины знали о существовании древнего континента, на котором возникла красная раса и расцвела могучая цивилизация, названная греками Атлантидой.

Эзотерическая доктрина приписывала попеременное погружение и появление континентов из-за колебания земных полюсов и считала. Что человечество должно пережить шесть таких потоков. Каждый цикл между потоками несет с собой преобладание одной из великих человеческих рас. Посреди временных и частичных затемнений цивилизации и человеческих способностей, общее непрерывное восхождение вверх не прекращается.

Девиз посвященных: «Познай самого себя и тогда ты познаешь вселенную». Но чтобы проникнуть во вселенную, необходимо очищение души и оружие в виде Разума, науки и священных чисел.

После эволюции земли идет эволюция души, вне посвящения это называется переселение душ (трансмиссия). Эта наука составляет Веней теософии. Эта наука глубоко связана тайнами духовного зарождения, с проблемой пола и телесного рождения, от которого зависит судьба будущего человечества. Эту небесную проповедь учителя ученики слушали ночью в храме Цереры в гроте Прозерпины. Душа человека является частицей Великой Мировой души, искра божественного Духа, бессмертная монада. Душа, слепая и смутная в минерале, индивидуализированная в растении, поляризованная в чувствительности и в инстинкте животного на протяжении всего медленного процесса стремится к сознательной монаде.

По эзотерическим преданиям Индии и Египта, индивиды, проживающие сейчас на земле. Начали свое человеческое существование на других планетах, где материя менее плотная, чем на нашей планете. Воплощаясь в плотную материю, утерял свое духовное сознание, но усилившаяся борьба с внешним миром развило его разум, интеллект, волю. Земля есть последняя ступень спуска человека в материю, которое Моисей называет «изгнанием из рая», о Орфей – «падением в подлунный мир».[1, с. 269]. Обретая свою деятельность и божественное сознание, человек становится Сыном Божиим.

У людей загипнотизированных, у сомнамбул, и ясновидящих сон развивает новые способности души, которые кажутся нам чудесными, но которые не что иное, как естественные способности души, освобожденной от тела. При пробуждении, такие ясновидящие совсем не помнят, что они видели, говорили и делали в своем зрячем сне, но во время сна и иногда с математической точностью предсказывают то, что будет в следующем сне. У них как бы два сознания, две сменяющиеся и, совершенно различные жизни,

из которых каждая имеет свое разумное продолжение и которые завертываются вокруг одной и той же индивидуальности.

Действия одной жизни роковым образом отражаются на следующей. Человек рождается не только с теми инстинктами и способностями, которые он развил в своем предшествующем воплощении, но сам характер его существования определяется тем употреблением хорошим или дурным, которое он сделал в предыдущей жизни. Нет ни одного слова, ни одного действия, которые бы не отразились в вечности. По эзотерическому учению, по мнению Пифагора, кажущиеся несправедливости судьбы, уродливости, несчастья, удары рока, бедствия всякого рода находят свое объяснение в том, что каждое отдельное существование есть или награда, или наказание предшествующего. Здесь может и быть и движение вперед к духовности и разуму, а также и назад – к животному состоянию. По мере того, как душа поднимается по ступеням эволюции, она принимает все большее участие в своих перевоплощениях. Душа, владеющая высшим признанием, избирает воплощение не для себя, а для общего блага. Предание утверждает, что посвященные первой ступени, божественные пророки человечества, помнят свои предшествующие земные жизни. Легенды гласят, что Сакья Муни во время своих экстазов восстановил нить своих предыдущих воплощений, а Пифагор не только помнил многие события своей жизни, но и утверждал, что в предыдущем воплощении он был богом Аполлоном, что у него сохранилось золотое бедро, оправдывающее его хромоту.

В каждой жизни нужно выдержать борьбу, определить выбор между добром и злом, принять массу судьбоносных решений. И может быть один единственный час, когда душа, достигшая полного сознания добра и зла, может последним высшим напряжением подняться до такого уровня, откуда ей уже не надо никогда спускаться, когда начинается ее вечное пребывание в высших областях бытия.

Логично допустить, что в планетной цепи, т.е. в последовательных эволюциях нашего человечества на других планетах, человеческие воплощения будут более эфирными, что определит их божественное состояние из-за отсутствия жизни и смерти, окончательно сольется с божественным Разумом. По Пифагору, человек в бессознательном состоянии будет обладать творческой деятельностью в божественном сознании, он станет полубогом [1, с. 282]. Для него будет равносильно знать и мочь, любить и творить, существовать и излучать истину и красоту. В склепе Персефоны ученики дают клятву служения видимому и невидимому миру и выходят в белых одеждах на восходе солнца, творя гимн Аполлону.

Четвертая ступень посвящения

В четвертой ступени посвящения у учеников открывается звездная перспектива, мир разворачивается как единое целое – *Эпифания* вселенной.

Пифагор заставлял своих учеников странствовать в неизменных просторах Космоса, погружая их в бездны невидимого. Истинные посвященные возвращались на землю после великого странствия закаленными для испытаний жизни. За испытанием разума шло воспитание воли, самое

трудное для каждого. Ученик должен был низвести истину бытия в свою глубину существа и применить ее ко всем фактам жизни. Для этого надо было достигнуть трех совершенств: осуществить истину в разуме, праведность душе, чистоту в теле. Мудрая гигиена и разумная воздержанность нужны для того, чтобы не было загрязнения тела физического, от этого страдает тело астральное. Душа должна, освященная разумом, приобретать мужество, способность к самоотречению, приобретать преданность и веру, достигать праведности, побеждать низшую природу человека. И, наконец, для интеллекта нужна мудрость, чтобы различать добро и зло и видеть Бога, как в самых малых существах, так и в мировом целом.

На этой высоте, на четвертой ступени посвящения человек становится *адептом*, он обладает новыми способностями и силами. Внутренние чувства души раскрываются, воля становится творческой. Его телесный магнетизм, наэлектризованный волей, приобретает сверхъестественное могущество, способное лечить людей, читать его мысли, видеть события прошлого и будущего. Адепт может действовать на расстоянии: сосредоточивая мысли и волю на людях, которые соединены с ним узами личной симпатии, может им являться, его астральное тело может перемещаться независимо от физического тела. Адепт чувствует себя окруженным невидимыми, высшими силами, светлыми Существами, помогающими ему и дающими силу в его миссии.

Древняя Греция знала трех таких адептов: Орфея на заре эллинизма, Пифагора в его апогее и Аполлона Тианского во время упадка греческой культуры. Орфей был основателем греческой религии, Пифагор – организатором эзотерической науки и философской школы, Аполлон Тианский – магом, стойком и проводником нравственности.

Пифагор был адепт высшей категории с научным умозрением и философским складом ума, который очень подходит современному человеку. Религиозный человек и истинный философ, тем более теософ, посвященный видит своим взором три мира, а не один. Первый мир – мир темной материи и животного начала, где царствует неизбежная *Судьба*. Второй мир – светлый мир Духа, где царствует божественный закон – *Провидение*. Между ними есть полумир человечества, основанием располагается в мире естественном, а вершиной идущей к божественному началу, где гением является *Свобода*. Таким образом, над прошлым человека господствует *Рок*, над будущим – *Свобода*, а над настоящим, вечно сущим властвует *Проведение*. Дельфийские и Элевсинские жрецы, а также философы, теософы и посвященные не стремились передать эти глубокие идеи народу, который мог их превратно понять и злоупотребить ими.

Между людьми существуют значительные различия, которое происходит от сущности индивидов, от степени достижения ими духовной эволюции, поэтому всех людей можно распределить на четыре класса с бесконечными подразделениями и различиями.

1. Люди, воля которых связана преимущественно с телесными потребностями, их называют действующими по инстинкту. Они способны не только на физическую работу, но и на творческую деятельность разума в пределах физического мира.
2. Люди, чья воля и сознание сосредоточены в духовном мире, в области чувствования, воздействующего на интеллект. Люди подвижны одушевлением или страстью. По своему высокому темпераменту они могли бы быть воинами, артистами, поэтами, литераторами, учеными, ибо живут в условных идеях, направляемых страстями и не поднимаются до всеобъемлющего миропонимания.
3. Люди, воля которых сосредоточена на чистом разуме, освобожденном от страстей, материального мира, уходящие мыслью во всеобъемлющий характер идей. Это – общественные и государственные деятели, истинные поэты, высокой категории, философы и мудрецы. Они, по мнению Пифагора и Платона должны бы управлять человечеством. Страсти эти люди не лишены, но она служит разуму.
4. Люди, у которых господство разума над душой и интеллектом соединяются с господством воли над самим человеком. Они покоряют свою природу, овладевают своими способностями, тем самым приобретают великое могущество над другими людьми. Это – адепты, великие посвященные, высшие гении, которые содействовали преображению человечества. Но рождаются в истории общества они крайне редко.

На территории Древней Индии людей разделили на категории, касты во времена ведической культуры, основываясь на внутренних началах человека. Но со временем это, вполне основательное и плодотворное разделение было извращено и стало привилегиями, в основном, жрецов и аристократов. Категории, посвящения людей в разные касты, уступило место наследственности, что привело к замкнутости каст, их внутреннему вырождению.

Египет, сохранивший при всех фараонах тройной общественный строй с открытыми и подвижными кастами, принцип посвящения для жречества и экзамены для всех военных и гражданских должностей, прожил от пяти до шести тысячелетий, не изменяя своих учреждений.

Греция, со своим непостоянным характером постоянно переходила от аристократии к демократии, затем тирании и вновь шла по прежнему кругу как больная. Может она нуждалась в этом возбуждении, чтобы сделать свою основную работу: передачу глубокой, но туманной Восточной мудрости, ясным и доступным языком; творчество Красоты посредством искусства и основание открытой, опирающийся на земной разум, науки, заменившей тайное посвящение, опирающееся на интуицию. В общественной жизни Греция всегда жила незаконченно и напряженно, великая реформа Пифагора,

согласованная с вечными началами и он сам приведены были к крушению в демократических преобразованиях общественных перемен.

Пифагор учил, что вечная Истина проявляется в союзе Мужчины и женщины. Красоту священных чисел они находили в самой жизни, божественное отражение для них были в великой мистерии Пола и Любви.

Женщина, чтобы исполнять свои обязанности супруги и матери должна пройти особое посвящение. Оно существовало в Древней Индии в ведические времена, когда женщина была жрицей у домашнего алтаря. В Древнем Египте оно было представлено мистериями Изиды. Орфей учредил этот обряд посвящения в Древней Греции. Такое посвящение проходило в мистериях Диониса, а также в храмах Юноны, Дианы, Минервы и Цереры. Там они получали советы и правила, которые касались отношения полов, интимных отношений супругов, года и месяца, благоприятных для счастливого зачатия ребенка. Преподавалась наука супружеской жизни и материнства. До семи лет дети были под присмотром матери в гинекее, куда муж не имел права заходить, т.к. дети нуждались в теплой атмосфере любви и заботы как нежные растения, которые нужно защищать охраняющей любовью матери. Женщина была жрицей семьи, хранительницей священного семейного огня, Вестой очага.

Пифагор учредил в своем ордене специальное отделение для женщин, в котором при посвящении, женщины принимали вместе с обрядами и заповедями свои высшие принципы женских обязанностей. Мужчина и женщина при полном слиянии телесного, душевного и духовного могли составить целую вселенную. Женщина должна видеть Бога, в пребывающем с ней мужчине, поэтому и мужчина должен быть посвященным, он должен быть ее идеалом. Мужчина творит все желанием и волей, а женщина – любовью.

Любить – это значит забывать себя. В этом женщина находит свой венец и свое бессмертие. Для отца и матери, знающих о том, что душа ребенка существует до своего земного рождения, становится священнодействием, призывом души к воплощению. Плохие матери привлекают к себе души темные и злые, тогда как нежные и чистые матери притягивают к себе светлые души. Задача матери заключается в том, что она облегчает этой душе в плотской ограниченности смягчить предстоящие ей испытания при рождении и жизни.

Учение Пифагора, исходя из глубин Абсолютного, начинается с божественной Троицы, а завершилось в самом центре жизни идей человеческой триады. В Отце, Матери и Ребенке, Пифагор научился узнавать Разум, Душу и Сердце живой вселенной. Это создавало, по мнению Пифагора, фундамент общности, задуманной по идеальным линиям, идею того величественного здания человеческой жизни, для которого каждый посвященный должен принести *свой* камень.

Жизнь и школа Пифагора

Пифагору было шестьдесят лет, когда в его школе появилась необычайной красоты девушка Феано. После света полученных знаний и света,

исходившего от пламенной силы и слов учителя, девушка загорелась к нему любовью. В пещере Прозерпины она призналась ему в своей любви, в ней Пифагор нашел достойную подругу, хотя до этого времени жил в состоянии аскетического воспитания, отдавая всю любовь каждому члену союза, созданному им. Она стала центром пифагорейского ордена после смерти Пифагора, к ней обращались как к авторитету относительно учения чисел. Она родила двух сыновей: Аримнеста и Телаугеса и дочь Дамо. Телаугес стал учителем Эмпедокла и передал ему тайны пифагорейской доктрины.

Дамо тоже была достойна во всех отношениях своего знаменитого отца и матери. Она руководила хором молодых девушек в храме Муз. Пифагор доверял ей свои манускрипты, которые она не имела права никому передавать, кроме членов семьи. После того, как пифагорейцы рассеялись при попытке уничтожения ордена, Дамо жила в большой бедности, но никому не продавала за огромные деньги записи своего отца.

Пифагор прожил в Кротоне 30 лет, его считали полубогом, его власть на Итальяском побережье была огромной, как и влияние на политику ближайших государств.

Пифагор, государственный идеал которого представлял идеал гармонии, был чужд и гнету олигархов и хаосу демократии, он стремился внести изменения в дорийскую конституцию, создать новое устройство – власть науки с совещательным и решающим голосом во всех основных вопросах – высший регулятор власти. Над аристократической конституцией *Советом Тысячи* он вносит *Совет Трехсот*, состоящий из посвященных. Это почти прообраз египетского жречества. Союз Трехсот должен был внести начало посвящения и соответствующих экзаменов для правителей государств, соединить в этом высшем синтезе и выборное демократическое начало, и управление общественными делами, предоставленное наиболее умным и добродетельным людям. Совет трехсот образовал, таким образом, нечто вроде научного, политического и религиозного ордена, главой которого был признан сам Пифагор. Вступление в этот орден сопровождалось клятвой сохранять тайну, как это было и в мистериях.

Представители этого ордена имелись почти во всех городах древней Греции, пифагорейский орден становится во главе государств Южной Италии и в этрусских городах. Там почти везде устанавливался порядок, справедливость и единство общества.

Но к 80-летнему возрасту Пифагора возникла политическая реакция, произошел народный мятеж в городе Сибарисе – конкуренту города Кротону. И аристократическая партия была побеждена. Победившая партия просила приюта в Кротоне, но правители Сибариса требовали их выдачи. Но Пифагор просил отменить выдачу перепуганных беглецов, из-за чего началась война. Армия кротонцев, руководимая знаменитым атлетом Милоном, победила и стерла с лица земли город Сибарис. Естественно, Пифагор был недоволен таким исходом битвы. Но ни он, ни Милон, не могли удержать спасти разнузданного войска, разжигаемого чувством мести к своему давнему сопернику. Народ потребовал раздела земли взятого города.

Демократическая партия потребовала смены конституции, отнять привилегии у Совета Трехсот, установить единовластие народа.

Килон – кротонец – был изгнан из ордена пифагорейцев в силу своего деспотического характера, открыл явную пропаганду против ордена, создал клуб, имеющей враждебную пропаганду против Пифагора. Он искажает слова Пифагора, написанные им к книге *Священное Слово*. Килон с трибуны обращался к народу с такими словами: «Кто этот учитель, этот воображаемый полубог, которому все до того слепо подчиняются, что стоит ему отдать приказание, как все братья уже кричат: учитель сказал! Кто он, как не тиран Кротона, да к тому еще «сокровенный», следовательно, самый худший из тиранов? Откуда происходит эта неразрывная дружба между членами пифагорейской гетеры, как не из глубокого презрения к народу? У них вечно на языке изречение Гомера: *властитель должен быть пастырем своего народа*. Не выходит ли из этого, что для них народ не более, как презренное стадо животных? И даже само существование ордена есть непрестанный заговор против народных прав! Пока он не будет уничтожен, невозможна свобода в Кротоне» [2, с. 301].

Вечером, когда сорок четыре главных члена ордена собрались в Кротоне в доме Милона, Килон, собрав своих сторонников, окружил дом, заперли двери и подожгли его. В живых остались лишь Архип и Лизис.

Пифагор был адептом, Посвященным первой степени; он обладал духовной способностью непосредственного восприятия и у него был ключ к оккультным наукам и к духовному миру.

Первейшие сообщения о Пифагоре можно найти у Гераклита и его современника Геродота. Гераклит относился к Пифагору отрицательно: «Многознание уму не научают, иначе оно научило бы Гесиода и Пифагора, а также Ксенофана и Гекатея». Пифагор предался исследованию больше всех людей, и, вобрав для себя (из них) мудрость: многознание и обман» [3, с. 49]. А Геродот называет Пифагора мудрейшим из эллинов, или, как сказано в новом переводе первой европейской истории, «величайшим эллинским мудрецом» [3, с. 49].

Подводя итог учения Пифагора, можно сказать, что это был великий философ, рассматривающий философию как вид рационального познания мира, имеющего целью приобретения мудрость для его преобразования, а также Пифагор был Великим Посвященным, считавшим, что все основные Истины этого мира раскрываются лишь немногим. Он провел в мифологии водораздел между философией (наукой) и религией (паранаукой), между гностическим и эпистемологическим методами познания Бытия, Бога и Человека.

Библиографический список

1. Ямвлих. Жизнь Пифагора / Ямвлих / Издание подготовил В.Б. Черниговский. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: АЛТЕЙА НОВЫЙ АКРОПОЛЬ, 1998. – 248 с.

2. Щюре, Э. Великие посвященные. Очерк эзотеризма религий / Э. Щюре – Второе исправленное издание. Репринтное воспроизведение издания 1914 г. / Ответственный за выпуск Ф.С. Быковская. Пер с франц Е.П. Писаревой - Калуга: Типография Губернской Земской Управы, 1914. – 419 с.
3. Чанышев, А.Н. Итальянская философия / А.Н. Чанышев. – Издательство Московского университета, 1975. – 214 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лекция 1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ СТРУКТУРА.....

Мировоззрение

Сущность философии

Функции философии

Основной вопрос философии

Средства познания философии

Библиографический список

Лекция 2. ФИЛОСОФИЯ КАК ВИД ЗНАНИЯ

Философия – наука

Философия – идеологи

Философия – гуманитарное знание

Философия – искусство

Философия – трансцендирующее постижение объекта

Философия – любовь к мудрости

Библиографический список

Лекция 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

1. МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Миф об Атлантиде

Гиперборея, Ортополис

Люди оси

Храм странствия по мирам

Государственное устройство

Статус и передача имени

Культура тайны

Свершение справедливости

Хранители круга внутреннего

Война Гипербореи и Атлантиды

Противостояние

Война на уничтожение

Учение гипербореев (северная традиция)

Планетарная терапия

Библиографический список

2. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

ИНДУИЗМ

Веды

Брахманизм
Араньяки
Упанишады
Мифология упанишад
БУДДИЗМ
Карма
Перевоплощение
Нирвана
Самадхи
Монашество
ДЖАЙНИЗМ
Библиографический список
3. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ
Конфуцианство
Моизм
Даосизм
Процесс перемен и Дао
Инь – Ян
Фэн-Шуй
Библиографический список
4. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Библиографический список
5. ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНЕЙ ЯПОНИИ
Синтоизм
Буддизм
Библиографический список
6. ПИФАГОР И ПИФАГОРЕИЗМ
Годы странствий
Дельфийский храм
Орден Пифагора и его учение
Первая ступень посвящения
Вторая ступень посвящения – очищение
Третья ступень посвящения
Четвертая ступень посвящения
Жизнь и школа Пифагора
Библиографический список